

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

215



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 г.

Выпуск
215



Главный редактор
В. В. СЕДОВ



Москва «НАУКА» 2003

УДК 902/904
ББК 63.4
К 78

Редакционная коллегия:

В.И. ЗАВЬЯЛОВ (ответственный секретарь),
Л.В. КОЛЬЦОВ, С.Н. КОРЕНЕВСКИЙ, В.Д. КУЗНЕЦОВ, Н.В. ЛОПАТИН,
В.В. СЕДОВ (главный редактор)

Рецензенты:

доктор исторических наук А.А. МАСЛЕННИКОВ,
доктор исторических наук А.А. МЕДЫНЦЕВА

Краткие сообщения Института археологии / Ин-т археологии. – М.: Наука, 1939. – . –

Вып. 215 / Гл. ред. В.В. Седов. – 2003. – 107 с. – ISBN 5-02-032730-1

В выпуске публикуются статьи о результатах новейших исследований в области каменного и бронзового веков, скифо-сарматской, античной и средневековой культуры. В научный оборот введены наиболее существенные экспедиционные открытия, систематизированы вещевые и керамические находки, характеризуются результаты камеральных изысканий. В издании публикуются и работы периферийных археологов, сделавших доклады в Институте или на конференциях, проводимых Институтом. Завершается издание заметками, в которых дана информация о научной деятельности Института и его подразделений.

Для археологов.

ТП-2003-П-№ 187

ISBN 5-02-032730-1

© Российская академия наук и издательство “Наука”, серия “Краткие сообщения Института археологии” (разработка, оформление), 1939 (год основания), 2003

И.Л. Кызласов

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРАЗИЯ В СВЕТЕ НОВЫХ ОТКРЫТИЙ

Основное развитие археологической медиевистики, изучающей степи Евразии, в 50–90-е годы XX столетия шло в Отечестве путем выявления новых культур и прояснения конкретных вопросов их возникновения, хронологического (поэтапного) развития, географического распространения и иных особенностей существования (Археология СССР, 1981). Именно эта скрупулезная работа, проводившаяся в Южной Сибири Хакаской археологической экспедицией, руководимой Л.Р. и И.Л. Кызласовыми, подготовила три особенно важных открытия, сделанных в последнее десятилетие прошлого века в области средневековой археологии. Одно из них затрагивает средневековую историю всего Старого Света, два других – только широко расположенную срединную полосу Евразийского материка.

1. СЕВЕРНОЕ МАНИХЕЙСТВО

Обнаружено широкое распространение в Южной Сибири одной из мировых религий средневековья – манихейства.

Возникнув в III в. в Месопотамии, одно из самых книжных и энциклопедических учений Востока распространилось от Испании до Китая. Манихейство просуществовало, по крайней мере, до XVI в. и всюду было гонимо (Литвинский, Смагина, 1992). Лишь две страны мира во второй половине VIII в. избрали эту религию государственной: Уйгурский и, как выяснено ныне, Древнехакасский (Кыргызский) каганаты. Научной мысли предстоит не только осознать, но и понять этот исторический феномен.

До сих пор наука знала западное и восточное манихейство, теперь открыта его северная, сибирская разновидность. В Хакасии на месте двух обнаруженных городов раскопано 12 храмов и святилищ, соответствующих вавилонским сабейским канонам архитектурного обожествления планет. На р. Уйбате такие храмы сменяли друг друга пять столетий подряд (Кызласов Л.Р., 1998; 1999; 2001). Значение столь длительного духовного центра, действовавшего в сердце раннесредневековой Сибири, трудно переоценить. Исследование этого вопроса отныне составляет самостоятельную задачу в той области науки, которая изучает историю культуры Отечества.

Манихеи всюду проповедовали на национальных языках и, сознательно распространяя грамотность, применяли местные письменности. Новая религия вызвала в Южной Сибири подлинную культурную революцию,

поэтому, начиная с VIII в., памятников рунического письма сохранилось так много. Ныне выделено 42 енисейские надписи манихейского содержания (*Кызласов И.Л.*, 2001). Число их непрерывно растет по мере прочтения и обнаружения новых эпиграфических памятников Саяно-Алтайского нагорья и Монголии. Их оставляли и миряне, и приходские проповедники, и миссионеры.

Другое полученное доказательство распространения этой веры в Средней Сибири и Азии – особые нормы правописания: из манихейской сирийской письменности в руническое письмо была привнесена до того не свойственная ему полногласная орфография (*Кызласов Л.Р.*, *Кызласов И.Л.*, 1994; *Кызласов И.Л.*, 1997).

Манихейство, сделавшись официальным вероучением Древнехакасского государства, многие века объединяло народы в его обширных пределах: от Оби до Селенги и от Ангары до Иртыша. Потому воздействие манихейства и поныне заметно в живой культуре не только саяно-алтайцев, но и таежников-кетов, и степняков-монголов (*Кызласов Л.Р.*, 1998; 2001).

2. МНОГООБРАЗИЕ ТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ ПИСЬМЕННОСТЕЙ

Классификацией раннесредневековых написаний как восточноевропейской, так и азиатской частей Евразии доказано бытование в то время 7–8 отдельных рунических азбук. Три из них – енисейская, орхонская и таласская – происходят от одного корня и были распространены в Азии, а 4–5 других (применявшихся в Восточной Европе, Средней Азии и Сибири) имеют совершенно другие истоки (*Кызласов И.Л.*, 1987, 1990, 1994). Убежденность в былом существовании единой орхоно-енисейской письменности VIII–X вв. отныне принадлежит прошлому науки.

Две самостоятельные области возникновения и развития ранних рунических письменностей указывают на древнее разделение тюркоязычных народов Евразии на два культурно обособленных мира. Их истоки и историю науке предстоит отыскать. За самобытными письменными традициями стоят как существенные духовные различия, так и своеобразие существовавших политических формирований.

Сохранение кубанского рунического письма в Волжской Болгарии через столетие после ее мусульманизации, как и применение енисейских рун манихеями Древнехакасского государства, равно указывают на древнюю, глубокую укорененность этих местных письменностей.

Стойкие алфавитные различия свидетельствуют о давнем культурно-политическом самосознании отдельных тюркоязычных народов. Так, строгое разграничение азиатских алфавитов и письменных канонов VIII–XIII вв. показывает, что Южная Сибирь и Монголия были разделены на два культурных полюса, – так сказать, орхонский и енисейский.

Вероятно, процесс разделения каждого из двух алфавитных стволов – азиатского и евроазиатского – на отдельные рунические азбуки был некогда вызван политическими условиями, сходными с распадом Ахеменидской державы, официальное арамейское письмо которой стало родоначальником ряда самостоятельных письменностей образовавшихся новых государств Средней Азии: хорезмийской, согдийской, персидской и т.д.

3. ДРЕВНИЕ ХАКАСЫ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Выделение аскизской археологической культуры конца X–XVII вв., характеризующей государственную культуру Древнехакасской державы Южной Сибири, приобрело ныне общее евразийское значение.

Аскизские изделия XI – начала XIII в. обнаружены теперь не только на коренных саяно-алтайских землях, но также в городах и поселениях по всей Руси и Волжской Болгарии, областях мордвы и удмуртов (*Кызласов И.Л.*, 1996; 1997а; 1998; 2000; 2001а; *Руденко*, 2001; *Аскизские древности*, 2000). Они связаны с важнейшими торговыми путями и центрами Восточной Европы. Приуралье и Поволжье в ту пору пережили моду на сибирские вещи. Всего этого не могли породить эпизодические торговые связи. В восточно-европейских землях за 200 лет до монгольского нашествия возникли и веками существовали постоянные южносибирские торговые фактории и купеческие городские кварталы. Длительные добрые отношения сибиряков и европейцев сказались в грозные 1236–1242 гг. – застигнутые большой войной в Восточной Европе средневековые хакасы не покинули принявших их городов, а сражались на стороне оборонявшихся (*Белорыбкин*, 2001).

Письменные и археологические источники свидетельствуют, что международной торговле в Древнехакасском государстве оказывалась официальная поддержка (*Кызласов Л.Р.*, 1984). Совсем неслучайно аскизская культура оказалась в X–XII вв. единственной из раннесредневековых культур Южной Сибири, проникшей в Восточную Европу. Широкая направленность и дальность торговых предприятий Древнехакасского государства, их постоянный, многовековой характер заставляют признать: перед нами – одна из мировых держав раннего средневековья.

Совершенное археологией открытие столь ранних средневековых евразийских связей и особая роль в них Древнехакасского государства, Волжской Болгарии и Руси – новая тема в отечественной медиевистике. Значение ее для изучения истории нашей страны переоценить трудно.

Изложенные новые научные факты требуют обновления подходов к исследованию средневековой и питающей ее древней истории Евразии. Новые задачи столь обширны, что заслуживают внимания всего ученого сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

- Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
Аскизские древности, 2000. Аскизские древности в средневековой истории Евразии: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конф. Казань.
Белорыбкин Г.Н., 2001. Золотаревское поселение. СПб.
Кызласов И.Л., 1987. Две группы тюркских рунических алфавитов: Опыт выделения // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. М.
Кызласов И.Л., 1990. Древнетюркская руническая письменность Евразии: Опыт палеографического анализа. М.
Кызласов И.Л., 1994. Рунические письменности евразийских степей. М.
Кызласов И.Л., 1996. Сибирские землепроходцы на Руси // Горный Алтай и Россия: 240 лет. Горно-Алтайск.
Кызласов И.Л., 1997. Разновидности древнетюркской рунической орфографии: (Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма) // Acta Orientalia. Budapest. T. L, fasc. 1–3.

- Кызласов И.Л.*, 1997а. Следы пребывания древних хакасов в городах Руси XI–XIII вв. // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии. СПб.; Псков. Т. 1.
- Кызласов И.Л.*, 1998. Пребывание древних хакасов в Восточной Европе (конец X – начало XIII в.) // Славяне и их соседи: Тез. конф. М.
- Кызласов И.Л.*, 2000. Успехи в изучении древнехакасских изделий, найденных на Руси и в Поволжье // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Казань.
- Кызласов И.Л.*, 2001. Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье: (Идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии: История и культура. М.
- Кызласов И.Л.*, 2001а. Аскизская культура Южной Сибири и ее древности в Восточной Европе // Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Казань.
- Кызласов Л.Р.*, 1984. Торговые пути и связи Древнехакасского государства с Западной Сибирью и Восточной Европой // Прошлое Средней Азии. Душанбе.
- Кызласов Л.Р.*, 1998. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. № 3.
- Кызласов Л.Р.*, 1999. Средневековый манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия) // РА. № 2.
- Кызласов Л.Р.*, 2001. Сибирское манихейство // Этнографическое обозрение. № 5.
- Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л.*, 1994. Новый этап развития енисейской письменности (конец XIII – начало XV вв.) // РА. № 1.
- Литвинский Б.А., Смагина Е.Б.*, 1992. Манихейство // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки, религии. М.
- Руденко К.А.*, 2001. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв.: Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье: Исследование и каталог. Казань.

В.Е. Родинкова

ПОДВЕСКИ-ЛУННИЦЫ КОЗИЕВСКОГО КЛАДА¹

(к постановке проблемы раннесредневековых лунниц)

Среди раннесредневековых древностей Восточной Европы видное место занимают так называемые “древности антов” – своеобразный набор мужских и женских украшений, сформировавшийся в бассейне Среднего Днепра и на Днепровском лесостепном Левобережье в финале эпохи великого переселения народов и известный нам по комплексам типа Мартыновского, Козиевского-Новоодесского, Гапоновского и других подобных кладов. В результате более чем столетнего плодотворного изучения “антских” вещей была в целом разработана их хронология, определена этническая атрибуция и сделан ряд важных заключений относительно этнокультурных и социально-политических процессов, имевших место в Поднепровье в VI–VII вв. н.э. Вместе с тем, многие проблемы пока еще не получили достаточного освещения в литературе. В частности, далек от завершения анализ отдельных категорий изделий – подвесок, пронизок, браслетов и проч., – которые, не являясь столь же значимыми, как фибулы или поясные наборы, составляют, тем не менее, неотъемлемую часть

¹ Работа выполнена в рамках исследований по гранту № 362 6-го конкурса-экспертизы молодых ученых РАН. Материал собран при финансовой поддержке РГНФ (проект № 00-01-00181а/Б).

днепровского раннесредневекового металлического убора и в большой степени определяют его культурное своеобразие.

Одной из таких “непредставительных” категорий находок являются подвески в виде трехрогих лунниц и их дериваты из Козиевского клада. Украшения близких форм известны населению Европы с римского времени до эпохи средневековья, однако совместно с вещами круга “древностей антов”, за исключением Козиевского клада, они не встречены. Подобная уникальность делает весьма интересным вопрос о причинах появления подвесок-лунниц именно в составе указанного комплекса, а также о географических и этнических направлениях контактов населения Днепровского Левобережья, о которых они могут свидетельствовать.

В отечественной историографии практически единственной работой, где упоминаются интересующие нас изделия, является статья С.Ю. Каргопольцева и И.А. Бажана, посвященная проблемам хронологии так называемых пельтовидных лунниц (*Каргопольцев, Бажан, 1993*). Наряду с козиевскими подвесками авторы приводят данные о еще нескольких раннесредневековых находках, но основная часть анализируемых ими вещей принадлежит более раннему периоду. Это обстоятельство, очевидно, обусловило один из главных выводов исследования: массовое употребление украшений в виде трехрогих лунниц в Европе прекращается в V в., позже изредка встречаются лишь отдельные экземпляры изделий такого типа (*Каргопольцев, Бажан, 1993. С. 118, 120*). Отметим, однако, что многие из известных в литературе, особенно прибалтийской, находок не вписываются в хронологические рамки римского времени. Дискуссионными являются также относительно ранние датировки, предложенные С.Ю. Каргопольцевым и И.А. Бажаном для некоторых, в частности, поволжских и прикамских комплексов (*Каргопольцев, Бажан, 1993. С. 116; ср., например: Амброз, 1971. С. 107, табл. III; Богачев, 1992. С. 159, табл. 13; рис. 26; Гавритухин, 1996. С. 130, рис. 2*). Результатом отсутствия работ, посвященных собственно раннесредневековым материалам, стала двойственная ситуация, отмеченная О.А. Щегловой: недавно найденные в Верхнем Поволжье формочки для отливки трехрогих лунниц авторы публикаций на основании хронологических разработок С.Ю. Каргопольцева и И.А. Бажана склонны датировать концом IV–V или V–VI вв., хотя изображения на других входящих в те же комплексы формах зачастую находят прямые соответствия среди значительно более поздних вещей (*Фурасьев, 1996. С. 50; Исланова, Мирецкий, 1997. С. 18; Щеглова, в печати*). Очевидно, следует предположить, что в раннесредневековый период население ряда регионов Европы продолжало активно использовать украшения в форме трехрогих лунниц, и в этом контексте попытаться определить место экземпляров из Козиевки.

Из-за ограниченного объема статьи и невозможности визуального изучения большей части упоминаемых вещей мы не предлагаем здесь развернутую типологическую схему раннесредневековых трехрогих лунниц. Материал подвергнут лишь предварительной систематизации, которая с привлечением новых данных может быть изменена или дополнена. Выделенные ниже на основе самых общих признаков группы отражают, прежде всего, локальное своеобразие украшений ряда регионов Восточной Европы.

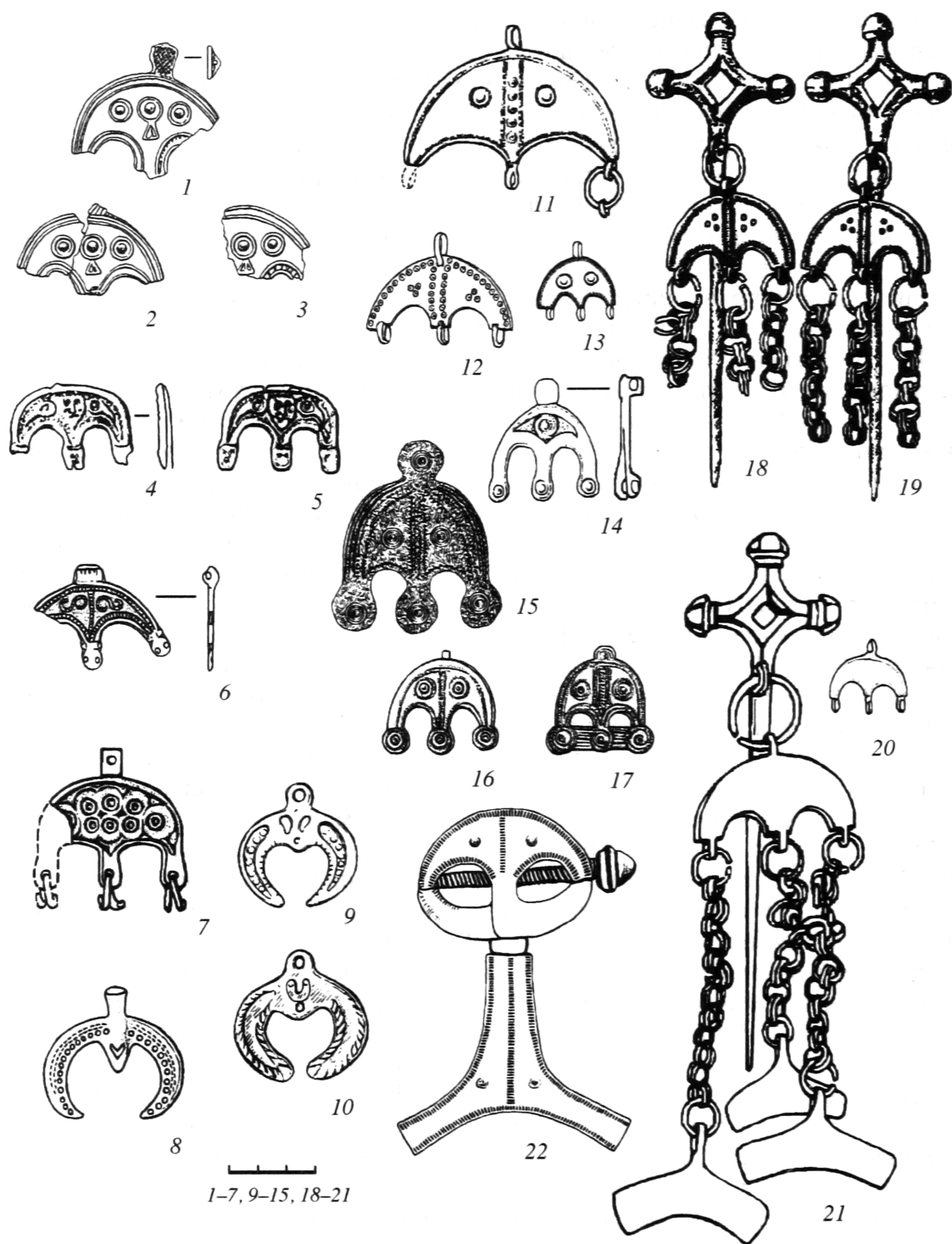


Рис. 1. Литые трехрогие лунницы

1-3 – Козиевский клад; 4, 5 – Циллингталь, погребение D 48; 6 – Княжа Гора; 7 – Данчены; 8 – Сегед-Кундомб, погребение 17; 9 – Бродовский могильник; 10 – Деменковский могильник, погребение 20; 11, 13 – Яуняйкяй (11 – погребение 466; 13 – погребение 349); 12, 18, 19 – Пожере (12 – погребение 78; 18, 19 – погребение 91); 14 – Локстене; 15 – Каарма; 16 – Лайвяй; 17 – Пришманчяй; 20 – Алтене; 21 – Жвиляй, погребение 197; 22 – Кайпен

В составе Козиевского клада зафиксировано 9 подвесок – трехрогих лунниц и их дериватов. Из них три фрагмента относятся к классу литых изделий. На их лицевой поверхности прослеживается циркульный орнамент. Один экземпляр декорирован также имитацией зерни (рис. 1: 1–3) (Корзухина, 1996. С. 398, кат. 81: 72–74, табл. 52: 10–11). Исследователи сближают их с прессованными серебряными украшениями, в центре которых помещено схематическое изображение личины, а вдоль края – кайма из псевдозерни, из погребения D 48 второго среднеаварского периода могильника Циллингталь (рис. 1: 4, 5) (Daim, 1990. S. 291, Abb. 18: 5, 6; 19: 12, 14; Гавритухин, Щеглова, 1996. С. 49; Щеглова, 1999. С. 298, рис. 9: 2, 4). Укажем еще несколько находок, с которыми, по нашему мнению, можно сопоставлять козиевские образцы. В днестро-дунайском регионе это, прежде всего, бронзовая литая массивная лунница, орнаментированная прочерченными с помощью циркуля окружностями, связанная с постчерняховским горизонтом могильника Данчены (рис. 1: 7) (Рафалович, 1986. С. 26, табл. LIX: 11). Далее, в погребении 116 могильника Залакомар две маленькие литые трехрогие подвески зафиксированы вместе с серьгами, датирующимися рубежом VIII–IX вв. (Szoke, 1992. S. 845, Taf. 1: 116). Три серебряных лунницы с геометрическим орнаментом в центре и каймой из псевдозерни по контуру, тоже очень небольшие, судя по их расположению у черепа женщины из погребения 687 раннесредневекового могильника Гольяре, служили для украшения головы или головного убора (Točik, 1968. S. 104, Taf. LXXXII: 21–23). Экземпляры из знаменитого клада ювелира в Земянском Врбовке, который был сокрыт во второй половине VII – возможно, начале VIII в., изготовлены, как и образцы из Циллингталя, в технике прессовки, тонкая серебряная фольга, наложенная на пластинчатую основу, богато орнаментирована (Stefanovicova, 1996. S. 276, 278, Abb. 5: 200). Наконец, отметим еще фрагментированное украшение, случайно найденное на Княжой Горе в Среднем Поднепровье. Это подвеска, отлитая из бронзы и декорированная выполненными при отливке композициями из псевдозерни и стилизованными изображениями звериных морд. Последние сходны с изображениями на пальчатых фибулах днепровских типов, на концах “рогов” (рис. 1: 6)².

Приведенные изделия немногочисленны, к тому же обладают выраженной индивидуальностью, поэтому выделять среди них группы типологически близких вещей кажется нам на данном этапе исследования нецелесообразным. Укажем лишь, что у экземпляров из Козиевского клада, Княжой Горы, Данчен и Залакомара общая техника изготовления – литье. Кроме того, подвеска из Данчен, как и козиевские, украшена циркульным орнаментом, а лунницы из Циллингталя и с Княжой Горы объединяет наличие схематичных изображений звериных голов на концах четко выделенных “рогов”. В целом же рассмотренный материал, на наш взгляд, свидетельствует, что у некоторых групп населения днестро-дунайского региона, как и Среднего Поднепровья, в раннесредневековое время зафиксированы в качестве

² Изображение данной находки ранее не публиковалось. За возможность его публикации приношу благодарность сотруднику Черниговского областного исторического музея В.В. Мултанен.

элемента женского убора трехрогие лунницы. Однако общие принципы, каноны изготовления и использования этих вещей пока не прослеживаются.

В рамках класса литых лунниц особую группу составляют подвески с двумя длинными загнутыми внутрь крайними “рогами” и небольшим выступом между ними (рис. 1: 9, 10), хорошо известные в Прикамье и датирующиеся временем не ранее последней четверти VII в. (Голдина, 1985. Табл. XX: 26, 27; XLVIII: 20; Голдина, Водолаго, 1990. С. 84, 93, 94, табл. XXXIX: 4–13; LXVIII: 67; LXIX: 54; Розенфельдт, 1987. Табл. LXVI: 22). Отсутствие очевидной связи между экземплярами из Козиевского клада и из бассейна Камы избавляет нас от необходимости детального анализа последних. Отметим только, что находка, чрезвычайно близкая рассматриваемым по форме, зафиксирована в погребении 17, относящемся к поздней фазе аварского могильника Сегед-Кундомб (рис. 1: 8) (Salamon, Sebestyen, 1995. P. 12, 58, pl. 2: 17, 3).

Перспективным в плане поиска аналогий украшениям из Козиевского клада кажется северо-западное направление. С.Ю. Каргопольцев и И.А. Бажан указывают на сходство их с лунницей из Финнешторпа (Каргопольцев, Бажан, 1993. С. 118, рис. 6: 8), однако, по нашему мнению, в юго-восточной Балтии существуют и гораздо более близкие им вещи. В рамках заданной темы должны быть рассмотрены три группы литых изделий. Первую составляют серебряные или бронзовые неорнаментированные подвески с полукруглым верхом и тремя выступами-“рогами” в виде небольших треугольников, иногда со срезанной вершиной, внизу (рис. 1: 20, 21). Ко второй относятся аналогичные по форме украшения, но декорированные выгравированным зигзагом и окружностями (рис. 1: 11–13, 18, 19). Наконец, в третью группу входят богато орнаментированные лунницы с выделенными удлиненными “рогами”, которые оканчиваются округлыми выступами и иногда соединяются между собой перемычками (рис. 1: 14–17). Экземпляры первой из перечисленных групп известны среди древностей земгалов, в Дзербене, в материалах могильника Яуняйкяй, в погребениях 100 и 125 могильника Пожере, погребении 197 могильника Жвиляй, в культурном слое городища Алтене, а также на Люцинском могильнике (Latvijas archeologija, 1926. Att. 54: 6; Latvijas PSR archeologija, 1974. Tab. 41: 9; Tautavičius, 1984. Pav. 17: 1, 2; 19: 1; Vaitkunskienė, 1981. Pav. 13; 1992. Pav. 5; Graudonis, 1983, Att. 32: 8; Люцинский могильник. 1893. Табл. VII: 5). Подвески второй группы происходят из погребения 14 и случайных находок на могильнике Кауштауналяй, погребений 78, 91 и случайных находок могильника Пожере, погребений 349, 459, 466 могильника Яуняйкяй (Vaitkunskienė, 1984. Pav. 20, 21; Tautavičius, 1984. Pav. 13: 1, 2; 14: 1, 2; 23; 24: 1; 1996. Pav. 109: 1; 112: 3, 4). Развитием этой типологической линии являются, очевидно, изделия третьей группы, обнаруженные в Калснаве, Некене, Лайвяй, в нескольких погребениях могильника Пришманчяй, в культурном слое городища Локстене (Latvijas archeologija, 1926. Att. 54: 4, 7; Latvijas PSR archeologija, 1974. Tab. 61: 1; Jankauskas, 1992. Pav. 1; Volkaitė-Kulikauskienė, 1997. Pav. 88: 2; 89; Mugurēvičs, 1977. Tab. XXXVII: 22). Аналогичные украшения есть также в Эстонии (Tallgren, 1925. S. 74, Abb. 100) и Финляндии

(Kivikoski, 1973. Taf. 87: 764; 88: 769). Массовое распространение лунниц первых двух групп приходится, по-видимому, на вторую половину VII в. и, в большей степени, на VIII в. (Tallgren, 1925. S. 74; Vaitkunskienė, 1984. P. 92; Tautavičius, 1984. P. 117; 1996. P. 231; Graudonis, 1983. Lpp. 82). Образцы же с округлыми завершениями “рогов” бытуют в более позднее время, вплоть до XV в. (Volkaitė-Kulikauskienė, 1997. Pav. 88: 2; 89; Mugurēvičs, 1977. Lpp. 82).

Рассматриваемые вещи носились на груди и служили цепедержателями на фибулах или булавах (рис. 1: 18, 19, 21), поэтому обладают одной характерной особенностью: внизу каждого “рога” у них отлиты петли или ушки для крепления дополнительных украшений. К сожалению, все три литые лунницы Козиевского клада повреждены. О.А. Щеглова считает их элементами ожерелья (Щеглова, 1990. С. 175, 176, рис. 7: 6, 8), однако судить сейчас, были ли они самостоятельными подвесками или к ним прикреплялись какие-либо еще детали, сложно. В целом же, сходство лунниц из Козиевки и юго-восточной Балтии в технологическом, стилистическом и функциональном отношении кажется достаточно большим. Возможно, однако, что в данном случае мы имеем дело не с механическим заимствованием определенной формы вещей – трехрогих лунниц – с одной территории на другую, с северо-запада на юго-восток, а со сходными направлениями эволюции близких типов украшений, восходящих к общим прототипам, как в балтийском регионе, так и в бассейне Днепра.

Характерно, что ювелиры Прибалтики использовали мотив трехрогой лунницы не только при изготовлении подвесок-цепедержателей, но и как элемент оформления фибул. Застежки со щитками подобных форм известны еще в V в. (Nerman, 1929. S. 24, Abb. 18, 19). Особый интерес вызывают фибула из Кайпен, которую Б. Нерман относит к концу VI–VII в. (рис. 1: 22) и чрезвычайно близкая ей находка из могильника Калниешпи II, датируемая В.В. Седовым VII–VIII вв. (Nerman, 1929. S. 25, Abb. 20; Седов, 1987. Фото 23). Их “трехрогие” щитки, разделенные по продольной оси и снабженные двумя полушаровидными выпуклостями, демонстрируют несомненную стилистическую близость с приведенными выше цепедержателями. Возможно, отмеченное сходство свидетельствует о генетической связи между этими вещами.

По данным А.Г. Фурасьева, фрагмент бронзовой лунницы происходит еще с селища Заозерье Новгородской области (Фурасьев, 1996. С. 50), однако до его публикации оценивать степень близости данной вещи с прочими подобными украшениями северо-западного региона, как и с козиевскими экземплярами, невозможно.

В рамках настоящей работы следует уделить внимание также литейным формам, на которые нанесены изображения трехрогих лунниц, хотя прямые аналоги подвескам из Козиевского клада среди этих изображений пока неизвестны. Такие формы зафиксированы как на юге, в комплексе из Бернашовки (рис. 2: 25, 26) (Винокур, 1997. С. 56, 58, рис. 18, 19), так и на более северных территориях, в Верхнем Поволжье и Поднепровье (рис. 2: 28–30; 3) (Фурасьев, 1996. С. 49, 50, рис. 11: 11; Исланова, Мирецкий, 1997. С. 16, рис. 2: 3; Штыхов, 1966. С. 245, рис. 3: 3). Вырезанные на

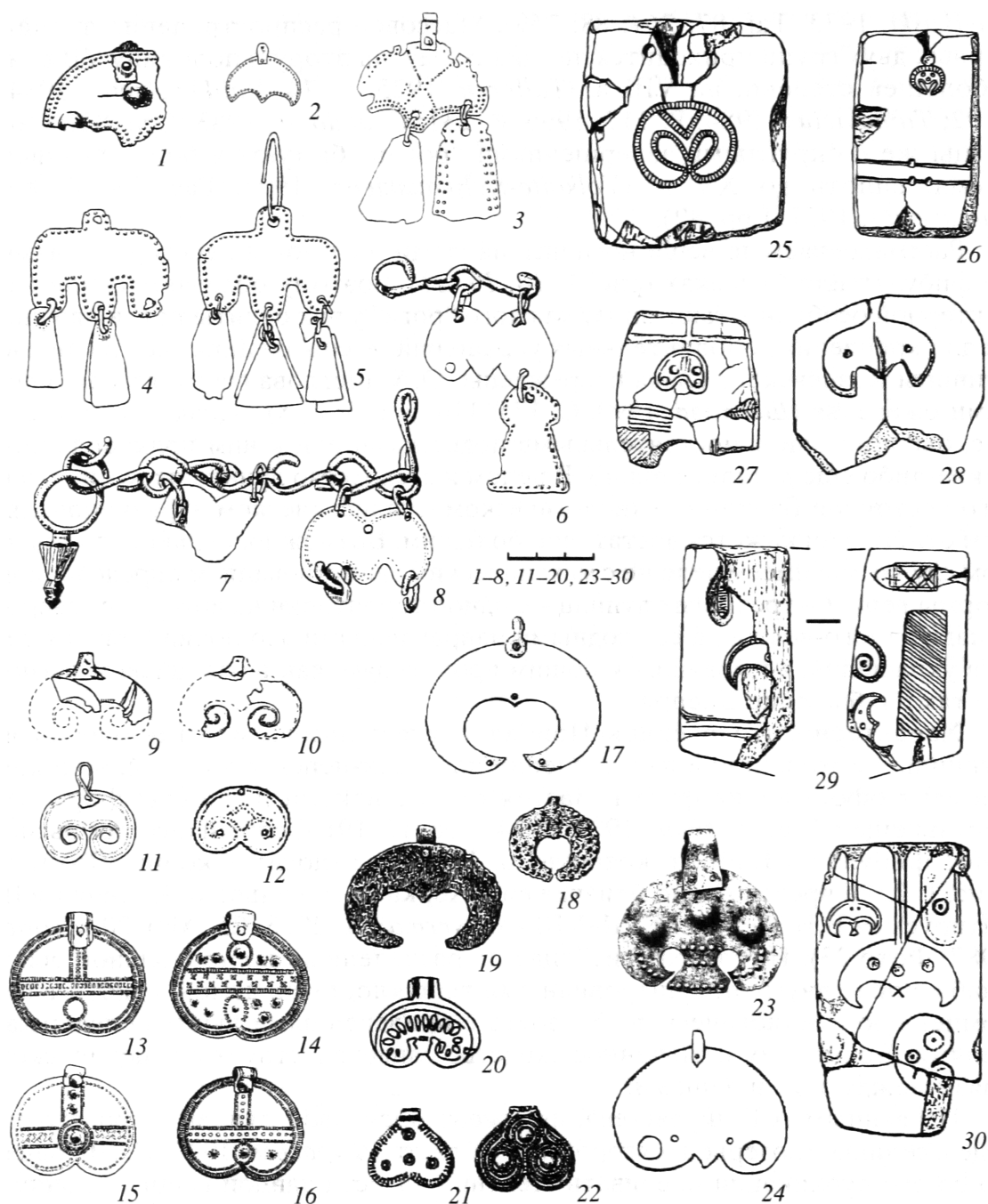


Рис. 2. Пластинчатые подвески-лунницы и каменные литейные формы с изображениями лунниц

1, 4-8 – Козиевский клад; 2 – Свила I; 3 – Банцеровщина; 9, 10 – Любахин I, курган 1; 11 – Рысна-Сааре II, курган 2; 12 – Горско; 13-16 – Юргайчяй (13 – погребение 7; 14 – погребение 4; 15 – погребение 10); 17 – Армиево, погребение 135; 18, 19 – Бирск (18 – погребение 57; 19 – погребение 27); 20 – Лелешки, погребение 14 (271); 21, 22 – Черкут; 23 – Кузьминское, погребение 42; 24 – Варни, погребение 222; 25, 26 – Бернашовка; 27 – Зимно; 28 – Витебск; 29 – Подол III; 30 – Осечен

них лунницы достаточно разнотипны; в целом они обладают меньшими размерами по сравнению с основной массой рассмотренных ранее литых изделий. Следует отметить, что отливки из интересующих нас форм использовались, очевидно, как самостоятельные подвески или нашивки, поскольку петли для крепления дополнительных украшений на концах их “рогов” не предусмотрены. Этот факт отличает их от стандартизированных прибалтийских находок и сближает с “южными” экземплярами из Циллингталя, с Княжой Горы и проч. Специальные исследования, в том числе и экспериментальные, показали, что формочки из мягких пород камня могли использоваться для непосредственного изготовления украшений из низкотемпературных свинцово-оловянных сплавов (Моора, 1963; Щеглова, 2001. С. 49; Шаблавина, 1999). Исходя из этого, следует предположить, что трехрогие лунницы в эпоху раннего средневековья являлись не только дорогостоящими серебряными и бронзовыми элементами престижного женского убора, но и сравнительно дешевым объектом массового спроса рядовых слоев населения. Согласно последним разработкам в области хронологии мелких украшений из свинцово-оловянных сплавов, техника их литья, как и основной набор форм, начинают распространяться с территории Поднестровья, Побужья и Среднего Подунавья не ранее конца VI в. (Щеглова, 2001. С. 52, 53).

В Козиевском кладе зафиксированы еще 6 лунниц, вырезанных из тонкой металлической пластины, т.е. относящихся к классу пластинчатых изделий. Среди них особое место занимает фрагмент весьма качественно выполненной подвески, украшенной полушариями и каймой из точек, выбитых пунсоном (рис. 2: 1) (Корзухина, 1996. С. 398, кат. 81: 71, табл. 52: 9). Прочие 5 экземпляров выглядят проще и грубее, полукруглая форма верхней части у них заменяется либо прямыми плечиками, либо двумя аморфными выступами, “рога” широкие, не всегда четко выделены. Три из них также орнаментированы каемкой из пунсонных точек по контуру. По-видимому, эти вещи являлись составными частями сложных пластинчатых ожерелий, так как некоторые сохранились соединенными с обрывками цепочки, кроме того, к “рожкам” трех экземпляров прикреплены трапециевидные подвески (рис. 2: 4–8) (Корзухина, 1996. С. 398, 399, кат. 81: 75, 76, 99а, б, табл. 56: 2, 3; 53: 17, 18). Характерно, что с прочими деталями ожерелий рассматриваемые образцы соединялись при помощи отверстий, пробитых прямо в пластине, а не посредством приклепанного ушка, как лунница на рис. 2: 1. Очевидно, их следует считать упрощенными подражаниями, изготовленными по образцу фрагментированной подвески с орнаментом из пунсонных полушарий и точек (рис. 2: 1) или, что менее вероятно, литых экземпляров, рассматривавшихся выше (рис. 1: 1–3).

Наиболее близкими параллелями самой качественной из пластинчатых лунниц Козиевки являются находки с городищ Свила I и Банцеровщина в междуречье Немана и Западной Двины (Шадыро, 1989. С. 42, рис. 38: 1; Митрофанов, 1967. С. 261, рис. 2: 9; Корзухина, 1996. Табл. 115: 3). Обе они бронзовые, украшены пунсонным орнаментом, а к экземпляру из Банцеровщины прикреплены еще две трапециевидные подвески (рис. 2: 2, 3). Несмотря на то, что изделие из Свилы несколько мень-

ше банцеровского и козиевского по размерам, их общее типологическое и стилистическое сходство не вызывает сомнений и позволяет выделять их в самостоятельную группу пластинчатых трехрогих лунниц. К этой же группе, вероятно, нужно причислять и 5 описанных выше подвесок-дериватов Козиевского клада.

С нашей точки зрения, однако, днепровские украшения необходимо рассматривать в более широком контексте. В лесной зоне Восточной Европы от Балтийского моря до Верхней Камы чрезвычайно распространены вещи, исполненные в той же технике, т.е. вырезанные из тонкого металлического листа. Среди них есть и трехрогие лунницы, правда, несколько иных форм, нежели происходящие из Козиевки. Одну из “лесных” групп составляют, в частности, бронзовые и серебряные пластинчатые подвески с тонкими загнутыми внутрь крайними “рогами” и едва намеченным выступом между ними из погребений 135 и 191 Армиевского могильника в Верхнем Посурье и погребений 27, 57, 123 Бирского могильника в Башкирии (рис. 2: 17–19) (Голубева, 1987. Табл. XLV: 3; Богачев, 1992. Рис. 26: п. 191; Мажитов, 1968. С. 88, 92, 101, 102, табл. 2: 20–22). Близки этим вещам серебряные экземпляры из кургана 2 могильника Рысна-Сааре II в юго-восточной Эстонии и кургана 1 могильника Любахин I на границе Новгородской и Вологодской областей (рис. 2: 9–11) (Аун, 1992. С. 126, 127, рис. 51: 11; Каргопольцев, Бажан, 1993. С. 118, рис. 6: 14, 19, 20; Башенькин, 1995. С. 25, рис. 8: 1, 2), но их закрученные в спирали крайние “рога” позволяют рассматривать их как отдельную группу восточноевропейских пластинчатых лунниц. Похожие украшения, но сделанные из железа, происходят также из нескольких пунктов в Финляндии (Kivikoski, 1973. S. 87, Taf. 70: 633). Еще один блок материала формируют “медные” пельтовидные лунницы с массивным средним выступом на нижнем крае, гладкие или орнаментированные выпуклыми полушариями и точками (рис. 2: 23). Они зафиксированы в ряде погребений Кузьминского и Борковского могильников в Поочье (Спицын, 1901. С. 34, табл. XV: 2).

Небольшую, но выразительную группу находок составляют пластинчатые подвески в форме сердечек, которые мы вслед за другими исследователями склонны считать производными от трехрогих лунниц. Очевидно, эти вещи характерны лишь для населения лесной зоны Восточной Европы, на юге подобные формы неизвестны (рис. 3). Исключением могут быть изделия, найденные на могильнике Черкут в Венгрии (рис. 2: 21, 22) (Kiss, 1977. Pl. II: 3, 4), однако они выполнены в другой технике, кроме того, их типологическая связь с трехрогими лунницами, на наш взгляд, неочевидна. По мнению некоторых специалистов, к “сердечкам” следует причислять также украшение, для отливки которого предназначалась формочка с городища Зимно (рис. 2: 27) (Аулих, 1972. С. 74, табл. XV: 5; Щеглова, в печати); мы рассматриваем данную находку как результат эволюции не трехрогих, а, скорее, двурогих лунниц, анализ которых не входит в задачи настоящего исследования.

На севере пластинчатые серебряные и бронзовые подвески сердцевидной формы известны в балтийском регионе: в захоронениях 4, 7, 10 могильника Юргайчяй (Tautavičius, 1996. Рав. 65: 1, 2, 4, 5), в кургане у д. Гор-

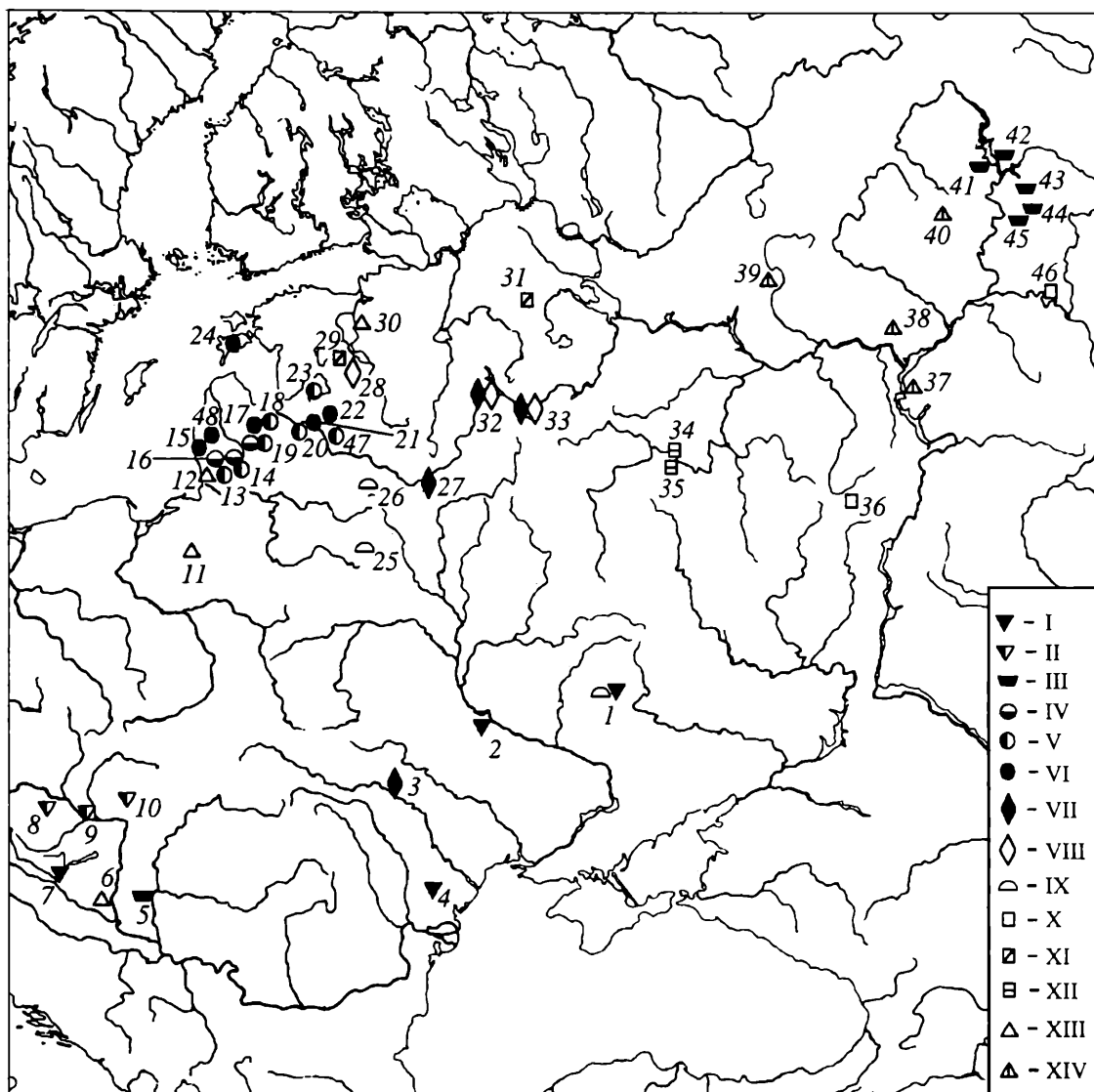


Рис. 3. Распространение трехрогих лунниц и каменных литейных форм с их изображениями
 I – литые трехрогие лунницы днестро-дунайского и днепровского регионов (рис. 1: 6, 7); II – прессованные трехрогие лунницы (рис. 1: 4); III – литые лунницы прикамской группы (рис. 1: 9); IV – литые орнаментированные трехрогие лунницы-цепедержатели (рис. 1: 11); V – литые неорнаментированные трехрогие лунницы-цепедержатели (рис. 1: 20); VI – литые трехрогие лунницы-цепедержатели с округлым завершением “рогов” (рис. 1: 16); VII – литейные формы с изображениями трехрогих лунниц (рис. 2: 25); VIII – литейные формы с изображениями сердцевидных подвесок (рис. 2: 30); IX – пластинчатые трехрогие лунницы с пунсонным орнаментом (рис. 2: 1); X – пластинчатые лунницы с загнутыми внутрь “рогами” (рис. 2: 17); XI – пластинчатые лунницы со спирально закрученными “рогами” (рис. 2: 11); XII – пластинчатые пелтовидные лунницы с массивным средним “рогом” (рис. 2: 23); XIII – пластинчатые сердцевидные подвески (рис. 2: 12); XIV – пластинчатые подвески – дериваты псевдопряжек (рис. 2: 24).
 1 – Козиевка; 2 – Княжа Гора; 3 – Бернашовка; 4 – Данчаны; 5 – Сегед-Кундомб; 6 – Черкут; 7 – Залакомар; 8 – Циллингаль; 9 – Гольяре; 10 – Земьянский Врбовок; 11 – Лелешки (бывш. Лелескен); 12 – Юргайчяй; 13 – Жвиляй; 14 – Пожере; 15 – Пришманчяй; 16 – Каштауналяй; 17 – Циемальде; 18 – Межотне; 19 – Яуняйкяй; 20 – Алтене; 21 – Локстене; 22 – Калснава; 23 – Дзербене; 24 – Каарма; 25 – Банцеровщина; 26 – Свила I; 27 – Витебск; 28 – Лоози; 29 – Рысна-Сааре II; 30 – Горско; 31 – Любахин I; 32 – Подол III; 33 – Осечен; 34 – Кузьминское; 35 – Борки; 36 – Армиево; 37 – Концовский могильник; 38 – Шор-Унжинский могильник; 39 – могильник “Чертово городище”; 40 – Варнинский могильник; 41 – Деменовский могильник; 42 – Больше-Висимский могильник; 43 – Верх-Саинский могильник; 44 – Бродовский могильник; 45 – Неволинский могильник; 46 – Бирск; 47 – Лудза (бывш. Люцин); 48 – Лайвяй

ско (рис. 2: 12–16) (*Спицын*, 1915. С. 238, рис. 34: 10; *Каргопольцев, Бажан*, 1993. С. 118, рис. 6: 13). К ним примыкают 6 штампованных экземпляров, составлявших ожерелье, из погребения 14 (271) могильника Лелешки (бывш. Лелескен) (рис. 2: 20) (*Кулаков*, 1989. С. 169, 186, рис. 24: 4), а также изображения на каменных формочках из Подола III, Осечена и из кургана 6 в Лоози (рис. 2: 29, 30) (*Фурасьев*, 1996. С. 50, рис. 11: 11; *Исланова, Мирецкий*, 1997. С. 16, рис. 2: 3; *Аун*, 1992. Табл. XIX: 6). Происхождение этих вещей можно связывать с находками типа Рысна-Сааре II и Любахина I (рис. 2: 9–11), но не исключено, что некоторые из них, например, образцы из Лелешек, имеют центральноевропейские прототипы, как полагает В.И. Кулаков.

Остановимся еще на подвесках, нижний край которых оформлен в виде двух полукружий с треугольным выступом между ними. По сторонам этого выступа изделия, как правило, орнаментированы парными круглыми сквозными отверстиями и выдавленными полушариями (рис. 2: 24). Такие находки зафиксированы на ряде памятников позднеазелинской и поломской культур (*Казаков*, 1991. С. 15, 17, рис. 1: 1–6). С.Ю. Каргопольцев и И.А. Бажан помещают их в контекст эволюции трехрогих пельтовидных лунниц (*Каргопольцев, Бажан*, 1993. С. 116, рис. 4: 23). Но существует и другая точка зрения. Е.П. Казаков считает рассматриваемые украшения результатом развития псевдопряжек; по его мнению, впервые они в качестве ременных накладок появляются среди именковских и бахмутинских древностей, откуда через короткое время заимствуются финно-угорскими племенами – носителями поломской и азелинской культур – и трансформируются в подвески (*Казаков*, 1991. С. 19). Эту гипотезу подтверждают находки снабженных шпеньками изделий интересующей нас формы среди поясных украшений, например, в погребениях Коминтерновского II могильника (*Казаков*, 1991. С. 17, рис. 1: 10–17).

По поводу хронологии древностей лесной зоны Восточной Европы и, в частности, пластинчатых подвесок-лунниц и их дериватов в литературе высказывались различные мнения. С.Ю. Каргопольцев и И.А. Бажан полагают, что украшения из Рысна-Сааре II, Горско, Любахина I “наряду с другими XII, надежно датируют нижнюю хронологическую границу памятников типа Линдора-Полибино концом IV – первой половиной V в.” (*Каргопольцев, Бажан*, 1993. С. 118). В Поволжье и Прикамье, с их точки зрения, лунницы появляются “практически синхронно с черняховскими... доживая там до V в.” (*Каргопольцев, Бажан*, 1993. С. 116). К этому же времени относил бытование рассматриваемых вещей у населения, оставившего Кузьминский и Борковский могильники, П.П. Ефименко (*Ефименко*, 1926. С. 69, 78, рис. 3: 16; табл. I; II; 1937. С. 50). С другой стороны, М. Аун указывает на сходство экземпляра из Рысна-Сааре II с изделиями VIII в. из Литвы (*Аун*, 1992. С. 126, 127). Сердцевидная подвеска из Горско аналогична образцам из Юргайчяя, одного из могильников земли Ламаты VIII в. (*Tautavičius*, 1996. Р. 361). Украшения из Лелешек встречены в комплексе с фибулами, которые, согласно хронологической шкале В.И. Кулакова, были в обращении в 550–600 гг. (*Кулаков*, 1989. С. 186). С третьей четвертью VI в. связывает лунницу из армиевского погребения 191 А.В. Богачев (*Богачев*,

1992. С. 159, 160, рис. 26, табл. 13). Захоронение 123 в Бирске, содержавшее интересующие нас вещи, принадлежит к поздней фазе развития могильника по И.О. Гавритухину (*Гавритухин*, 1996. С. 130, рис. 2); А.К. Амброз относил его к VII в. (*Амброз*, 1971. С. 107, табл. III). В VII в., по мнению этого исследователя, пластинчатые подвески-лунницы появились и в комплексах рязано-окских могильников (*Амброз*, 1971. С. 113). Находка на городище Банцеровщина была сделана в культурном слое третьей четверти I тыс. н.э. (*Митрофанов*, 1967. С. 261).

Мы не предполагаем в данной работе поставить точку в споре о времени существования украшений в виде трехрогих лунниц в восточноевропейской лесной зоне. Отметим лишь, что при современном состоянии изучения этой проблемы, без дополнительных аргументов, подтверждающих их ранние даты, достаточно весомых оснований не считать рассматриваемые вещи одним из элементов “лесного” металлического убора в раннем средневековье мы не видим.

Итак, лунницы Козиевского клада относятся к двум классам: литых и вырезанных из пластины изделий. Литым экземплярам полные аналоги пока неизвестны. По форме, способу изготовления и орнаментальной стилистике, с нашей точки зрения, им близки цепедержатели, являющиеся одним из элементов материальной культуры юго-восточной Балтии. Вырезанные из пластины вещи, вероятно, связаны с кругом пластинчатых подвесок лесной полосы Восточной Европы. Образцом для их изготовления могла послужить лунница, сохранившийся фрагмент которой выказывает очевидное сходство с находками из Свилы и Банцеровщины. Локализация последних, по-видимому, позволяет предположить наличие в ранне-средневековое время определенных контактов между населением юго-восточной части балтийского региона и Днепровского лесостепного левобережья. Эти контакты могли осуществляться в рамках перемещения людей и предметов материальной культуры по одному из важнейших водных торговых путей древности – из Балтийского в Черное море через Западную Двину, Неман, Днепр. Правда, изделия в виде трехрогих лунниц, обычные для северо-запада Восточной Европы, не характерны для “антского” металлического убора; их находка в составе Козиевского клада, как уже было отмечено, пока единственная. Поэтому для определения конкретных форм и характера связей между племенами, населявшими балтийский и днепровский регионы в VI–VII вв., необходимо в будущем привлечь к анализу и другие категории материала.

Присутствие подвесок-лунниц именно в Козиевке, по-видимому, неслучайно. Этот клад занимает особое место среди комплексов “антских древностей” как по количеству содержащихся в нем уникальных вещей, так и по чрезвычайной широте демонстрируемых ими связей. Например, козиевские браслеты с расширенными прямоугольными в сечении концами находят многочисленные аналогии среди материалов рязано-окских могильников, шаблоны для изготовления глиняных разъемных литейных форм, возможно, свидетельствуют о знакомстве их владельца с технологическими приемами, использовавшимися мастерами-ювелирами ранне-средневекового Боспора (*Родинкова*, 2003), односпиральные височные

кольца известны среди древностей восточной Литвы. Свое место среди всех этих вещей занимают и трехрогие подвески-лунницы, являя собой еще одно подтверждение прозрачности межплеменных и межэтнических границ в эпоху великого переселения народов.

ЛИТЕРАТУРА

- Амброз А.К., 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. II // СА. № 3.
- Ауліх В.В., 1972. Зимнівське городище – слов'янська пам'ятка VI–VII ст. н.е. в Західній Волині. К.
- Аун М., 1992. Археологические памятники второй половины I тыс. н.э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллинн.
- Башенькин А.Н., 1995. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси: Славяно-русские древности. СПб. Вып. 3.
- Богачев А.В., 1992. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV–VIII вв. Среднего Поволжья). Самара.
- Винокур І.С., 1997. Слов'янські ювеліри Подністров'я: За матеріалами досліджень Берншівського комплексу середини I тис. н.е. Кам'янець-Подільський.
- Гавритухин И.О., 1996. К изучению ремennых гарнитур Поволжья VI–VII вв. // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Самара.
- Гавритухин И.О., Щеглова О.А., 1996. Комплектностьклада и реконструкция гарнитур: Группы днепровских раннесредневековых кладов // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.
- Голдина Р.Д., 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск.
- Голдина Р.Д., Водолого Н.В., 1990. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск.
- Голубева Л.А., 1987. Мордва // Археология СССР: Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.
- Ефименко П.П., 1926. Рязанские могильники: Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по этнографии. Л. Т. III, вып. 1.
- Ефименко П.П., 1937. К истории западного Поволжья в I тыс. н.э. по археологическим источникам // СА. М.; Л. № 2.
- Исланова И.В., Мирецкий А.В., 1997. Находки с городища Осечен // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 2.
- Казаков Е.П., 1991. Об одной из групп украшений именьковской культуры // Проблемы археологии Среднего Поволжья. Казань.
- Каргопольцев С.Ю., Бажан И.А., 1993. К вопросу об эволюции трехрогих пельтовидных лунниц в Европе (III–VI вв.) // Петербургский археологический вестник. СПб. № 7.
- Корзухина Г.Ф., 1996. Клады и случайные находки вещей круга “древностей антов” в Среднем Поднепровье // МАИЭТ. Симферополь. Вып. V.
- Кулаков В.И., 1989. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V – начала VIII в. // Barbaricum. Warszawa. T. I.
- Люцинский могильник // МАР. 1893. № 14.
- Мажитов Н.А., 1968. Бахмутинская культура. М.
- Митрофанов А.Г., 1967. Банцеровское городище // Белорусские древности. Минск.
- Моора Х., 1963. Об оловянных украшениях и их изготовлении в Прибалтике // Munera archaeologica Iosepho Kostrzewski. Poznań.
- Рафалович И.А., 1986. Данчены: Могильник черняховской культуры III–IV вв. н.э. Кишинев.
- Родинкова В.Е., 2003. Днепровские фибулы с каймой из птичьих голов // Сборник статей памяти Е.А. Горюнова. СПб.
- Розенфельдт Р.Л., 1987. Коми-пермяцкие племена в IX–XI вв.: Родановская культура // Археология СССР: Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.

- Седов В.В., 1987. Балты // Археология СССР: Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.
- Спицын А.А., 1901. Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР. СПб. № 25.
- Спицын А.А., 1915. Археологический альбом // ЗОРСА. Пг. Т. XI.
- Фурсаев А.Г., 1996. Литейные формы из поселения Подол III в Тверской области // Сидницина Г.В. Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб.
- Шаблава Е.А., 1999. Формочки из Бернашевки: зачем и для чего? // Історія очима молодих дослідників. Донецьк. Т. I.
- Шадуро В.И., 1989. Отчет о полевых исследованиях в Миорском и Глубокском районах Витебской области // Архив ИИ АНБ. Д. № 1138.
- Штыхов Г.В., 1966. Сравнительное изучение древнейших городов Полоцкой земли и памятников их окрестностей // Древности Белоруссии. Минск.
- Щеглова О.А., 1990. О двух группах "древностей антов" в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск.
- Щеглова О.А., 1999. Женский убор из кладов "древностей антов": готское влияние или готское наследие? // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса. № 5.
- Щеглова О.А., 2001. К вопросу о месте и времени формирования традиции изготовления свинцово-оловянных украшений в формочках "типа Камно-Рыуге" // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в I тыс. христианской эры. СПб.
- Щеглова О.А., в печати. Ушедший мир свинцово-оловянных украшений: К вопросу о месте и времени формирования традиции // Ладога-Альдейга: Истоки Руси. СПб.
- Daim F., 1990. Der awarische Greif und die byzantinische Antike // Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern. Wien. Teil 2.
- Graudonis J., 1983. Altene // Arheologija un etnogrāfija. Rīga. Sēj. XIV.
- Jankauskas K., 1992. Smilkusis papūšalų iš spalvūtojų metalų dekoras // Lietuvos archeologija. № 9.
- Kiss A., 1977. Avar cemeteries in country Baranya: Cemeteries of the Avar Period (567–829) in Hungary. Budapest. Vol. II.
- Kivikoski E., 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki.
- Latvijas archeologija. Rīga. 1926.
- Latvijas PSR archeologija. Rīga. 1974.
- Mugurēvičs Ē., 1977. Oļīkalna un Lokstenes pilsnovadi. Rīga.
- Nerman B., 1929. Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit. Stockholm.
- Salamon A., Sebestyén K.Cs., 1995. The Szeged-Kundomb cemetery // Das Awarische Corpus. Debrecen; Budapest. Beiheft IV.
- Szoke B.M., 1992. Die Beziehungen zwischen dem oberen Donatal und Westungarn in der ersten Hälfte des 9. Jahrhunderts (Frauentrachtzubehör und Schmuck) // Awarenforschungen. Wien. Bd. 2.
- Stefanovicova T., 1996. Der Silberschatz von Zemiansky Vrbovok // Reitervölker aus dem Osten: Hunnen + Awaren. Eisenstadt.
- Tallgren A.M., 1925. Zur Archäologie Eestis. Dorpat. Bd. II: Von 500 bis etwa 1250 n. Chr.
- Tautavičius A., 1984. Požerės plokstinis kapinynas // Lietuvos archeologija. № 3.
- Tautavičius A., 1996. Vidurinis geležies amžius Lietuvoje (V–IX a.). Vilnius.
- Točík A., 1968. Slawisch-Awarisches Gräberfeld in Holiare. Bratislava.
- Vaitkunskienė L., 1981. Sidabras senovės Lietuvoje. Vilnius.
- Vaitkunskienė L., 1984. Kastaunalių plokstinis kapinynas // Lietuvos archeologija. № 3.
- Vaitkunskienė L., 1992. Del Zemaicių aprangos regioninio skirtumo // Lietuvos archeologija. № 9.
- Volkaitė-Kulikauskienė R., 1997. Senovės lietuvių drabužiai ir jų papuošalai (I–XVI a.). Vilnius.

Д.В. Середа

КЛАССИФИКАЦИЯ КЕРАМИКИ КОЛОЧИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (по материалам памятников Днепровского Левобережья)¹

В V–VII вв. на Днепровском Левобережье распространена колочинская археологическая культура. Ее изучение важно для более полной характеристики археологической ситуации преддревнерусского периода и, в целом, этнических процессов на левом берегу Днепра в третьей четверти I тыс. н.э.

Наиболее массовой категорией находок на колочинских поселениях и могильниках является грубая лепная керамика, анализ и классификация которой имеют большое значение для изучения хронологии культуры и ее региональных керамических традиций. Этот материал всегда привлекал особое внимание исследователей. В 1981 г. Е.А. Горюнов создал типологию лепной посуды раннеславянских памятников Подесенья III–VII вв., фактически построив общую типологическую схему керамики киевской и колочинской культур (Горюнов, 1981. С. 17–18, рис. 3). Такой подход дал прекрасные результаты для прояснения особенностей генезиса колочинских памятников в Подесенье (Горюнов, 1981; Терпиловский, 1984) и в Посеймье (Обломский, 1996а; 1996б). Модифицированная типология Е.А. Горюнова была применена Р.В. Терпиловским при анализе керамики раннеколочинских памятников Подесенья (Терпиловский, 1984. С. 19–22, рис. 13: а–г). На той же основе построена и схема О.А. Макушниковой, разработанная на материалах колочинских памятников Посожья (Макушнікау, 1985. Рис. 1).

Типологию А.М. Обломского, предложенную в 1996 г. (Обломский, 1996а. С. 101, рис. 93), отличает четкость методических принципов, позволившая автору выделить в ареале колочинской культуры несколько групп памятников, схожих по структуре керамических комплексов (Обломский, 1996а. С. 102–103). Эта схема построена по принципам, примененным А.М. Обломским ранее для изучения киевской керамики (Обломский, 1991. С. 35–37, рис. 7, 8). Его классификация учитывает контур профиля и наиболее общие пропорциональные характеристики сосуда (соотношение между диаметрами венчика и наибольшего расширения тулова горшка или миски, в некоторых случаях – соотношение между общей высотой и диаметром венчика сосуда). Морфологический и пропорциональный критерии разделены. Признак открытости/закрытости формы, выражаемый в пропорциональном соотношении D3:D1, используется только для определения разновидности сосуда – низшего в иерархии таксона (Обломский, 1991. С. 35–37).

Следует отметить, что существующие на сегодняшний день типологические схемы колочинской лепной посуды построены в расчете на решение задач, касающихся вопросов происхождения культуры в целом и генезиса керамических комплексов того или иного ее региона в частности. В связи с этим в них использован общий принцип описания керамики двух родственных куль-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта 6-го конкурса-экспертизы молодых ученых РАН, проект № 362.

тур, киевской и колочинской. Таким образом, большинство схем (Е.А. Горюнова, Р.В. Терпиловского, О.А. Макушникова) являются региональными по охвату материала и не приспособлены специально для анализа колочинского, во многом отличающегося от киевского, набора форм. На наш взгляд, рассмотренные типологические системы не совсем подходят для решения других, не менее важных вопросов, которые стоят перед исследователями в настоящее время, а именно, прежде всего, для создания периодизации колочинской культуры и установления различий в керамике разных ее областей.

В настоящей работе предложена новая классификация колочинской керамики, важнейшими чертами которой являются учет сильной фрагментированности сосудов и изучение материалов максимально возможного числа памятников.

Представляется важным, во избежание разночтений, еще раз сформулировать содержание терминов, определяющих различные характеристики сосуда. В данной работе применяется система общепринятых обозначений основных диаметров и высот. В соответствии с ней диаметр по верхнему краю (диаметр отверстия) сосуда обозначается D1, диаметр по линии основания венчика – D2, диаметр наибольшего расширения тулова сосуда – D3, а диаметр днища – D4. Общая высота сосуда обозначена H0, высота его верхней части – H1, нижней – H2. “Границей” верхней и нижней частей сосуда является условная линия, по которой проходит диаметр наибольшего расширения тулова – D3. Следует оговориться, что если венчик не выделен, то параметр D2 в характеристике сосуда отсутствует.

В работе учтены керамические материалы 34 опубликованных и неопубликованных памятников Подесенья, Южной Белоруссии и юго-восточной части ареала колочинской культуры (так здесь именуются поселения и могильники, расположенные в бассейнах рек Сейм, Псёл и Северский Донец). Использованы фонды ИИМК и Государственного Эрмитажа в г. Санкт-Петербурге, ИА в г. Москве, ИА НАНУ в г. Киеве, материалы фондов Гомельского областного исторического музея, Курского государственного областного музея археологии и другие источники данных².

Для разработки типологической схемы привлечена керамика, происходящая со следующих памятников колочинской культуры: Авдеево (могильник), Артюшково (могильник), Большие Будки (Хутор), Большие Будки (городище), Гапоново, Картамышево-1, Картамышево-2 (могильник), Картамышево-3, Княжий (могильник), Комаровка-2, Курочкин-3, Хутор Княжий, Красное-4, Лебяжье-1 (могильник), Литвиновичи-3, Шишино-5, Левкин Бугор, Целиков Бугор, Смольянь, Стрелица, Усох (могильник), Заярье, Роище, Александровка-1, Хохлов Вир, Ровчак, Выгоры-1, Выгоры-2, Колочин-1 (городище), Колочин (селище), Нисимковичи-1, Нисимковичи-2, Нисимковичи-3, Новые Громыки, Золотомино (городище) и ряда других пунк-

² Пользуясь случаем, хочу выразить свою искреннюю признательность А.М. Обломскому, В.М. Горюновой, В.Е. Родинковой, Н.А. Тихомирову, М.Б. Шукину, О.А. Щегловой, Р.В. Терпиловскому, Н.С. Абашиной, А.И. Дробушевскому, О.А. Макушникову и Н.В. Лопатину за предоставленную возможность непосредственно ознакомиться с керамическими материалами некоторых колочинских памятников и рисунками керамики в натуральную величину.

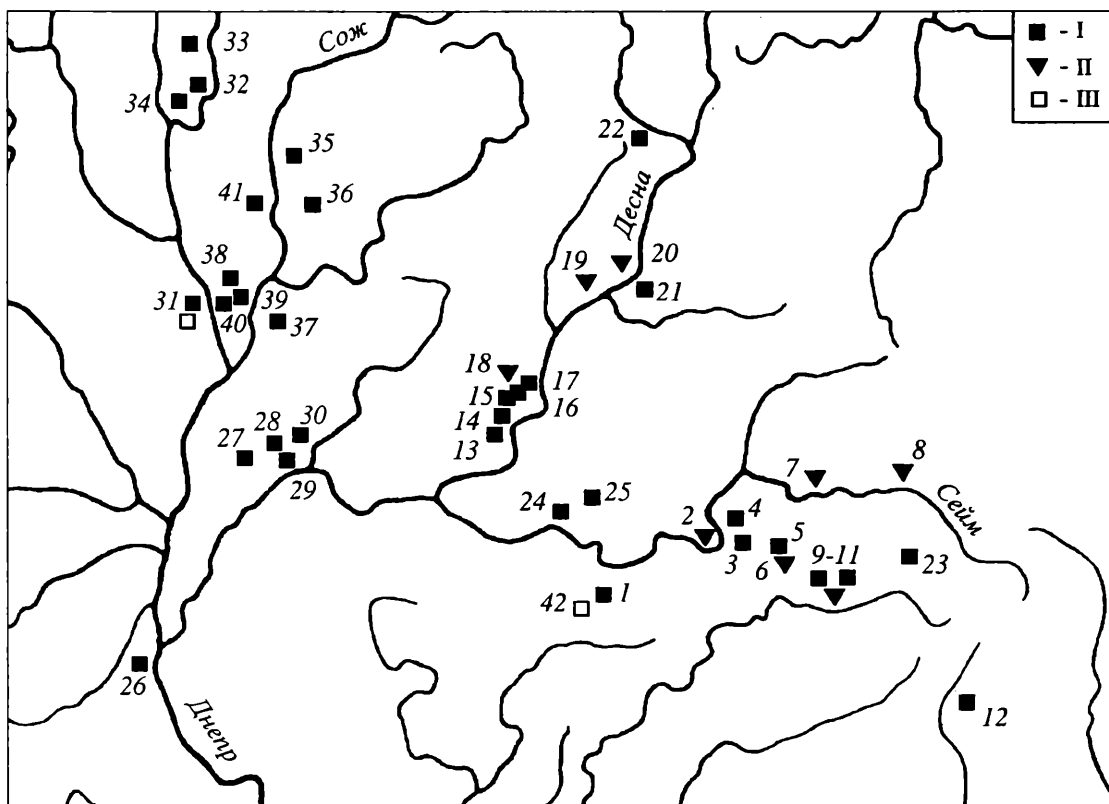


Рис. 1. Карта памятников колочинской культуры

I – поселение; II – могильник; III – городище. 1 – Большие Будки (Хутор); 2 – Артюшково; 3 – Комаровка-2; 4 – Гапоново; 5, 6 – Княжий; 7 – Авдеево; 8 – Лебяжье; 9–11 – Картамышево-1–3; 12 – Шишино-5; 13 – Заярье; 14 – Левкин Бугор; 15 – Стрелица; 16 – Синьково-Дмитрово; 17 – Целиков Бугор; 18 – Смяч; 19 – Кветунь; 20 – Усох; 21 – Хохлов Вир; 22 – Смольянь; 23 – Курочкин-3; 24 – Красное-4; 25 – Литвиновичи-3; 26 – Ходосовка; 27 – Выгоры-1–2; 28 – Роище; 29 – Александровка-1; 30 – Ровчак; 31 – Колочин; 32 – Новый Быхов; 33 – Тайманово; 34 – Нижняя Тощица; 35 – Нисимковичи-1–3; 36 – Новые Громыки; 37 – Носовичи; 38 – Телеша; 39 – Шихов; 40 – Проскурни; 41 – Золотомино; 42 – Большие Будки

тов, известных по литературе (рис. 1). Большинство их расположено на Днепровском левобережье.

В предлагаемой схеме учтены:

– сосуды, т.е. керамические формы, имеющие днище и стенки, образующие тулово; открытые либо закрытые горшки, корчаги и миниатюрные “кубки”;

– “диски”, т.е. плоскостные открытые керамические формы, в плане близкие к кругу, с невысоким бортиком или без такового.

Изучен 631 типологически определимый сосуд и 87 дисков. Для всех форм были произведены промеры их основных диаметров и высот, соответственно степени их сохранности. По степени сохранности и информативности керамический материал поселений и могильников колочинской культуры (кроме “дисков”) разделен на четыре группы – “А”, “Б”, “В”, “Г”. Для группы “А” характерны 100% извлекаемой информации о форме и пропорциях сосуда, в нее попадают целые и полностью реконструируемые формы, сохранившие все диаметры и высоты. В группу “Б” включены сосуды, сохранившиеся от венчика до участка перегиба тулова и располагающие, сле-

Таблица 1. Группы сохранности и информативности керамического материала колочинской культуры

Группа	Регион							
	Юго-Восток		Подесенье		Юг Белоруссии		Культура в целом	
	число со- судов	%	число со- судов	%	число со- судов	%	число со- судов	%
"А"	88	21%	10	10%	26	23%	124	20%
"Б"	272	65%	70	72%	75	65%	417	66%
"В"	58	14%	18	18%	14	12%	90	14%
Всего сосудов	418	100%	98	100%	115	100%	631	100%

довательно, информацией о форме и пропорциях верхней части сосуда. Материал группы "В" содержит информацию лишь о форме верхней части сосуда, но не о его основных пропорциях. Это сосуды с неподдающимся реконструкции диаметром D3 и высотой H1. Четвертая группа, "Г", включает мелкие фрагменты венчиков, стенок, днищ. Для общих построений информативность материала группы "Г" не учитывалась.

Как видно из приведенной таблицы, четыре пятых от общего числа сосудов на колочинских памятниках составляют фрагментированные формы. Во всех областях ареала культуры преобладают сосуды информативной группы "Б". Эти особенности материала были учтены при построении предлагаемой типологической схемы. Для членения колочинской лепной керамики использованы признаки, описывающие *только* верхние части керамических форм. Нижние части сосудов в основном не сохраняются, а работа исключительно с целыми формами резко сузила бы базу исследования.

Кроме сосудов, на памятниках колочинской культуры представлены диски. Почти все они фрагментированы, однако сама их форма предопределяет весьма легкую, даже по небольшому участку края, идентификацию керамического фрагмента как диска того или иного типа.

Перегиб тулова – наиболее общий признак, позволяющий описать и определить вид сосудов. По характеру перегиба тулова все колочинские сосуды можно разделить на два вида. Вид I представлен округлобокими формами (перегиб тулова скругленный, имеет форму плавной дуги). Вид II составляют ребристые формы (перегиб тулова имеет форму ребра, т.е. верхняя и нижняя части тулова сосуда соединяются под определенным углом). Ребристый или скругленный перегиб тулова может быть подчеркнут другими деталями – налепным или оттянутым валиком, псевдоручками.

Для выделения типов сосудов отобраны два морфологических признака и один метрический, а именно:

- 1) характер дуги верхней части стенок сосуда;
- 2) наличие / отсутствие венчика как конструктивно значимого элемента формы сосуда;
- 3) соотношение наибольшего диаметра тулова и диаметра венчика сосуда (D3:D1).

Были заданы три нормы значения признака 1: дуга выпуклая, вогнутая и близкая к прямой линии. Для признака 2 вводятся две нормы значений: а) венчик является технологически и конструктивно значимым элементом сосуда; б) венчик линейно является продолжением вогнутой или выпуклой дуги верхней части стенок сосуда, т.е. не выделен. Соотношение $D3:D1$ выражает степень открытости или закрытости формы. Этот признак важен как один из самых общих, описывающих пропорции сосуда. Материал выявил три устойчивых группы его значений: 1) значения, близкие к единице, колеблющиеся в интервале чисел, округляемых до 1, т.е. от 0,97 до 1,04; 2) значения, большие, чем 1,04; 3) значения, меньшие, чем 0,97. Для выделения типа сосудов нужно использовать определенные значения всех трех признаков.

Внутри типов сосуда подразделяются на варианты. Вариант в предлагаемой системе – третий в иерархии таксон. Он выделяется внутри типа по признаку, значения которого описывают *характер выделения* венчика (если в характеристике типа указано наличие венчика как конструктивно значимого элемента формы) или *характер оформления* верхнего края сосуда (при отсутствии венчика в характеристике типа). Признак выражается в описательной форме, имеет четыре нормы значения: 1) венчик не выделен, верхний край сосуда загнут внутрь; 2) венчик фактически не выделен, представляет собой пальцевую каннелюру под верхним краем сосуда; 3) венчик выделен, резко отогнут, изогнут; 4) венчик выделен, отогнут, прямой или очень слабо изогнут.

Разновидность – последняя ступень в иерархии таксонов нашей системы классификации. Она выделяется по признаку, отражающему пропорциональное соотношение диаметра наибольшего расширения тулова сосуда и высоты его верхней части ($D3:H1$). Анализ керамического материала показывает несколько устойчивых групп значений этого показателя. Значения в интервале 1,6–2,5 соответствуют разновидности 1, значения в интервале 2,6–3,5 – разновидности 2, значения в интервале 3,6–4,5 – разновидности 3, наконец, значения в интервале 4,6–5,5 и выше соответствуют разновидности 4.

В результате проведенного анализа выделено 8 типов округлобоких, 4 типа ребристых сосудов и 2 типа дисков.

В виде I (округлобоких форм) выделяются следующие типы.

Тип I (рис. 2: 1–4). Представлен сосудами с вогнутой или неопределенной формы, близкой к прямой линии дугой верхней части стенок от $D3$ до $D1$, невыделенным венчиком, являющимся продолжением дуги верхней части стенок сосуда, и устойчивым пропорциональным соотношением $D3:D1$, близким к единице, в интервале от 0,97 до 1,04. Вариантов по причине отсутствия выделенного венчика не выявлено. Тип подразделяется на 3 разновидности по пропорциям верхней части сосуда. Разновидность 1 является ведущей, разновидность 2 менее многочисленна. Встречены сосуды с очень широкой и низкой верхней частью, выделенные в разновидность 3, которая не представлена целыми формами. В общем, значения показателя $D3:H1$ для типа I варьируются в пределах 1,6–3,7, основная группа значений приходится на интервал 1,7–1,9. Наиболее часто сосуды типа I встречаются на могильниках колочинской культуры Посеймья и верхнего течения реки Псёл.

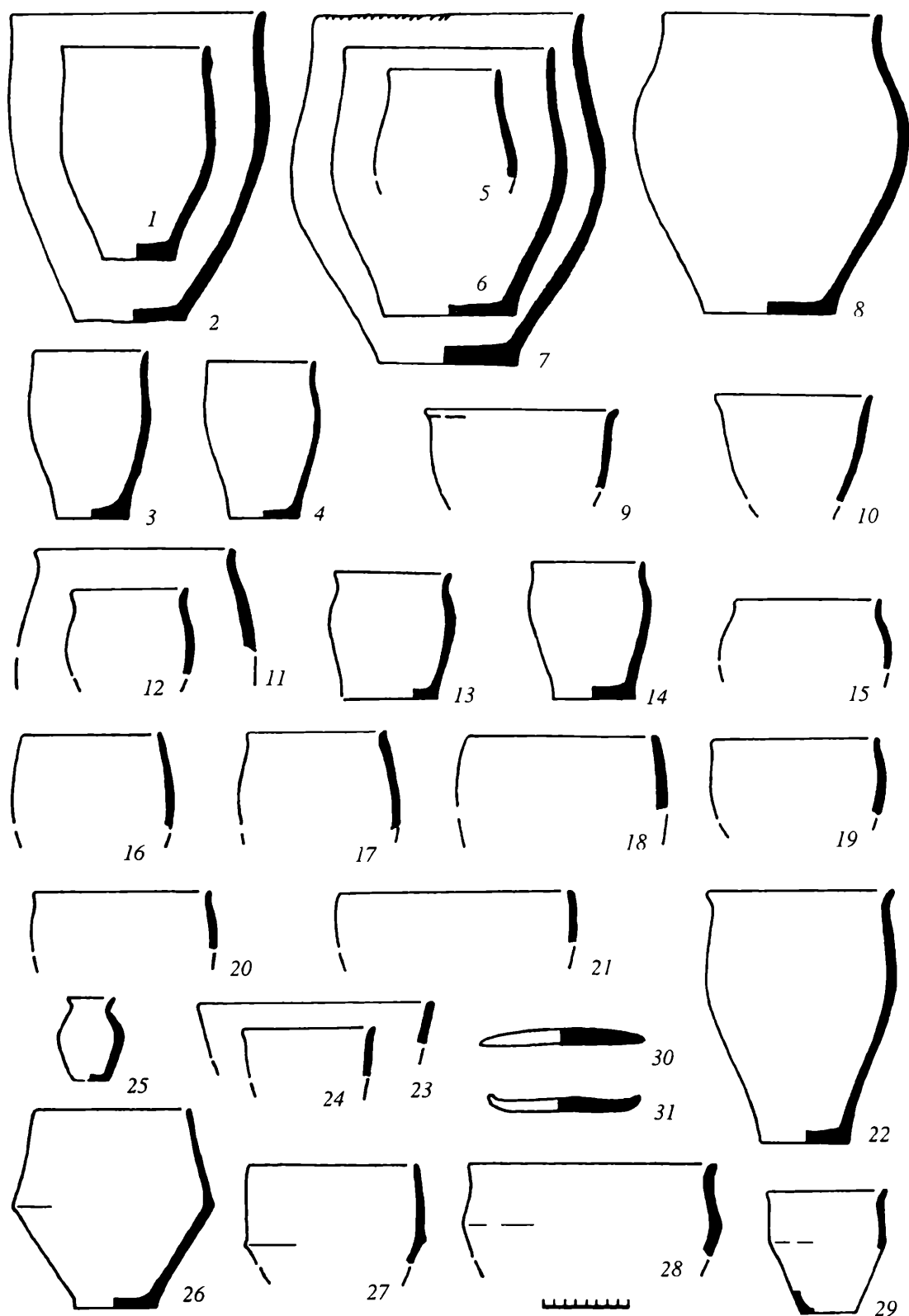


Рис. 2. Основные формы колочинской керамики

1–4 – тип I; 5–8 – тип II; 9, 10 – тип III; 11–15 – тип IV; 16–21 – тип V; 22 – тип VI; 23, 24 – тип VII; 25 – тип VIII; 26 – тип PI; 27 – тип PII; 28 – тип PIII; 29 – тип PIV; 30 – диск типа “А”; 31 – диск типа “Б”

Из 49 сосудов, по которым был выделен тип I, три четверти относятся к целым формам (группа “А”), т.е. рассматриваемый материал достаточно информативен. Поэтому, хотя пропорциональные соотношения общей высоты и диаметра наибольшего расширения тулова и показатели пропорций нижних частей сосуда не использованы при характеристике типов, в данной ситуации их следует вкратце привести. Пять сосудов относятся к группе информативности “В”, у них разновидность не определяется. Диаметр наибольшего расширения приходится преимущественно на середину общей высоты сосуда. Значения показателя D3:H0 имеют крайние пределы от 0,65 до 1,16, однако основная группа значений находится в интервале 0,6–0,9. Значения D3:H2 колеблются в пределах от 1,14 до 1,8, основная группа значений – 1,2–1,4. Значения показателя D3:D4 располагаются в рамках 1,5–2,6, основная группа значений приходится на 1,6–1,7. Интересно, что у сосудов 2-й разновидности эти показатели всегда больше 2,0, т.е. эти сосуды больше сужены к днищу.

Тип II (рис. 2: 5–8) характеризуется вогнутой или слабо вогнутой дугой верхней части стенок сосуда, невыделенным венчиком, являющимся продолжением дуги верхней части стенок сосуда, соотношением D3:D1, большим, чем 1,04. Вариантов по причине отсутствия выделенного венчика не выявлено. В рамках типа существуют 2 разновидности, разновидность 1 – ведущая. К ней примыкают четыре сосуда с показателем D3:H1, меньшим, чем 1,6. Разновидность 2 пока представлена четырьмя сосудами.

Тип представлен 64 сосудами, из них почти четверть составляют целые формы. Показатель D3:H0 в тенденции больше, чем у типа I (основная группа его значений находится в интервале 0,8–0,9), так же как и показатель D3:H2 (основная группа значений – в интервале 1,5–1,6). Основная группа значений показателя D3:D4 расположена в пределах 1,8–2,1. Почти две трети сосудов этого типа в Посеймье и на р. Псёл найдены на могильниках Лебяжье, Княжий и Картамышево-2, около 1/3 – на поселениях, причем без выраженной концентрации на каком-либо одном из них. В Южной Белоруссии больше всего сосудов данного типа на Колочинском городище, представлен он и на некоторых памятниках Подесенья.

Тип III (рис. 2: 9, 10) характеризуется сосудами с вогнутыми или слабо вогнутыми стенками верхней части, наличием венчика и наибольшим расширением по верхнему краю сосуда, т.е. соотношением D3:D1, меньшим, чем 0,97.

Тип представлен более чем 40 сосудами, из них 8 целых форм, следовательно, информативность материала в целом низкая. В зависимости от степени выделенности венчика все сосуды рассматриваемого типа разделяются на 2 варианта. Разновидности отсутствуют. Вариант I характеризуется коротким слабо выделенным венчиком, вариант II – отогнутым изогнутым венчиком. Сосуды типа III характерны, прежде всего, для таких раннеколочинских поселений, как Комаровка-2 и Литвиновичи-3, но вообще довольно широко распространены.

Тип IV (рис. 2: 11–15). Включает сосуды с выпуклой дугой верхней части стенок профиля до участка D2, выделенным отогнутым или вертикальным венчиком, соотношением D3:D1, большим, чем 1,04. Подразделяется на 2 варианта. Вариант I характеризуется отогнутым, изогнутым или слабо изогну-

тым венчиком, вариант II – прямым, иногда почти вертикальным венчиком. Выделяются 4 разновидности. Разновидности 1 и 2 представлены наибольшим числом форм. Значение соотношения $D3:D2$, показывающее степень профилированности верхней части сосуда, находится в интервале от 1,0 до 1,6. Основная группа значений $D3:H2$ у целых форм расположена в пределах 1,4–1,7. Остальные показатели не выявляют ярких черт типа.

Тип IV является самым массовым для колочинской культуры. К нему относятся более 150 сосудов, почти треть из которых – целые формы. Такая керамика присутствует и на могильниках, и на поселениях. Из юго-восточных памятников она преобладает на могильнике Картамышево-2, на поселениях Великие Будки (Хутор), Красное-4. В Подесенье сосуды этого типа встречаются на всех поселениях в значительном количестве.

Тип V (рис. 2: 16–21) характеризуют сосуды с выпуклой дугой стенок верхней части профиля, невыделенным или очень коротким, конструктивно незначимым венчиком, соотношением $D3:D1$, большим, чем 1,04. Они разделяются на два варианта. У варианта I выделенный венчик отсутствует, вариант II имеет очень короткий конструктивно незначимый венчик, т.е., фактически, каннелюру ниже участка $D1$. Разновидностей по соотношению $D3:H1$ выделяется 4. Разновидность 1 немногочисленна, еще меньшее количество экземпляров относится к разновидностям 3 и 4. Разновидность 2 – ведущая в типе. Тип массовый, представлен более чем 120 сосудам, из которых всего 25 целых форм. Таким образом, информативность материала в целом низкая.

Тип VI (рис. 2: 22). Последовательное осуществление вышеизложенных принципов классификации заставляет выделить еще одну комбинацию типобразующих признаков, и, соответственно, еще один тип сосудов. Для них, прежде всего, характерны следующие черты – выпуклая дуга стенок верхней части профиля от $D3$ до $D2$, выделенный отогнутый венчик, устойчивое соотношение $D3:D1$, равное 0,98–1,04. Варианты не выделяются, выявлено 3 разновидности. Тип VI представлен 30 сосудами.

Тип VII (рис. 2: 23, 24) включает сосуды усеченно-конической формы, с наибольшим расширением по верхнему краю и невыделенным или очень коротким конструктивно незначимым “ложным” венчиком. Дуга верхней части стенок неопределенной формы, близка к прямой линии. Соотношение $D3:D1$ всегда меньше 0,97. Выделяются два варианта – без венчика (вариант I) и с очень коротким “ложным” венчиком, образованным пальцевой каннелюрой под верхним краем сосуда (вариант II). Вариант I – ведущий в типе. Разброс значений показателя $D1$ для рассматриваемых сосудов – от 106 до 266 мм. Тип выделен по 20 сосудам, особенно характерен для раннеколочинского поселения Литвиновичи-3. Следует отметить, что не обнаружено ни одной целой формы, информация о нижних частях сосудов отсутствует.

Тип VIII. Редкая форма (рис. 2: 25). Представлен одним сосудом из Картамышево-2, который обладает неопределенной формы, близкой к прямой линии дугой верхней части стенок, резко отогнутым раструбообразным выделенным венчиком, суженным горлом, соотношением $D3:D1$, близким к 1,4. Сосуд миниатюрных размеров.

В виде II (ребристых форм) выделяются следующие типы.

Тип PI. Биконические сосуды (рис. 2: 26), включает экземпляры, для которых характерны дуга D3–D1, близкая к прямой линии, невыделенный венчик, соотношение D3:D1, большее, чем 1,04. Значение показателя D3:H1 – в пределах 1,8–2,6; показатель D3:D1, как правило, имеет реальное значение, большее или близкое 1,2. Варианты и разновидности не выделяются. Тип составляют 30 сосудов, из них 15 – целые формы.

Тип PII. Редкая форма (рис. 2: 27), характеризуется дугой D3–D1 неопределенной формы, близкой к прямой линии, невыделенным венчиком и соотношением D3:D1, близким к 1 (в интервале 0,97–1,04). Значение показателя D3:H1, как правило, меньше 2,5, но больше 2,0. Варианты и разновидности не выделяются. К типу PII относятся 4 сосуда. К нему же примыкают и редкие отклонения от цилиндрикоконического стандарта – открытые сосуды с наибольшим расширением по верхнему краю, с ребристым перегибом тулова.

Тип PIII. Редкая форма (рис. 2: 28), представленная сосудами с дугой D3–D1 неопределенной формы, близкой к прямой линии, выделенным отогнутым венчиком и соотношением D3:D2, большим, чем 1,04. Показатель D3:D2 здесь выступает вместо D3:D1, так как венчик может быть очень сильно отогнут наружу, заслоняя реальные пропорции сосуда. Тип выделен по 6 находкам.

Тип PIV (рис. 2: 29) составляют 9 сосудов с дугой D3–D1, близкой к прямой линии, значением соотношений D3:D1 и D3:D2, близким к 1 (0,97–1,04) и выделенным отогнутым венчиком.

Категория “диски” делится на два основных типа по характеру оформления края изделия:

Тип А (рис. 2: 30) – керамические формы в виде плоского или слегка выпуклого с одной или обеих сторон диска, не имеющего закраин-бортов по краю.

Тип Б (рис. 2: 31) отличается от типа А присутствием небольшой закраины – бортика.

В данной работе представлена новая типологическая схема колочинской лепной керамики. Она имеет, прежде всего, прикладной характер, создана для непосредственной работы с материалом. Керамический комплекс колочинской культуры разделен на две категории форм, два вида и 12 типов сосудов и 2 типа дисков. Основными чертами настоящей системы являются: учет сильной фрагментированности большей части лепной керамики, соединение морфологического и пропорционального критериев при выделении типов сосудов, опора на керамический материал большинства известных памятников, как ранних, так и классических, из различных регионов колочинской культуры. Представляется, что предложенная типологическая схема может служить основой при разработке периодизации культуры и выделении ее локальных вариантов. Несомненно, однако, что дальнейшее накопление материала может внести в нее определенные изменения.

ЛИТЕРАТУРА

- Горюнов Е.А., 1981. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.
- Макушнікаў А.А., 1985. Кераміка паўднёвай часткі Дняпроўска – Сожскага міжрэчча V–VII (VIII) стст. н.э. // Весці АН БССР. Сер. грамадскіх навук. № 6.
- Обломский А.М., 1991. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н.э. М.; Сумы.
- Обломский А.М., 1996а. Колочинская культура // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.
- Обломский А.М., 1996б. Среднее Посеймье в поздне римское время: Формирование южной границы колочинской культуры // РА. № 4.
- Русанова И.П., 1976. Славянские древности VI–VII вв. М.
- Сымонович Э.А., 1963. Городище Колочин I на Гомельщине // МИА. № 108.
- Терпиловский Р.В., 1984. Ранние славяне Подесенья. Киев.
- Третьяков П.Н., 1974. Древности второй и третьей четвертей I тыс. н.э. в Верхнем и Среднем Подесенье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.

М.Г. Жилин

РАБОТЫ ВЕРХНЕВОЛЖСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА ТОРФЯНИКАХ В 1992–2002 ГОДАХ¹

Торфяниковые памятники справедливо считаются опорными для изучения мезолита и неолита лесной зоны Евразии. Надежная стратиграфия, хорошая сохранность органических материалов и возможность широкого применения методов естественных наук выгодно отличают их от стоянок на минеральных грунтах, где, кроме камня и керамики, обычно ничего не сохраняется, а разновременные находки зачастую смешаны в едином слое, неподдающемся расчленению. В силу этого в течение последнего десятилетия работы Верхневолжской экспедиции под руководством автора были сосредоточены на многослойных торфяниковых поселениях Верхнего Поволжья.

Озерецкий торфяник находится в Конаковском р-не Тверской обл., в 20 км к югу от Твери. В результате разведки, проведенной автором совместно с Н.В. Левиной в 1990 г., открыто 13 стоянок каменного века, еще 3 выявлены автором в 1991 г. (Жилин, 1994. С. 47–53). В 1992–1995 гг. были продолжены раскопки многослойных поселений Озерки 5 (Жилин, 1996. С. 118–125) и 17. Небольшие раскопки еще двух стоянок – Озерки 9 и 16 – были проведены в 1990–1991 гг. В результате поселение Озерки 5 раскопано на площади 220 кв. м, Озерки 17 – 67 кв. м, Озерки 16 – 12 кв. м, Озерки 9 – 8 кв. м. Остальные памятники изучены шурфовкой и сборами с поверхности фрезерных полей. Размещение открытых памятников весьма показательно (рис. 1). Большая часть стоянок находится близ юго-западного края внутреннего суходола – узкого песчаного острова высотой до 1,5 м над поверхностью торфяника. Напротив них, примерно в 600 м к западу располагается группа из 4 стоянок, и только одна располагается около 1 км к северу. Судя по плану торфяника, выбросам из канав и результатам бурения между островной группой (стоянки 2–8, 13–17), западной группой (стоянки 9–12) и стоянкой 1 в древности располагалось довольно крупное озеро размером около 1 × 3 км. Уровень его колебался, что хорошо прослеживается по переслаиванию торфов и сапропелей в разрезах и по смещению береговых линий, что характерно для большинства озер Восточной Европы. Проведенные работы позволяют наметить историю заселения этой части Озерецкого торфяника в каменном веке (Жилин, Спиридонова, Алешинская, 1998. С. 209–218).

¹ Работы экспедиции частично финансировались РГНФ (проект № 01-01-18005), РФФИ (проект № 98-06-80506) и ФЦП “Интерграция” (№ K0545).

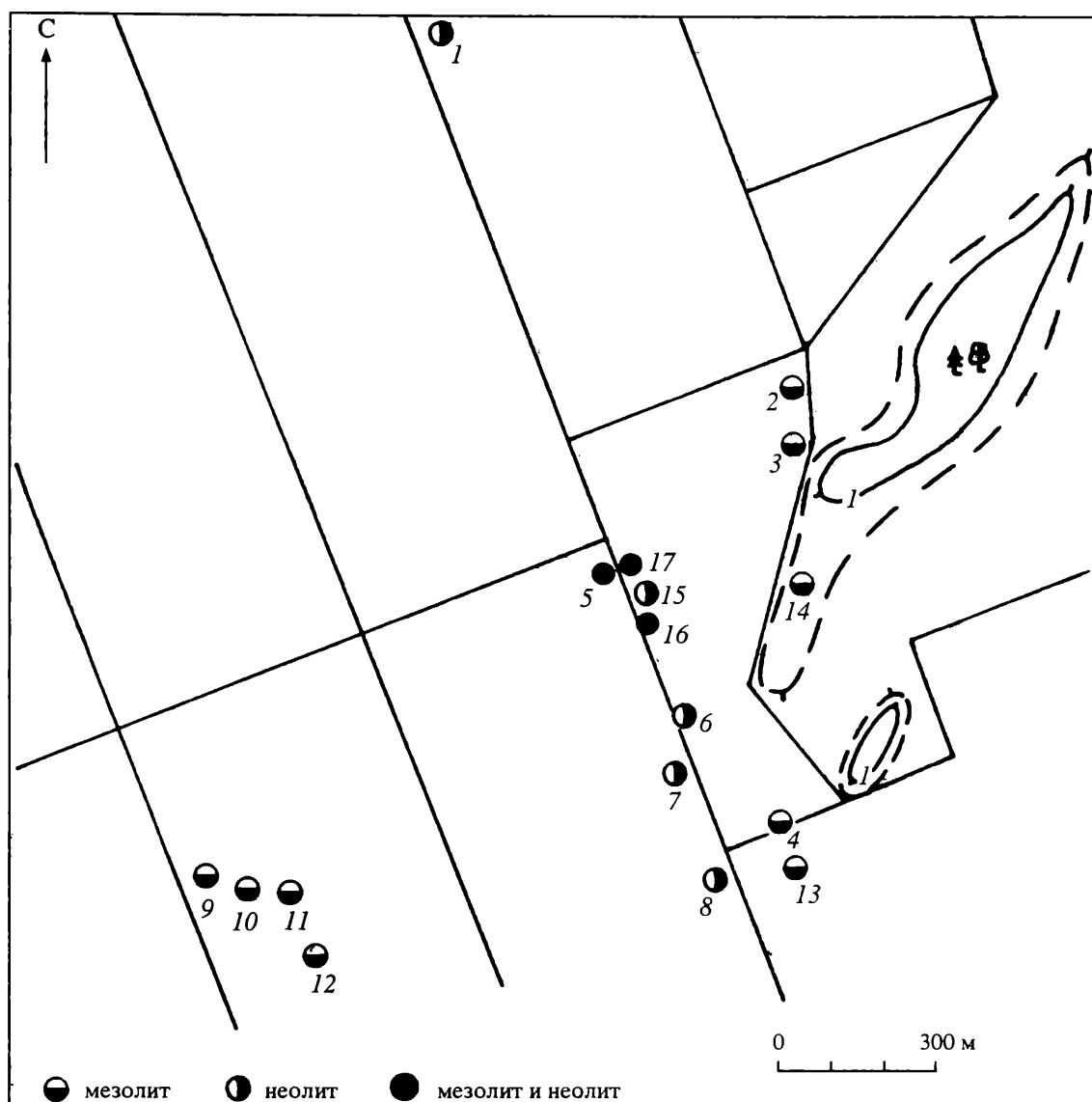


Рис. 1. Расположение стоянок на Озерецком торфянике
Цифры на плане обозначают номера стоянок

Наиболее ранней, вероятно, является стоянка Озерки 14, расположенная на песчаном острове. Культурный слой связан с погребенной почвой, залегающей под желтым песком, видимо, эолового происхождения. Кремневые изделия и технология обработки кремня характерны для раннего или начала среднего этапа бутовской культуры. Расположение памятника указывает на наиболее высокий уровень палеоозера, что позволяет предполагать пребореальный возраст стоянки.

К первой трети бореального периода относятся нижние слои поселений Озерки 16 и 17 (Жилин, 1994. С. 47–49; 2001. С. 30–31). Их возраст определяется радиоуглеродными датами 8840 ± 50 (ГИН-7474) – 8770 ± 40 (ГИН-6654) лет назад (все приводимые даты некалиброванные, отсчет от 1950 г.). Оба памятника относятся к среднему этапу бутовской культуры.

В это время отмечается регрессия палеозера, с чем связано расположение стоянок на наиболее низких береговых линиях.

Трансгрессия середины – второй половины бореального периода прослеживается на всех изученных торфяниках Верхнего Поволжья. Вероятно, с ней связаны стоянки Озерки 4 и 13, расположенные на вершинах небольших островков (рис. 1). Уровень водоема в это время, видимо, все же не достиг песчаных островов (внутренних суходолов), однако существенно превысил отметки предшествующей регрессивной фазы. Органические материалы на этих стоянках не сохранились, они были перекрыты торфом значительно позже времени заселения.

Группа стоянок в западной части исследованного участка (Озерки 9–12) занимает низкие островки, между которыми прослеживаются отдельные сапропелевые пятна – следы заливов палеозера или связанных с ним мелких озер. В шлейфе Озерков 9 сохраняется кость и дерево. Кремневый инвентарь характерен для позднего этапа бутовской культуры. Хронология этой группы определяется датой Озерков 9 – 8050 ± 450 (МГУ-1331) лет назад, что соответствует концу бореального периода. Уровень озера в это время несколько понизился, хотя и оставался еще достаточно высоким. Об этом говорит датированный концом бореального периода материковый торф с большим количеством рогоза на поселении Озерки 5.

Следующий этап заселения Озерецкого палеозера представлен нижним слоем поселения Озерки 5, давшим очень богатый и разнообразный инвентарь финального этапа бутовской культуры (Жилин, 1994. С. 50–51; 1996. С. 118–125; 2001. С. 29–30). Стоянка существовала на низком торфяном берегу, на мысу в начале залива, из которого вытекала р. Инюха. Ширина залива, отделявшего Озерки 5 от расположенной на другом берегу стоянки Озерки 17, была около 30–40 м. О регрессии и обсыхании торфяного берега свидетельствуют глубокие полигональные трещины усыхания, разбивающие материковый торф, и полное отсутствие рогоза даже в самом низу культурного слоя. Наиболее сухие условия, по данным палинологического анализа (Жилин, Спиридонова, Алешинская, 1998. С. 216–218), на Озерецком торфянике установились в конце мезолита, как раз во время отложения нижнего слоя Озерков 5. Хронология этого слоя определяется датами в интервале 7410 ± 90 (ГИН-6659) – 7120 ± 50 (ГИН-7217) лет назад. Стоянка функционировала в теплое время года, остатки флоры и фауны говорят о комплексном хозяйстве лесных охотников-рыболовов-собирателей.

Слои ранненеолитической верхневолжской культуры представлены на поселениях Озерки 1 (ранний этап), 5 (ранний, средний и поздний этапы) и 17 (средний этап). На двух последних встречена и архаическая льяловская керамика, причем в Озерках 5 в одном слое с поздней верхневолжской. Заслуживает внимания нахождение двух развалов, связанных с одним наземным кострищем, на одном уровне – позднего верхневолжского с глубоким ложношнуровым орнаментом и архаического льяловского с гребенчатоямочным орнаментом. Это, видимо, следует объяснять либо длительным переживанием верхневолжских традиций, либо сосуществованием позднего верхневолжского и архаического льяловского населения.

Керамика и каменные изделия льяловской культуры встречены в верхнем слое Озерков 5 и 17, а также в подъемном материале стоянок Озерки 6–8. Кость сохранилась только в шлейфах двух первых, на остальных стоянках она была разрушена вследствие аэрации уже к моменту открытия. Более поздних материалов не встречено. Вероятно, озеро к концу неолита заболотилось и перестало привлекать людей.

Основные работы в западной части Дубненского торфяника в Сергиево-Посадском и Талдомском р-нах Московской обл. проведены Верхневолжской экспедицией в 1989–1991 гг. (Жилин, 1997. С. 164–196). В 1996 г. продолжены раскопки многослойного поселения Нушполы 11, содержащего культурные слои среднего (слой IV) и финального (слой III) этапов бутовской культуры, льяловской (слой II) и волосовской (слой I) культур. Культурный слой IV относится по пыльце к первой половине бореального периода, по обработанному дереву получена дата 8540 ± 60 (ГИН-6653) лет назад. Культурный слой III формировался в начале атлантического периода, датирован 7130 ± 40 (ГИН-6657) лет назад.

В 1998–1999 гг. по целевой программе “Интеграция” совместно с Географическим факультетом МГУ (руководитель В.А. Низовцев) проведены комплексные ландшафтно-археологические работы, в результате которых было открыто несколько стоянок мезолита, неолита и эпохи бронзы и определено их место в современном и древнем ландшафте. Наиболее интересна стоянка Окаево 30, инвентарь которой очень близок к мезолитическим слоям Окаево 5 и 18а. На стоянке заложен разведочный раскоп и два шурфа, общая вскрытая площадь составила 20 кв. м. Спорово-пыльцевым методом памятник датирован концом бореального периода. Каменный инвентарь типичен для позднего и финального этапов бутовской культуры, встречены кости лося и бобра плохой сохранности. Интересно, что Окаево 30 располагается на вершине низкого мыса, в то время как Окаево 5 и 18а – на склоне погребенных островков. Расстояние между ними не более 50 м, а перепад высот около 3 м. Вероятнее всего, стоянка Окаево 30 функционировала в половодье и паводок, а Окаево 5 и 18а – в межень. Интересно несовпадение современного и древнего рельефов, что объясняется недавними активными русловыми процессами в половодье до углубления и спрямления русла Дубны.

С 1992 по 1997 г. Верхневолжской экспедицией под руководством автора продолжены раскопки многослойного торфяникового поселения Ивановское 7 в Переславском р-не Ярославской обл. Вскрыто 332 кв. м в центральной части памятника у подножия суходола. Исследовано три мезолитических и два неолитических культурных слоя (Жилин и др., 2002. С. 5–64). Наиболее выразительные материалы раннего этапа бутовской культуры представлены в нижнем слое, датированном радиоуглеродным методом 9650 ± 110 (ГИН-9520) и 9640 ± 60 (ГИН-9516) лет назад, а по пыльце – первой половиной пребореального периода.

В 1992–2002 гг. проводились работы на Подозерском торфянике в Комсомольском р-не Ивановской обл. Близ выхода из древнего озера р. Лахость (правый приток р. Которосль) открыто 5 стоянок. Наиболее интересно многослойное поселение Становое 4 (Жилин, 2001. С. 34–35), расположенное на

мысу между узким заливом палеозера и небольшим озерком, из которого брала начало р. Лахость. Во время регрессий озерко соединялось с заливом протокой, а во время трансгрессий было продолжением залива. Вскрыто 564 кв. м. Нижний (IV) культурный слой самого начала бутовской культуры в раскопе 3 отложился в конце позднего дриаса. Около $10\,300 \pm 70$ (ГИН-10112 – I) лет назад стоянка была затоплена в результате трансгрессии, и культурный слой был перекрыт слоем ила или сапропеля. Следующий культурный слой (IIIa) датирован 9620 ± 60 (ГИН-8377) лет назад. Он оставлен стоянкой иеневской культуры, существовавшей при кратковременной регрессии палеозера. Около 9560 ± 40 (ГИН-10125 – II) лет назад эта стоянка была также затоплена, о чем свидетельствует отложившийся слой сапропеля. Следующий (III) культурный слой начала среднего этапа бутовской культуры формировался в последней трети пребореального периода, радиоуглеродным методом он датирован около 9220 ± 60 (ГИН-8375) лет назад. Окончание заселения этого участка памятника определяется датой по кости лося 8850 ± 70 (ГИН-11093a) лет назад, после чего поселение сместилось к северу. В раскопе 2 культурный слой III бутовской культуры отнесен палинологическим методом ко второй четверти бореального периода, радиоуглеродные даты в интервале 8700 ± 70 (ГИН-8854) – 8540 ± 60 (ГИН-8853) лет назад. Во второй половине бореального периода поселение смещается на более высокий береговой уровень, культурный слой этого времени прослежен в раскопе 1. Мезолитические слои дали богатый и разнообразный набор изделий из камня (*Аверин, Жилин*, 2001. С. 8–16), кости, рога (*Жилин*, 2001. С. 55–190) и дерева, многочисленные остатки флоры и фауны.

Культурный слой II самого начала верхневолжской ранненеолитической культуры прослежен в раскопе 2. Он отнесен спорово-пыльцевым методом к ранней фазе атлантического периода, радиоуглеродным методом датирован 7030 ± 100 (ГИН-8378) лет назад. В этом слое встречено небольшое количество изделий из камня и кости и фрагменты плоскодонной керамики с прямым венчиком с примесью органики и шамота или мелкой раковины, без какого-либо орнамента. Единичные находки льяловской керамики указывают на посещение стоянки в среднем неолите. Культурный слой I, представленный в раскопе 1, относится к культуре сетчатой керамики эпохи бронзы. Это поселение, существовавшее во время наиболее высокой голоценовой трансгрессии, занимало самую верхнюю площадку мыса.

Поселение Становое 1 расположено на мысу древней озерной террасы в начале озерного залива, в 300 м от Станового 4. Вскрыто 20 кв. м. Памятник имеет два основных культурных слоя. Нижний относится к позднему мезолиту и наиболее близок мезолитическому слою раскопа 1 Станового 4. Вероятно, он также относится ко второй половине бореального периода. Верхний слой дал сетчатую керамику раннего железного века. Помимо этого, отдельными фрагментами представлена керамика верхневолжской и волосовской культур, что говорит об эпизодических посещениях стоянки. Кратковременная стоянка Становое 2 дала единичные фрагменты льяловской керамики. Кремневые изделия мезолитического облика найдены на стоянках Становое 5 и 3, на последней также встречены единичные фрагменты керамики эпохи бронзы.

В 1996 и 1999 гг. проведены разведочные работы на Сахтышском торфянике, раскопки на котором под руководством Д.А. Крайнова велись с 1961 г. В результате открыто 4 новых стоянки и уточнена привязка известных памятников к древней гидросети времени их функционирования. Наиболее интересно новое многослойное мезолитическое поселение Сахтыш 14. Памятник располагался в древности на низком берегу Сахтышского палеоозера близ выхода из него р. Койки (рис. 2). С 1999 по 2001 г. вскрыто 107 кв. м. Прослежено четыре культурных слоя, залегающих в озерно-болотных отложениях. Во всех слоях хорошо сохранились остатки флоры и фауны, изделия из различных органических материалов. Нижний культурный слой (IV) раннего этапа бутовской культуры залегает в темно-коричневом торфе или сапропеле и подстилающем оторфованном песке непосредственно на озерном дне. Серия радиоуглеродных дат по древесине, углю и кости лося помещает его в интервал 9550 ± 60 (ГИН-11616) – 9320 ± 40 (ГИН-11619) лет назад. Стоянка располагалась на низком песчаном берегу озера, в мелководных частях которого шло накопление торфа. Поселение могло функционировать только в межень или зимой, поскольку в половодье и осенний паводок заливалось. Около 9300 лет назад стоянка была затоплена, и в северной части раскопа отложился слой светлого сапропеля, перекрывший и законсервировавший нижний слой. Следующий культурный слой (III) среднего этапа бутовской культуры залегает в южной части раскопа в коричневом торфе непосредственно на предыдущем слое, а в центральной и северной частях раскопа – в самом верху слоя светлого сапропеля, отделяющего его от нижнего культурного слоя. Верхняя часть светлого сапропеля, вмещающая III культурный слой, датирована 9280 ± 50 (ГИН-11607 – II) и 9150 ± 50 (ГИН-11607 – I) лет назад. Кол, лежащий горизонтально в III культурном слое, получил дату 9010 ± 60 (ГИН-11053) лет назад, а кость лося из этого слоя – 8800 ± 100 (ГИН-11180) лет назад.

На протяжении большей части бореального периода на месте стоянки накапливались отложения торфа и сапропеля. Во время регрессии в конце бореального периода сформировалась нижняя погребенная торфяная почва. В это время озеро отступило, и на месте стоянки на обсохшем торфяном берегу рос лес. В нижней части этой погребенной почвы, датированной 8310 ± 60 (ГИН-11050) и 8240 ± 40 (ГИН-11602) лет назад, залегает культурный слой II. С этим слоем связаны четыре хозяйственные ямы, вырытые в торфе и подстилающих отложениях, что также указывает на регрессию палеоозера и обсыхание этого участка. Каменный и костяной инвентарь типичен для позднего этапа бутовской культуры. Культурный слой II перекрыт слоем коричневого торфа, отложившегося в более влажных условиях, соответствующих невысокой трансгрессии палеоозера. Во время регрессии около 7200 лет назад сформировалась верхняя погребенная почва, аналогичная нижней погребенной почве. С ней связан верхний мезолитический (Iб) культурный слой. Немногочисленные находки указывают на то, что раскопом затронута периферийная часть стоянки, оставившей этот слой. На южном конце раскопа отмечено повышение материка и выход морены. Мезолитические слои постепенно выклиниваются, выше них залегает слой серой гли-

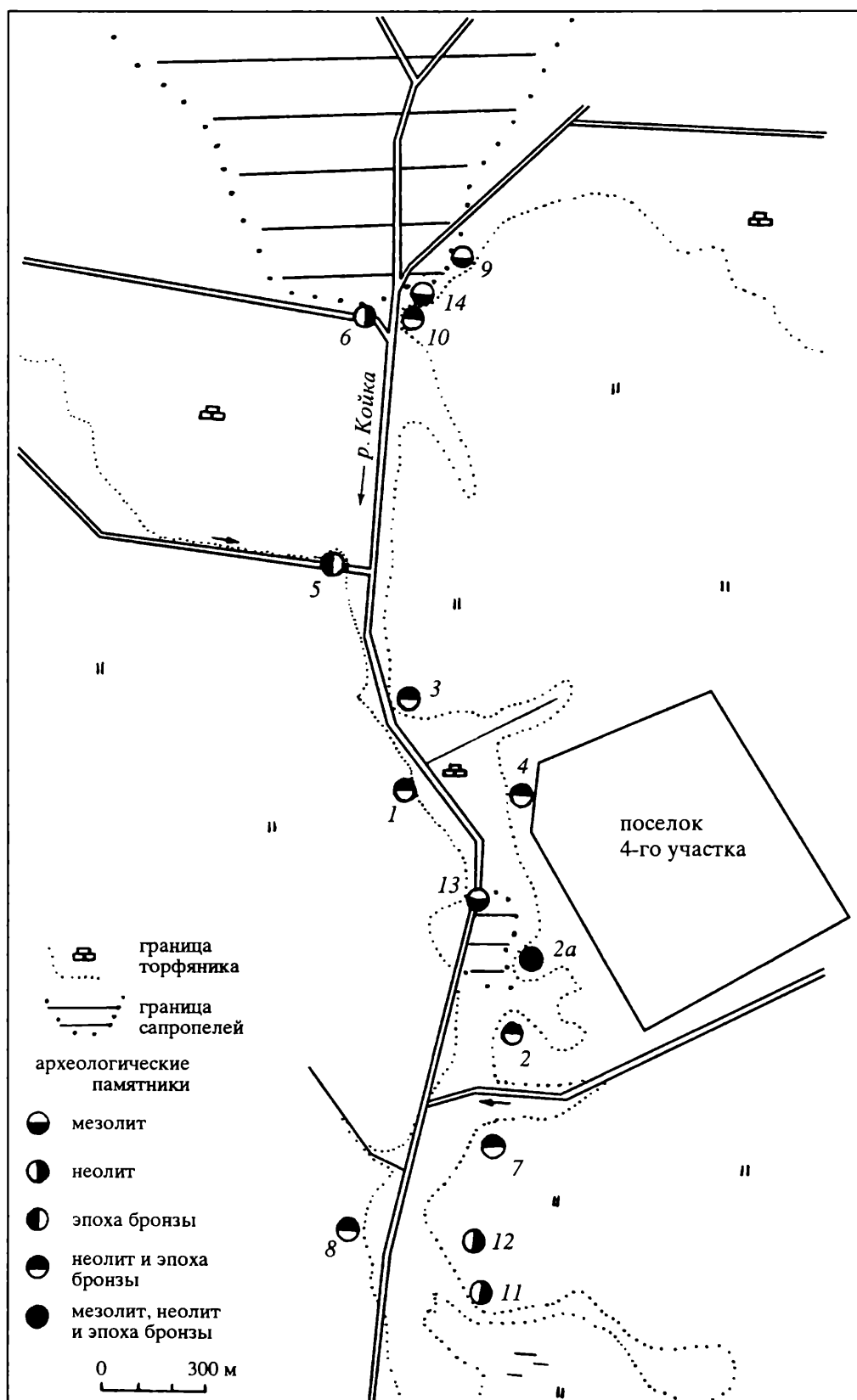


Рис. 2. Расположение стоянок на Сахтышском торфянике
Цифры на плане обозначают номера стоянок

ны, в самом верху которой встречен развал протоволосовского сосуда и несколько костей и отщепов. Подобная керамика в большом количестве представлена на находящейся в 50 м неолитической стоянке Сахтыш 10. Вероятно, край этой стоянки наложился на южный край мезолитического поселения Сахтыш 14. Поселение Сахтыш 14 представляется весьма перспективным для дальнейших стационарных раскопок.

Анализ размещения памятников Сахтышского торфяника (рис. 2) показывает, что мезолитические стоянки ориентированы на древнее Сахтышское озеро (Сахтыш 9 и 14) или на небольшое озеровидное расширение р. Койки (Сахтыш 2а и 13). В 1999 г. при участии Е.Л. Костылевой на торфяниковой части поселения Сахтыш 2а было проведено бурение, шурфовка и поставлен разведочный раскоп 16 кв. м. В этом раскопе в отложениях глины, торфа, сапропеля и песка последовательно сменяя друг друга залегали слои волосовской, льяловской и верхневолжской культур с хорошей сохранностью органических материалов. Под слоем ранней верхневолжской культуры с неорнаментированной керамикой в слое торфа прослежен слой финального мезолита, с которым связаны две верши из сосновых лучин, одна была переплетена липовым лыком. Спорово-пыльцевой метод относит этот слой к ранней фазе атлантического периода, дата вмещающего торфа 7530 ± 60 (ГИН-10861) лет назад, дата верши – 7390 ± 40 (ГИН-10860) лет назад. В слое найдены изделия из камня, кости и рога финального этапа бутовской культуры. В северной части раскопа этот слой подстилался стерильным слоем торфа или сапропеля, под которым в слое оторфованного песка прослежен нижний мезолитический культурный слой, относящийся к позднему этапу бутовской культуры. Палинологический анализ относит его формирование к концу бореального периода, что хорошо согласуется с радиоуглеродной датой по обработанной древесине 8060 ± 50 (ГИН-10862) лет назад.

Стоянки эпохи неолита и бронзы ориентированы на старое русло р. Койки и располагаются в тех местах, где оно близко подходит к минеральному берегу (рис. 2). Такая смена ориентации стоянок может объясняться двумя факторами: во-первых, отступанием палеозера и заболачиванием его берегов, а во вторых, интенсификацией рыболовства, в частности, широким внедрением различных заколов и подобных сооружений, которые наиболее эффективны на небольших речках.

В результате полевых работ, проведенных за прошедшее десятилетие Верхневолжской экспедицией на торфяниках Верхнего Поволжья, появилась возможность детально проследить динамику развития природной среды и населения региона с конца плейстоцена до середины голоцена. В настоящий момент в разной степени исследованы стоянки и культурные слои многослойных памятников конца позднего дриаса (несколько ранее 10 300 л.н. – Становое 4, слой IV); первой половины пребореального периода (9700–9600 л.н. – Ивановское 7, слой IV; около 9600 л.н. – Становое 4, слой IIIa); пребореального оптимума (9550–9300 л.н. – Сахтыш 14, слой IV); последней трети пребореала (9300–8900 л.н. – Становое 4, раскоп 3, слой III; Сахтыш 14, слой III); первой половины бореального периода (8900–8500 л.н. – Озерки 16 и 17, Нушполы 11 – нижние слои; Ивановское 7,

слой III; Становое 4, раскоп 2, слой III); второй половины и конца бореала (8400–7800 л.н. – Сахтыш 14, слой II; Становое 4, раскоп 1, слой III; Становое 1, нижний слой; Окаево 5, нижний слой); начала атлантического периода (7600–7000 л.н. – Ивановское 7, слой IIa; Нушполы 11, слой III; Озерки 5, слой IV; Окаево 4 и 18а, нижние слои). Наиболее ранние неолитические слои самого начала верхневолжской культуры представлены на стоянках Становое 4, слой II и Сахтыш 2а, раскоп 1999 г. На ряде памятников имеются неолитические культурные слои с хорошей сохранностью органических материалов.

Подводя итоги, можно отметить, что за рассмотренный период были получены новые принципиально важные данные для изучения мезолита и неолита Верхнего Поволжья и лесной зоны Восточной Европы в целом. Открыты и частично исследованы опорные памятники, получено более 150 радиоуглеродных дат, выполнены серийные палинологические и палеоботанические анализы опорных разрезов, проведены фаунистические определения. Заложена основа для детального исследования сложных процессов, протекавших в конце ледникового периода – первой половине современной геологической эпохи в первобытном обществе и его природном окружении. Комплексное изучение торфяниковых поселений с широким использованием методов естественных наук и поиск новых опорных памятников каменного века будет основной задачей Верхневолжской экспедиции на ближайшие годы².

ЛИТЕРАТУРА

- Аверин В.А., Жилин М.Г.*, 2001. Каменный инвентарь мезолитических слоев поселения Становое 4 // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород. Вып. 5.
- Жилин М.Г.*, 1994. Археологические исследования на Озерецком торфянике в 1990–1992 гг. // ТАС. Тверь. Вып. 1.
- Жилин М.Г.*, 1996. Некоторые итоги раскопок стоянки Озерки 5 в 1990–1994 гг. // ТАС. Тверь. Вып. 2.
- Жилин М.Г.*, 1997. Памятники мезолита и раннего неолита западной части Дубненского торфяника // Древности Залесского края. Сергиев Посад.
- Жилин М.Г.*, 2001. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.
- Жилин и др.* 2002. *Жилин М.Г., Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энговатова А.В.* Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья (по материалам стоянки Ивановское VII). М.
- Жилин М.Г., Спиридонова Е.А., Алешинская А.С.*, 1998. История развития природной среды и заселения стоянок Озерки 5, 16 и 17 в Конаковском районе Тверской области // ТАС. Тверь. Вып. 3.

² Автор выражает благодарность Н.Е. Зарецкой и Л.Д. Сулержицкому за проведение радиоуглеродного анализа, Е.А. Спиридоновой и А.С. Алешинской за проведение спорово-пыльцевого анализа, И.В. Кирилловой, А.А. Карху и Е.К. Сычевской за остеологические определения, О.Н. Успенской за палеоботанический анализ, а также всем участникам работ Верхневолжской экспедиции 1992–2001 гг.

Л.И. Авилова

ЗОЛОТО И МЕДЬ ТРОИ*

Нет необходимости говорить о том месте, которое занимает Троя в древней истории Анатолии и Юго-Восточной Европы. Этот памятник, впервые археологически исследованный Генрихом Шлиманом более 130 лет назад (с 1870 г.; *Schliemann*, 1881), поныне остается одним из важнейших для Западной Азии и Балкан, несмотря на неверные представления Шлимана о датировке исследованных им древностей. Эпоха Троянской войны, известная по гомеровской “Илиаде”, соотносится со слоем Трои VII (ранний железный век), в то время как наиболее мощные и выразительные напластования датируются бронзовым веком. К этому периоду относятся пять нижних слоев древнего города (*Blegen et al.*, 1950; 1951; 1953). Хронологическая колонка Трои является основой датировки многих культур и памятников, соседних и территориально удаленных, она до сих пор разрабатывается и уточняется, в том числе с использованием современных методов датирования, таких как радиоуглеродный анализ (*Korfmann, Kromer*, 1993).

Особый интерес представляет тема троянских металлических находок, в том числе драгоценных изделий, входивших в состав многочисленных кладов, также ошибочно отнесенных Шлиманом к гомеровской эпохе. В последние годы проблема коллекций Трои обсуждается в нашей стране, в частности, в связи с прошедшей в 1996 г. в ГМИИ им. А.С. Пушкина выставкой и конференцией “Троя и ее сокровища” (Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана, 1996). Пожалуй, данное исследование может показать в новом свете место ювелирного ремесла в древнем обществе: именно его продукция служила видимым воплощением и яркой манифестацией важнейших понятий – высокого социального статуса, власти, ее идеологического обоснования и связанного с ней материального богатства.

Многолетние разработки, связанные с тематикой Циркумпонтийской металлургической провинции, ведущиеся в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН, не могли не привлечь наше внимание к троянскому металлу. Автором на материалах многочисленных публикаций в течение последних 15 лет создана и пополняется компьютерная база данных (БД), содержащая в том числе подробные сведения о находках из Трои. Результаты сборов уже публиковались (*Авилова, Черных*, 1989; *Černyh et al.*, 1991), при этом троянский металл включался в общую БД по Малой Азии, но не был предметом отдельной публикации. Данная работа может отчасти восполнить этот пробел. Выход в свет подробного каталога выставки 1996 г., содержащего также сведения о троянских находках, хранящихся в музеях Афин и Филадельфии, позволил значительно уточнить количественные и морфологические характеристики троянской БД. Они публикуются в настоящей статье, где предлагается по возможности наиболее точная на сегодняшний день оценка коллекции изделий из

* Исследование проводится при финансовой поддержке РФФИ, проект № 01-06-80336.

цветного и драгоценных металлов из Трои на фоне культурно близких памятников Анатолии.

Очень кратко поясню структуру компьютерной БД. Все металлические изделия делятся по функциональному назначению на классы, которые включают набор категорий. 1-й класс – орудия труда и оружие (топоры втульчатые, плоские тесла, долота, копья, ножи/кинжалы, шилья, серпы и др.). 2-й класс – украшения и детали костюма (бусы, булавки, подвески, кольца-серьги, пряжки и т.д.). 3-й класс – защитный доспех (шлемы, пластины панцыря и др.). 4-й класс – конское снаряжение (псалии, детали упряжи). 5-й класс – металлические сосуды. 6-й класс – предметы культового назначения и знаки высокого социального статуса (статуэтки, печати, детали музыкальных инструментов и т.д.). 7-й класс – полуфабрикаты (слитки, заготовки). 8-й класс – негативы изделий на литейных формах, каменных и глиняных. 0-й класс – предметы неопределенного назначения, обломки.

В работу заложен принцип: один предмет – одна запись, содержащая его характеристику. Однако его не всегда удавалось придерживаться, так как ряд предметов оказалось невозможно подсчитать точно. В основном это касается поврежденных (окислившихся, обожженных) мелких украшений – ожерелье из многих бус, набор колец-серег и т.п.). Таких случаев немного, но они есть. Для них пришлось искать выход в приблизительных подсчетах, в результате чего создается возможность дать понятие о порядках количества этих находок – единицы, десятки, сотни. Конечно, это вносит некоторый элемент неопределенности, но при значительной численности коллекции, в целом, решающего значения не имеет, основные цифры вполне точны.

Структура каждой записи в БД включает около 50 полей, описывающих сам предмет (его форму, способ крепления), культурно-историческую принадлежность (археологический комплекс, культура, датировка), ряд фактических сведений (памятник, автор раскопок, публикации), материал изготовления, в том числе химический состав бронзы по 10 элементам при наличии спектрального анализа, и др. Обработка базы велась с помощью ряда специальных программ поисково-статистического характера, разработанных в лаборатории естественнонаучных методов ИА. Результаты ее отражены в публикуемых таблицах.

При подсчетах все материалы рассматриваются по двум основным периодам – ранний и средний бронзовые века (далее РБВ и СБВ). Первому периоду соответствует слой Трои I, второму – слои II–V. Период поздней бронзы (Троя VI) и раннего железа (Троя VII) в рамки работы не входит.

База данных включает 32 381 находку из Трои. За исключением 4 каменных топоров из клада L, все учтенные предметы изготовлены из меди и сплавов на ее основе, золота, серебра, свинца.

Поразительно, прежде всего, несоответствие общего количества находок по периодам: если в РБВ их всего 10, то в СБВ – 32 371. Ситуация выглядит еще более контрастной при учете представленных в обеих коллекциях металлов: в РБВ имеются только изделия из меди/бронзы и одна свинцовая находка (колечко), тогда как в СБВ массово представлены драгоценные металлы – золото и серебро, причем золото составляет подавляющую массу находок, практически 99% (табл. 1).

Значительный контраст наблюдается также и в представительности различных функциональных классов изделий. Основными индикаторами являются 1-й класс орудий/оружия и 2-й класс украшений. Картина снова оказывается резко контрастной: если в РБВ при малом числе находок, только эти классы представлены в коллекции,

причем поровну, то в последующий период наблюдается значительное расширение функционального репертуара находок. Кроме орудий/оружия и украшений, появляются металлические сосуды, предметы культово-религиозного назначения, а также полуфабрикаты – стандартные по форме и весу серебряные слитки и золотая проволока с равномерными насечками для изготовления мелких украшений. Это говорит не только о бурном количественном росте производства металлических изделий, но и о расцвете разнообразия их репертуара (табл. 2).

Таблица 1. Троя. Распределение общего числа находок по периодам

Материал	РБВ	СБВ	%
Медь/бронза	9	320	1
Золото		31 945	98,7
Серебро		101	0,3
Свинец	1	1	
Камень		4	
Всего находок	10	32 371	100

Таблица 2. Троя. Распределение функциональных классов находок по периодам

Функциональный класс находок	РБВ	СБВ	%
1 – орудия/оружие	5	121	0,4
2 – украшения	5	32 126	99,2
5 – сосуды		19	
6 – предметы культа		93	0,3
7 – полуфабрикаты		12	
Всего находок		32 371	100

Класс украшений имеет подавляющий перевес над всеми остальными – свыше 99%. Может возникнуть вопрос, правомерно ли считать все мелкие серийные изделия (бусины, подвески в диадемах и ожерельях) отдельными находками. Но каждая из них изготовлялась индивидуально: отливалась или отковывалась с последующей доработкой, с затратой определенной нормы труда мастером-профессионалом. Нельзя не учитывать и ценность сырья – золото и серебро высоко ценились в древности, соотношение цены золота к меди в древней Вавилонии составляло приблизительно 1 : 1000, серебра к меди – 1 : 180 (Янковская, 1986). Поэтому бусы и подвески подсчитываются по возможности с точностью до одной.

К интересующей нас эпохе СБВ, кроме отдельных находок из слоя, относится 14 комплексов, традиционно называющихся кладами (о достоверности такого определения будет сказано ниже). Приведем в сжатом виде состав комплексов.

Клад А. 27 259 находок (27 210 Au, 7 Ag, 42 бронза):

10 ножей, 15 тесел, 3 долота, 8 копий, 1 пила бронзовая, 13 сосудов (5 бронзовых, 4 Au, 4 Ag), 8130 бусин Au, 16 подвесок Au, 44 бляшки конических Au, большая диадема Au (включает 16 441 деталь: 12 271 кольцо, 4066 чешуек, 90 цепочек, 14 подвесок-идолов), малая диадема Au (включает 2211 деталей: 1750 колец, 354 чешуйки, 64 цепочки, 1 лента, 42 подвески-идола), 2 серьги-корзиночки Au (в сумме включают 158 деталей: 11 цепочек, 118 чешуек, 18 трубочек, 11 подвесок-идолов), 2 серьги-корзиночки Au (в сумме включают 145 деталей: 11 цепочек, 107 чешуек, 16 трубочек, 11 подвесок-идолов), 51 кольцо-серьга дольчатое Au, 3 браслета Au, 3 гривны (браслета?) Au, 4 “заклепки” Au, 3 слитка Ag.

Клад В. 3 находки: 3 сосуда (1 бронзовый, 2 Ag).

Клад С. 1 находка: 1 тесло бронзовое.

Клад D. 832 находки Au: 1 булава, 5 колец-серег дольчатых, 2 кольца-серьги с зернью, 1 пронизь четырехспиральная, 373 бусины полых крупных, ~450 подвесок петлевидных.

Клад F. 12 находок Au: 1 браслет, 1 булава, 2 серьги-корзиночки, 2 кольца-серьги, 1 стержень с отверстиями – слиток, 5 стержней с насечками – слитков.

Клад Ha. 169 находок Au: 9 подвесок-идолов, 5 цепочек, 48 чешуек.

Клад J. 171 находка: 169 находок Au (5 подвесок-лунниц, 5 серег-колец дольчатых, 1 серьга-корзиночка, 5 цепочек, 85 чешуек, 5 подвесок-идолов, 1 пронизь четырехспиральная, 61 кольцо, 1 браслет (гривна?)); 2 находки Ag (украшения бесформенные).

Клад K. 5 находок бронзовых: 3 тесла, 1 статуэтка антропоморфная, 1 украшение ажурное неопределенное.

Клад L. 104 находки: 4 топора каменных, ~50 украшений Au (конгломерат мелких предметов), ~50 украшений Ag (конгломерат мелких предметов).

Клад N. 39 находок: 37 находок Ag (1 браслет, 2 гривны, 1 кольцо-серьга, 12 колец-серег в конгломерате, 20 бусин (бисер) в конгломерате); 2 находки Au (1 серьга-кольцо дольчатая, 1 серьга-лунница).

Клад O. 2 находки Au: булавки (с сосудиками, биспиральная с розеткой).

Клад R. 8 находок: 6 находок Au (1 булава, 1 серьга-кольцо дольчатая, 1 пронизь четырехспиральная, 3 проволоки, свернутых спиралью); 2 находки бронзовые – булавки.

Клад в помещении 206: 151 находка Au – бусы.

Клад в помещении 252. 1284 находки Au: бусы, 2 булавки, 1 кольцо-серьга.

Еще 2 клада из слоя VI эпохи поздней бронзы не включены в подсчеты; это клад H b – 1 находка (большая золотая бляха с орнаментом в виде розетки) и клад P – 5 находок из бронзы: 1 топор-лабрис, 1 тесло, 3 серпа.

Археологический контекст кладов, найденных в ходе раскопок Шлимана, недостаточно ясен, что вполне понятно, учитывая уровень полевых исследований того времени. Противоречивость в записях и публикациях Шлимана привела даже к обвинениям его в том, что, желая поразить научный мир сенсационностью своих результатов, он сам сформировал, по крайней мере, один самый крупный комплекс – так называемый “клад Приама” (клад A) из отдельных предметов, обнаруженных в разных местах древнего города. Полемика по этому поводу продолжается до настоящего времени (Traill, 1983), од-

нако представляется, что более правы те исследователи, которые отвергает подозрения в фальсификации (Easton, 1984), тем более что позднейшие раскопки также дали клады драгоценных украшений в помещениях 206 и 252 слоя II g (Blegen et al., 1950). Бесспорный клад драгоценных предметов обнаружен и на поселении Эскияпар в Центральной Анатолии, относящемся к той же эпохе (слои Трои II–III) (Özgüc, Temizer, 1993).

Более обоснованы сомнения в определении вскрытых Шлиманом богатых комплексов как кладов. Скорее всего, ученый не сумел определить, что имеет дело с погребениями элиты, “царским некрополем”, подобным исследованному в Аладже-хейюк (Koşay, 1951) и Хорозтепе (Özgüc, 1965), тем более что кладбище периода бронзового века на территории Трои существовало: погребение в каменном ящике, хотя и без сопровождающего инвентаря было открыто раскопками экспедиции К. Блегена (Blegen et al., 1950. P. 255).

Приведу краткую характеристику анатолийских памятников, сопоставимых с Троей эпохи СБВ.

Клад Эскияпар. 1765 находок: 1531 Au, 234 Ag. Это украшения (99,5%), 7 сосудов и парадный золотой топор-молот – символ власти.

Царские захоронения Аладжи-хейюк. Оказалось возможным учесть 853 находки (330 бронза, 1 железо, 491 Au, 31 Ag). Это украшения (74%), предметы культового назначения (13,6%), орудия/оружие и сосуды.

Остатки разграбленного царского некрополя **Хорозтепе.** Учтено 110 находок (96 бронза, 6 Au, 8 Ag). Состав инвентаря не совсем сходен с троянским, это объясняется тем, что вещи в основном происходят из грабительских раскопок. Украшения стоят на последнем месте (7%), преобладают предметы культового назначения (38%), орудия/оружие (33%) и сосуды (21%).

Таблица 3. Соотношение числа находок СБВ из всей Анатолии и из Трои по материалу

Материал	Вся Анатолия	Троя
Медь/бронза	2125	320
Золото	33 997	31 945
Серебро	396	101
Свинец	33	1
Железо	1	
Камень/глина	34	4
Всего находок	36 586	32 371

Приведенные сопоставления позволяет считать, что поразительные по богатству находки Шлимана в Трое все же не являются совершенно изолированным феноменом для Анатолии периода средней бронзы. Обратимся к количественной характеристике троянской коллекции металла на фоне всей Анатолии. Из всех 22 учтенных памятников анатолийского РБВ происходит 373 находки, в том числе из Трои ничтожное количество – 10 предметов (2,7%). В СБВ картина кардинально меняется: в 54 учтенных памятниках зафиксировано 36 586 находок, в том числе в Трое – 32 371 (88,5%). Остальные 53 памятника дали 4215 находок (табл. 3).

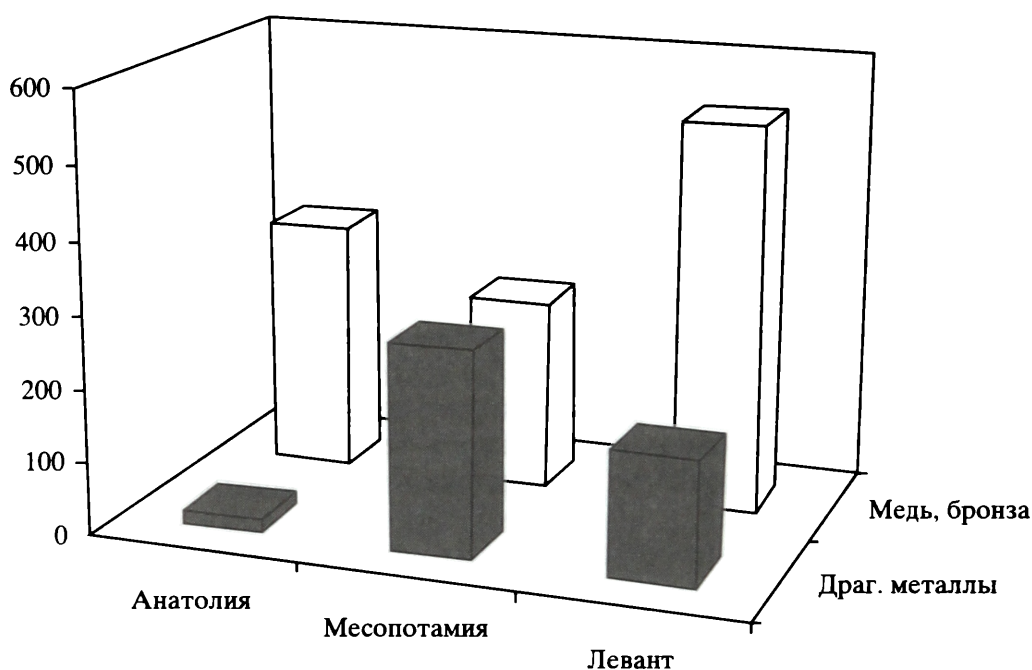


Рис. 1. Распределение находок по регионам в РБВ

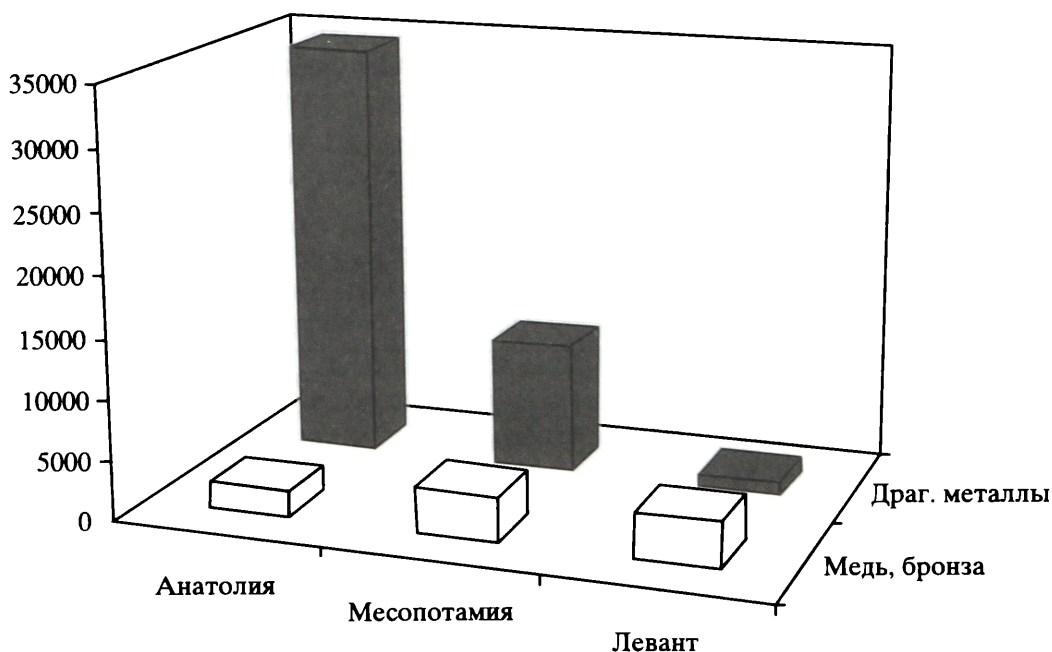


Рис. 2. Распределение находок по регионам в СБВ

Таким образом, оказывается, что в период РБВ Троя была рядовым, более того, весьма скромным поселком, и Анатолия в целом далеко не выделялась многочисленностью и богатством металлических изделий; ее опережали такие регионы, как Месопотамия и Левант (580 и 700 находок соответственно) (рис. 1). Но в эпоху средней бронзы Анатолия резко вырывается

вперед и выходит на те же позиции, что и Месопотамия, достигая уровня развития цивилизаций ранних государств, с поселениями городского типа, дворцовыми постройками, могильниками социальной элиты. Индикатором этого прорыва служат и богатейшие коллекции металлических изделий, в том числе золотые и серебряные сокровища (рис. 2).

ЛИТЕРАТУРА

- Авилова Л.И., Черных Е.Н., 1989. Малая Азия в системе металлургических провинций // Естественные научные методы в археологии. М.
- Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана: ГМИИ им. А.С. Пушкина – Леонардо Арте. М., 1996.
- Янковская Н.Б., 1986. К проблеме оптовой торговли Каниша // ВДИ. № 2.
- Blegen C.W., Caskey J.L., Rawson M., Sperling J., 1950. Troy. Princeton. Vol. I: The first and second settlements.
- Blegen C.W., Caskey J.L., Rawson M., 1951. Troy. Princeton. Vol. II: The third, fourth and fifth settlements.
- Blegen C.W., Caskey J.L., Rawson M., 1953. Troy. Princeton. Vol. III. The sixth settlement.
- Černyh E.N., Avilova L.I., Barceva T.B., Orlovskaja L.B., Tenejšvili T.O., 1991. The Circumpontic metallurgical province as a system // East and West. Vol. 41.
- Easton D.F., 1984. "Priam's treasure" // Anatolian Studies. Vol. 34.
- Korfmann M., Kromer B., 1993. Demircihoyuk, Besiktepe, Troia – eine Zwischenbilanz zur Chronologie dreier Orte in Westanatolien // Studia Troica. Mainz am Rhein. Bd. 3.
- Koşay H.Z., 1951. Alaca Höyük kazisi 1937–1939: Les fouilles d'Alaca Höyük. Ankara.
- Özgüç T., 1965. New finds from Horoztepe // Anatolia. Vol. 8.
- Özgüç T., Temizer R., 1993. The Eskiypar treasure // Aspects of art and iconography: Anatolia and its neighbours: Studies in honour of Nimet Özgüç. Ankara.
- Schliemann H., 1881. Ilios: The city and country of the Trojans. London.
- Traill D.A., 1983. Schliemann's "discovery" of "Priam's treasure" // Antiquity. Vol. 57.

В.Н. Чхаидзе

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АМФОРА С ГРАФФИТИ ИЗ ТАМАНСКОГО МУЗЕЯ ВИНОГРАДАРСТВА И ВИНОДЕЛИЯ

В экспозиции Таманского музея виноградарства и виноделия (ст. Тамань, Темрюкского р-на, Краснодарского края) выставлена средневековая амфора с граффити (рис. 1), приобретенная сотрудниками музея у одного из местных жителей. Точное место находки установить не удалось.

Сосуд изготовлен из светло-красной глины с примесями слюды, зерен кварца и редких известковых частиц. В тесте присутствуют многочисленные поры – остатки рубленой соломы. Горло высокое, венчик отогнут, напоминающая отложной воротничок. Ручки уплощенные, крепятся на плечах сосуда, вертикально поднимаются, несколько возвышаясь над венчиком и после плавного перегиба, крепятся непосредственно под ним. Тулово сильно выраженной грушевидной формы, поверхность сглажена, по плечикам проведено пять полос линейного орнамента. Стенки толстые, дно округлое.

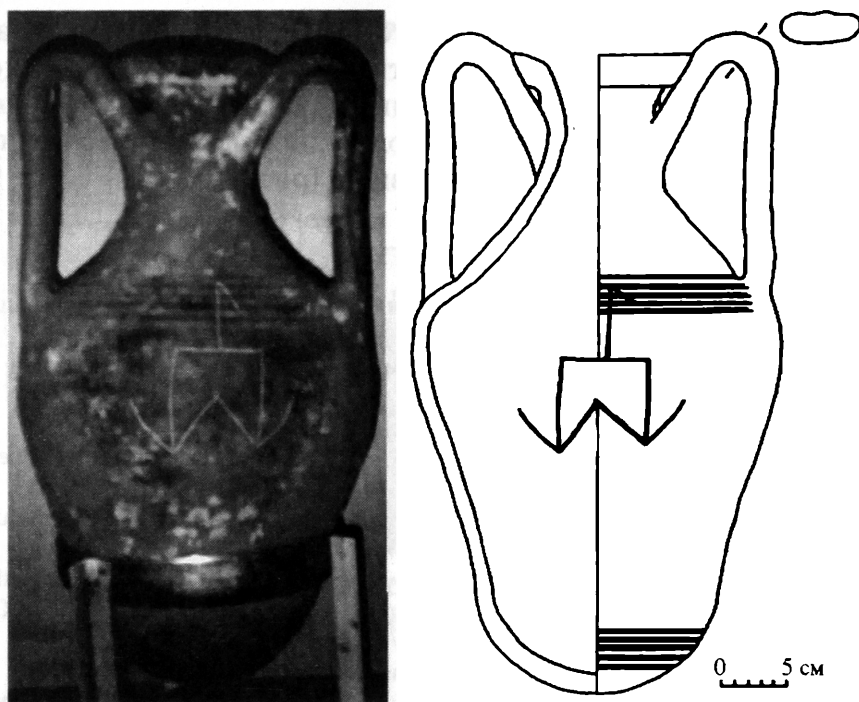


Рис. 1. Амфора из Таманского музея виноградарства и виноделия

Основные параметры: общая высота 49,5 см, высота без ручек 48 см, глубина вместилища амфоры 46,5 см, максимальный диаметр тулова 25 см, высота верхней части от места максимального диаметра 21,5 см, диаметр устья горла 6 см, внешний диаметр по венчику 12 см, толщина венчика 2,5 см, диаметр ручек 5,5 × 2,5 см. Объем амфоры 10 л.

Подобные сосуды, широко распространенные в Средиземноморье и бассейне Черного моря, известны в научной литературе как “воротничковые”, “грушевидные” или “триллийские”.

Амфора соответствует типу XXI по первой херсонесской классификации (Антонова и др., 1971. С. 93, рис. 22–23), классу 43 по второй херсонесской классификации (Романчук и др., 1995. С. 68–70, табл. 34), типу II по Н. Гунсенин (Gunsenin, 1990. Р. 24–28, fig. 13–35), типу 60 по Дж. Хэйсу (Hayes, 1992. Р. 75–76, fig. 26: 4–5), типу 52 по А.Ю. Сазанову (Sazanov, 1997. Р. 98, tab. 1: 52) и др.

Данный сосуд датируется временем от середины X до конца XI – начала XII в. (Якобсон, 1979. С. 109; Антонова и др., 1971. С. 93; Волков, 1992. Рис. 1: 1–3; Sazanov, 1997. Р. 98; Булгаков, 2001. С. 156).

А.Л. Якобсон выделяет два варианта этих амфор, различающихся формой ручек. У наиболее раннего варианта ручки не возвышались над венчиком (Якобсон, 1979. С. 109, рис. 68: 1–4), впоследствии поднимаясь все выше, венчик был атрофирован, превращен в валик и зажат между двумя массивными ручками. Различные формы этих сосудов, позволяют говорить о хронологической разнице (Плетнева, 1959. С. 246). Таким образом, группа “воротничковых” амфор эволюционировала в “веретенообразные амфоры с высокими ручками” (XII–XIV вв.) – это две группы амфор, хронологически

и морфологически различные, но генетически связанные между собой. И.В. Волков, изучающий технологию производства средневековых амфор, представляет сосуды этого типа в двух хронологически последовательных вариантах, основное различие которых – форма ручек и перехват на тулове (Волков, 1992. С. 149, рис. 5: 1–3).

Во второй херсонесской классификации “воротничковые” амфоры выделяются в два класса, различающиеся структурой черепка (Романчук и др., 1995. С. 69), однако, если основываться лишь на анализе глин, то количество видов этих амфор может достигать до четырех. По материалам многолетних раскопок Таманского городища, фрагменты подобных амфор всегда различаются по составу глины. Преобладают светло-красные черепки с большим количеством пор, редкими блестками слюды и иногда с примесью соломы, часто покрытые белым или серым ангобом. Реже попадаются сероглиняные с незначительным содержанием слюды, обязательным наличием пор и примесью соломы. Совсем мало коричнево-красных со слюдой и порами и оранжевых со слюдой, порами и примесями рубленой соломы в тесте (Плетнева, 1963. Рис. 32: 2).

Следует отметить, что локализация центра, производившего данные сосуды, в настоящее время определению не поддается. И.В. Волков, наиболее вероятным центром-экспортером “воротничковых” амфор называет Триллию (совр. Трилье) на южном берегу Мраморного моря, близ Никеи. Подобное утверждение основывается лишь на том, что, судя по письменным источникам, в период XI–XIII вв. самым распространенным в Причерноморье являлось вино, поставляемое из Триллии (Волков, 1992. С. 153; 1996. С. 94). Между тем представленную локализацию, прежде всего за отсутствием археологических подтверждений (находки гончарных печей с керамическим браком) следует признать условной. Тем более, что украинский исследователь средневековой амфорной тары В.В. Булгаков, основываясь на изучении дипинти, присутствующих на “воротничковых” амфорах из раскопок квартала Манганы в Константинополе, и на основании того, что главные находки амфор этого типа концентрируются в Черноморском бассейне, локализует производивший их центр в зоне, неподконтрольной византийской администрации. Наиболее вероятной территорией называется юго-восточная часть Причерноморья с таким центром, как Трапезунд (Булгаков, 2001. С. 163–164).

В связи с затронутым вопросом о локализации, нельзя не отметить, что “воротничковые” амфоры являются наиболее распространенным типом амфор именно в археологических слоях городищ и поселений Керченского и Таманского полуостровов. Так, при раскопках в Керчи фрагменты этих сосудов составляли 75% керамического материала (Макарова, 1998. С. 362). Они во множестве присутствуют в слоях Таманского городища (Плетнева, 1963. С. 47–52, рис. 29; 2000. С. 25, рис. 4), откуда только по отчетным данным известно более 35 тыс. фрагментов и 4 целых экземпляра. Подобные данные позволяют предполагать если не производство этих амфор в Тмутаракани (находки гончарных печей не известны и здесь), то возможность изготовления на месте подражательного типа “воротничковым” амфорам. В пользу подобного предположения говорит находка в 2001 г. на площади



Рис. 2. Горло “воротничковой” амфоры необычной формы. Из раскопок Таманского городища (2001 г.)

XXIX раскопа “Северный” (раскопки Э.Р. Устаевой) двух горловин “воротничковых” амфор необычной формы, изготовленных из красной глины, по составу напоминающей боспорские глины (рис. 2).

Граффити и дипинти на данных амфорах (Романчук и др., 1995. Табл. 52; Занкин, 2001. С. 46–50, рис. 1–5; Дюженко, 2001. С. 93, табл. II, 8; Зоценко, 2001. С. 184, рис. 17; Булгаков, 2001. С. 153–164, рис. 1–8 и др.) отмечаются несравненно чаще остальных типов амфор, которые имели обыкновение клеймиться. Подобный тезис, как отмечалось выше, позволяет В.В. Булгакову утверждать, что “воротничковые” амфоры производились вне области Пропонтиды. Известно, что контроль над товарами (в частности поступающими в амфорах), осуществлялся посредством опечатывания и клеймения, товары же поступавшие на рынок из центров производства, не связанных с Константинополем, могли быть отмечены лишь нанесением на них определенных меток (дипинти, граффити). Между тем утверждение В.В. Булгакова, что метки-дипинти на “воротничковых” амфорах XI в. не встречаются вне пределов византийской столицы (Булгаков, 2001. С. 162) находит опровержение. Так, из раскопок 1980 г. на Таманском городище с раскопа “Северный” происходит горло “воротничковой” амфоры (рис. 3), на которое нанесено дипинто из нескольких отдельных литер (Коровина, Финогенова, 1980, рис. 6: 2). Данная находка позволяет говорить о поступлении этих амфор в Тмутаракань из центра производства непосредственно через Константинополь (Булгаков, 2001. С. 162).

Необходимо отметить и наличие на “воротничковых” амфорах клейм-меток, в виде незамкнутого овала или небольшого кружка на горле или плече амфоры. Одна такая амфора хранится в музее Измира (Турция) (Gunsenin, 1989. P. 272, fig. 6), второй сосуд происходит из кораблекрушения у Серче-Лимани в Турции (Doornick, 1989. P. 254, fig. 3: 28), два других клейма нанесены на амфоры из кораблекрушения у пос. Новый Свет в бухте Судак-Лимен (Крым) (Зеленко, 2001. С. 84, рис. 4: 1, 2). Смысл постановки клейм неясен.

На рассматриваемой нами амфоре граффити нанесено в средней части тулова после обжига, идентичных аналогий ему не известно. Относительно причин, почему на стенки сосудов наносились подобные “метки”, существует множество различных версий. Это могла быть маркировка помещаемых в амфоры продуктов (торговая марка), для идентификации перевозчиков

торговых грузов; мог быть знак собственности; обозначение меры вместимости, так как амфоры, будучи стандартной тарой, соответствовали определенным мерам объема, и пр.

Граффити на амфорах из раскопок 1952–1955 гг. Таманского городища являются менее репрезентативными, нежели материалы Саркела-Белой Вежи, хотя типологический состав их идентичен. Процент меченых фрагментов амфор в хазарско-русском слое здесь составляет 0,5%. Вместе с тем динамика распространения граффити отображает процесс поступления амфорной тары в Таматарху-Тмутаракань. Так, некоторое сокращение ввоза амфор в X в. вызывает увеличение процента меченых амфор в результате вынужденной длительности их использования. Такая же картина наблюдается и в XIII в. (Флерова, 1997. С. 70, табл. XX; 5).

Следует отметить, что в силу причин использования тары в торговом обороте, требовалась специальная номенклатура знаков, которыми могли пользоваться купцы при покупке, транспортировке и продаже товаров, находящихся в амфорах. Сохраняя античные традиции, а также учитывая то, что данные сосуды производились в пределах византийского круга, в основе этой номенклатуры знаков лежали буквы именно греческого алфавита, использовавшиеся и в виде цифр. Причем, купцы могли быть не только греческого происхождения, но и принадлежать к другим этносам, о чем позволяет говорить зеркальное переворачивание знаков, инверсия, наличие “юсов” и пр. Между тем, еще не удалось сгруппировать изображения на амфорной керамике, что отчасти объясняется тем, что импорт являлся довольно сложным источником, информирующим о системе знаков (Флерова, 1997. С. 80). Многие граффити также связаны с позднеантичными символами, известными в Византии, откуда и распространились в Таврику и на Тамань.

В заключение следует отметить, что, несмотря на большой массив работ, изучение средневековой керамической тары, в отличие от тары античного периода, во многом является молодой и чрезвычайно актуальной дисциплиной. Именно поэтому публикация каждого археологически целого сосуда, оправдывается именно массой невыделенных и неопределенных групп и типов сосудов, которые еще только ожидают своей точной локализации. Первое в данном направлении – создание обобщающей классификации на основании уже известного материала и поиск известных аналогий ка-

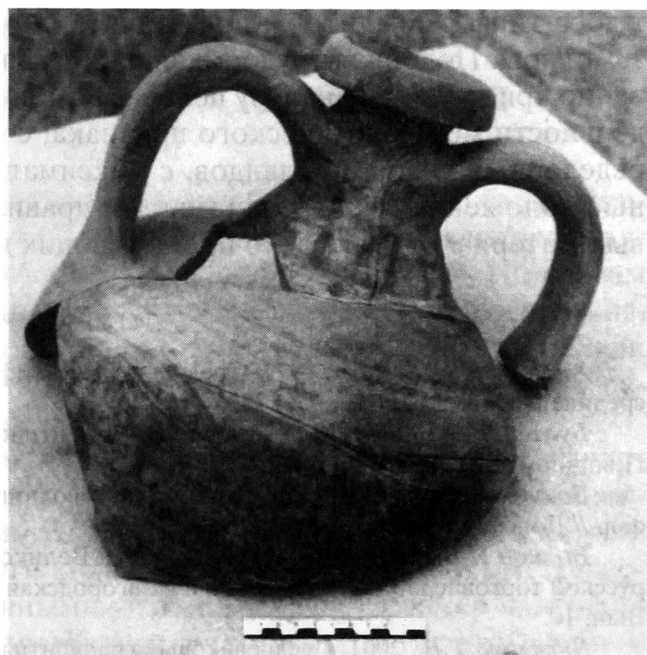


Рис. 3. Горло “воротничковой” амфоры с дипинти. Из раскопок Таманского городища (1980 г.)

ждого типа, с тем, чтобы представить и учесть все фрагменты и целые экземпляры. Подобная трудоемкая работа впоследствии позволит непосредственно приступить к анализу целых сосудов и изучению каждого взятого в отдельности морфологического признака, с целью выделения уже строго определенных видов и подвидов, с максимально суженной хронологией. Данные положения весьма значимы для правильной атрибуции и датировки новых материалов, ежегодно происходящих из археологических раскопок.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонова И.А. и др.*, 1971. Средневековые амфоры Херсонеса // *Античная древность и средние века*. Свердловск. Сб. 7.
- Булгаков В.В.*, 2001. Метки-дипинто византийских амфор XI в. // *Морська торгівля в Північному Причірномор'ї*. Київ.
- Волков И.В.*, 1992. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // *Донские древности*. Азов. Вып. 1.
- Волков И.В.*, 1996. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // *Новгород и Новгородская земля: История и археология*. Новгород. Вып. 10.
- Дюженко Т.В.*, 2001. Средневековые граффити и клейма из раскопок цитадели Херсонеса // *Морська торгівля в Північному Причірномор'ї*. Київ.
- Занкин А.Б.*, 2001. Коллекция граффити на амфорной таре из раскопок в г. Керчи // *Морська торгівля в Північному Причірномор'ї*. Київ.
- Зеленко С.М.*, 2001. Кораблекрушения IX–XI вв. в Судакской бухте // *Морська торгівля в Північному Причірномор'ї*. Київ.
- Зоценко В.М.*, 2001. Амфорна тара Києво-Подолу XII – початку XIII ст. (прикладом одного розкопу) // *Морська торгівля в Північному Причірномор'ї*. Київ.
- Коровина А.К., Финогенова С.И.* 1980. Отчет о раскопках Тмутаракани-Гермонассы за 1980 г. // *Архив ИА РАН*. Р-1. № 8620.
- Майко В.В.*, 2001. К вопросу о хронологии некоторых типов византийских амфор юго-восточного Крыма // *Морська торгівля в Північному Причірномор'ї*. Київ.
- Макарова Т.И.*, 1998. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // *Материалы по археологии и этнографии Таврики*. Симферополь. Вып. VI.
- Плетнева С.А.*, 1959. Керамика Саркела – Белой Вежи // *Труды Волго-Донской археологической экспедиции*. Том II. (МИА. № 75).
- Плетнева С.А.*, 1963. Средневековая керамика Таманского городища // *Керамика и стекло древней Тмутаракани*. М.
- Плетнева С.А.*, 2000. Оборонительная стена в Таматархе-Тмутаракани // *Историко-археологический альманах*. Армавир. Вып. 6.
- Романчук А.И.*, 1994. Раскопки в Портовом квартале 2 Херсонесского городища // *Археологические исследования в Крыму, 1993 год*. Симферополь.
- Романчук А.И. и др.*, 1995. Амфоры из комплексов Византийского Херсона // *Средневековый Херсон: история, стратиграфия, находки*. Екатеринбург. Ч. 2.
- Флерова В.Е.*, 1997. Граффити Хазарии. М.
- Якобсон А.Л.*, 1979. Керамика и керамическое производство Средневековой Таврики. Л.
- Doornick F.H. van Jr.*, 1989. The Cargo Amphoras on the 7th century Yassi Ada and 11th century Serce Limani Shipwrecks: Two Examples of a Reuse of Byzantine Amphoras as Transport Jars // *Bulletin de Correspondance Hellenique*. Paris. Suppl. XVIII.
- Gunsenin N.*, 1989. Recherches sur les amphores byzantines dans les musees turcs // *Bulletin de Correspondance Hellenique*. Paris. Suppl. XVIII.
- Gunsenin N.*, 1990. Les amphores byzantines (Xe–XIIIe siecles): typologie, production, circulation d'apres les collections turques. Paris.
- Hayes J.W.*, 1992. Excavations at Sarachane in Istanbul: The Pottery. Princeton. Vol. 2.
- Sazanov A.*, 1997. Les amphores de l'Antiquite tardive et du Moyen Age: continuite ou rupture? Le cas de la mer noire // *La Ceramique Medievale en Mediterranee*. Aix-en Provence.

В.И. Кулаков, А.С. Сыроватко

ПОДКОВОООБРАЗНАЯ ФИБУЛА ИЗ КОЛОМНЫ

В 2002 г. сотрудникам Археологической службы г. Коломны была передана подковообразная бронзовая фибула с октаэдральными навершиями дуги, случайно найденная в Коломне в 1995 или 1996 г. (рис. 1: 1). По словам нашедшего ее, найдена фибула была с иглой и обрывком широкого ремня, охватывающего центральную часть дуги, но впоследствии эти детали были утрачены. Предмет был покрыт красным окислом, образовавшимся в результате неумелой расчистки химическим способом.

Дуга фибулы имеет овальную форму, сечение дуги ромбическое, с уплощенными верхним и нижним углами. На концах дуги, под навершиями, нижнее ребро скруглено. Размер дуги – 62,5 × 66,2 мм, ширина – от 6 мм на концах до 9 мм в центре. Толщина дуги колеблется в пределах 5,2–6 мм. Навершия имеют форму куба со срезанными углами (октаэдр), размер наверший почти одинаков – 11,7 (11,9) × 10 мм. Концы дуги покрыты так называемым “плетеным” орнаментом, нанесенным круглым и прямоугольным штампами по восковой модели или остывшей отливке (рис. 1: 1а). На тыльной стороне артефакта, в его левой части (рис. 1: 1б), видна линейная трещина – литейный брак.

Эта находка уникальна для Московского региона, что дает повод впервые в русской археологической литературе специально рассмотреть данный вид артефакта из обильного состава археологического материала, объединенного в тип, традиционно именуемый “подковообразные фибулы”.

По существующей к настоящему времени в отечественной археологии типологической схеме, построенной для подковообразных фибул, коломенская находка по своему орнаменту и по форме дуги в виде почти сомкнутой правильной окружности, и по октаэдральным навершиям (в сущности – фасетированным) должна относиться к “типу” III (по логике морфологического анализа эта ступень типологической схемы должна именоваться “подтип”). Его составляют фибулы с гранеными головками. В данном случае типобразующим признаком автор данной типологической схемы В.А. Мальм выбрала форму навершия дуги фибулы. В контексте своей статьи исследовательница осторожно предполагала древнерусское происхождение данного подтипа подковообразных застёжек. Указан 31 пункт их находок в древнерусском ареале: Приладожье, Гнёздово, Тимерево, Сарское городище – памятники, которые обладают мощным пластом дружинных древностей со скандинавским этническим компонентом и датируются в рамках второй половины X – начала XI в. В.А. Мальм признавала при этом наличие аналогичных находок в Фенноскандии и в Балтии на памятниках конца IX – первой половины XI в. (Мальм, 1967. С. 161).

Согласно новейшей типологии В. Жулкуса, коломенская находка может быть отнесена в рамках застёжек с фасетированными навершиями (typ RVFE) к подтипу I (у В. Жулкуса – “UNTERGRUPPE I”). Причем, находки в Скандинавии таких артефактов, орнаментированных на концах дуги не

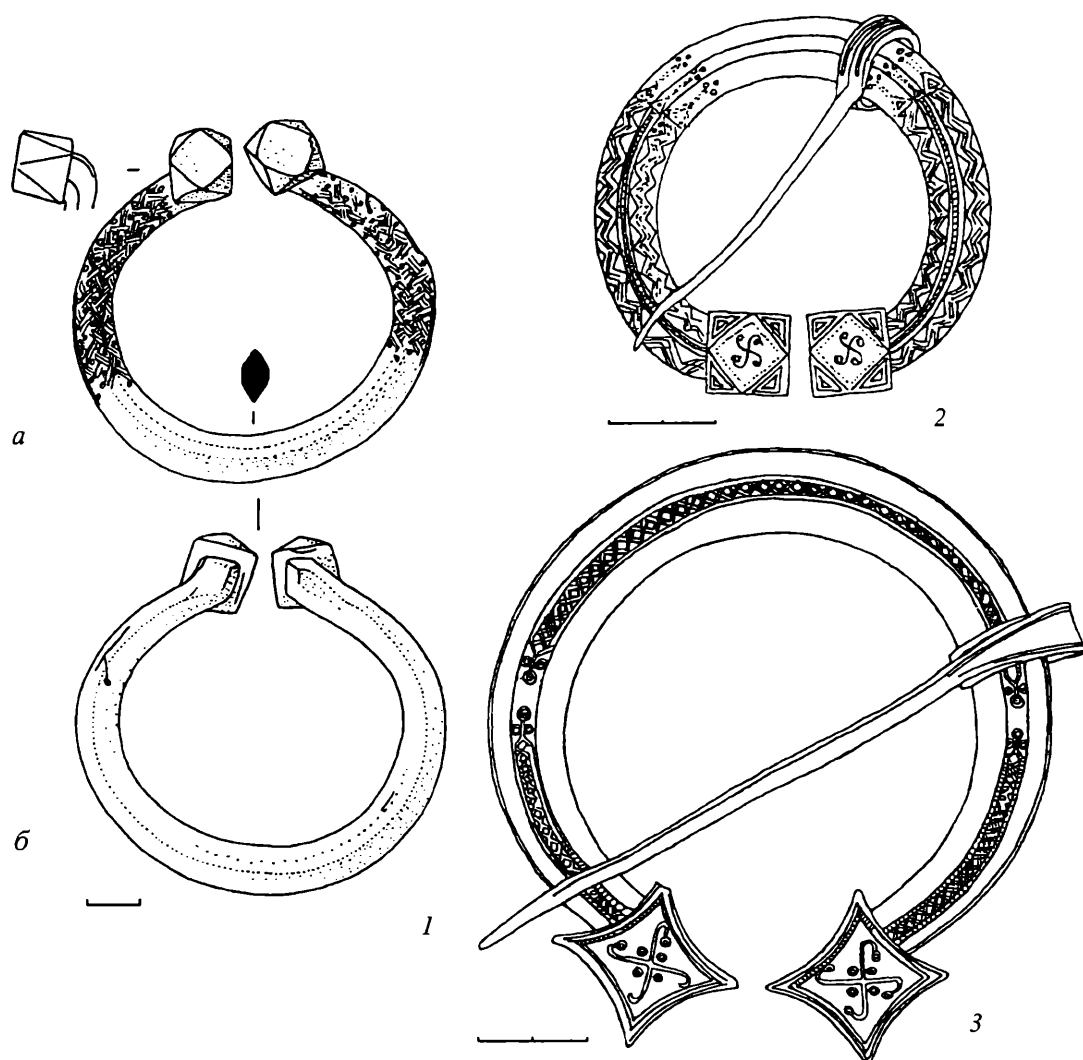


Рис. 1. 1 – Бронзовая фибула из г. Коломны. 2 – Бронзовая фибула из воинского погребения 56 могильника При-шманчай (Кретингский р-н Литовской Республики). 3 – Бронзовая фибула из могильника Страчюнай (Шяуляйский р-н Литовской Республики)

“плетеным” орнаментом (характерный для ряда памятников Скандинавии и Самбии косицеобразный декор в стиле Еллинг), а в виде оттисков треугольного пуансона (декор типа “волчий зуб”), В. Жулкус считает балтским “импортом” (Žulkus, 1997. S. 172). Напротив, у подковообразных фибул RVFE, своим изготовлением связанных с Северной Европой, прилегающие к завершениям части дуги украшены, как правило, косицеобразным орнаментом, намеченным еще на восковой модели (?) и акцентированным по бронзовой отливке при помощи “зубчатого колесика” и круглого пуансона (реже – при помощи циркульного орнамента). Фибулы с таким декором и с шестиугольным сечением дуги в Скандинавии имеют завершения дуги в виде кубов со скошенными углами. Такие артефакты сведены А. Карлссоном в подтип FAC:US и отнесены для острова Готланд к периоду C, охватывающему IX–X вв. (Carlsson, 1988. P. 22, 70).

Согласно выводу М. Мюллера-Вилле, основанному на серьезном анализе сравнительного материала, подковообразные застёжки RVFE, появляясь в начале IX в. в Финляндии и на Аландских островах, в IX–X вв. распространяются в Приладожье, на Готланде и в юго-восточной Скандинавии, а также в ареале балтов (Müller-Wille, 1988. S. 759). Правда, немецкий коллега этот вывод сделал относительно артефактов, концы дуг которых были орнаментированы в стиле “волчий зуб”, в массе возникшем в Юго-Восточной Балтии эпохи викингов (Кулаков, 1999. С. 205).

На коломенской фибуле представлен “плетеный” орнамент, украшающий подковообразные застёжки RVFE в материале X в. (Müller-Wille, 1988. S. 760), происходящем из раскопок на Готланде в куршском и прусском ареалах. Известная исследовательница балтского орнамента А. Блюэне считает, что такой орнамент мог возникнуть не только (скорее – не столько) на Готланде, а, скорее всего, на землях Литовского Взморья в куршской культурной среде (Bliujenė, 1999. P. 129, 130). На первый взгляд, наличие в исторической области Куршяй подковообразных фибул RVFE как собственно подтипа K. FAC:US (рис. 1: 2 – Nagevičius, 1935. Lent. II), так и их дериватов, относящихся к подтипу K. TRA:KSW (рис. 1: 3 – Puzinas, 1938. Pav. 93), подтверждает вывод уважаемой литовской коллеги. Согласно любезному сообщению А.З. Таутавичюса, таких фибул (в основном – подтипа K. TRA:KSW) в Западной Литве найдено десять. Правда, на куршских фибулах косицеобразный декор, как правило, заменяется “волчьим зубом” и отсутствует промежуточная форма развития фибул между подтипами FAC:US и TRA:KSW. Эта форма, к которой весьма близка коломенская находка, представлена лишь на могильниках Готланда и на курганно-грунтовым могильнике Кауп (полуостров Самбия, ныне Зеленоградский р-н Калининградской обл.).

Упомянутая промежуточная стадия развития, отраженная в коломенской находке, характеризуется наклоном октаэдральных наверший дуги относительно продольной оси ее дрота. Если более ранний относительно этого артефакта подтип K. FAC:US характерен параллельностью боковых граней наверший этой оси (рис. 1: 2), то навершия застёжек позднейшего подтипа TRA: KSW (конец периода C/ок. 950–1000 гг. – Carlsson, 1988. P. 70) повернуты относительно своих упомянутых выше прототипов в среднем на 45° (рис. 1: 3). Более того, вместо октаэдров эти навершия представляют собой воронкообразные фигуры. На их фоне коломенская фибула выглядит вполне архаичной, находя весьма близкие аналогии в материалах могильника Кауп. Среди погребений с фибулами подтипа K. FAC:US (рис. 2, 3) наиболее близки анализируемой находке фибулы из курганов Pг. Mus. Inv. Nr V.170.7971:6 (рис. 2) и Pг. Mus. Inv. Nr V.146.7746:12 (рис. 3). Правда, навершия их фибул – не октаэдральные, а уже стремящиеся к воронковидным. Оба эти комплекса, в состав которых входят мечи типа J.P. H и V, датируются по ним временем ок. 875–ок. 925 гг. (Кулаков, 1989. С. 88), входя, таким образом, в группу погребений Каупа фазы 900–950 гг., для которой характерны подковообразные фибулы с косицеобразным орнаментом, представляющие, в отличие от области Куршяй, все этапы (рис. 2, 3) своего типологического развития (Кулаков, 1989. С. 95). Погребальные комплексы, собранные на о. Готланд Леной Тунмарк-Нилен (Thunmark-Nylen, 1995), не про-

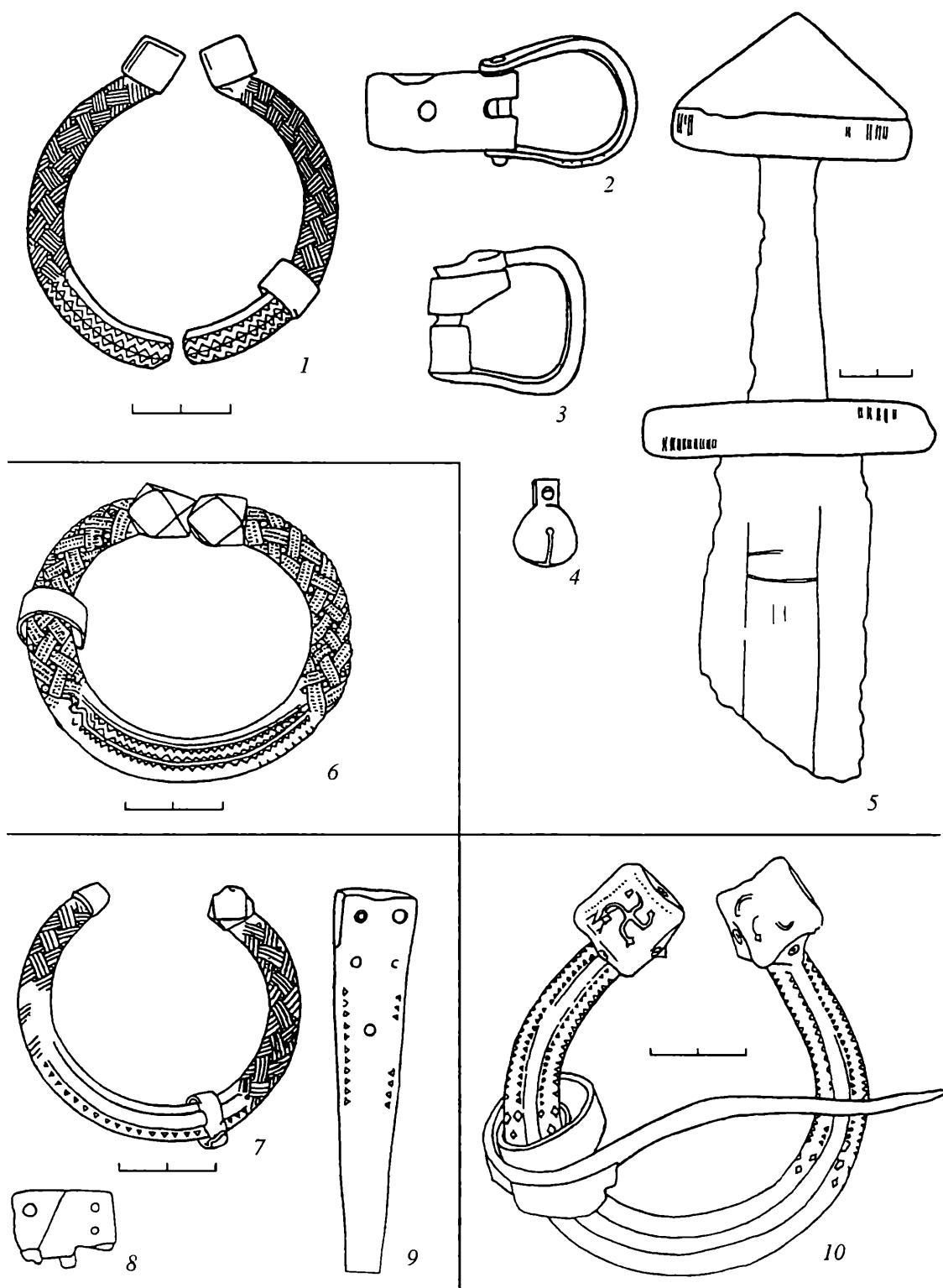


Рис. 2. Наборы погребального инвентаря с бронзовыми фибулами типа RVFE могильника Кауп (Зеленоградский р-н Калининградской обл.)

1–5 – инвентарь из кургана без №, Inv. Nr Pr.M V. 170.7971:6 (1 – бронзовая фибула; 2, 3 – бронзовые пряжки; 4 – бронзовый бубенчик; 5 – обломок меча); 6 – бронзовая фибула из кургана 140; 7–9 – инвентарь из кургана без №, Inv. Nr Pr.M 111.259.2009:A3; 10 – бронзовая фибула из кургана без № Inv. Nr Pr.M. V.99.7391

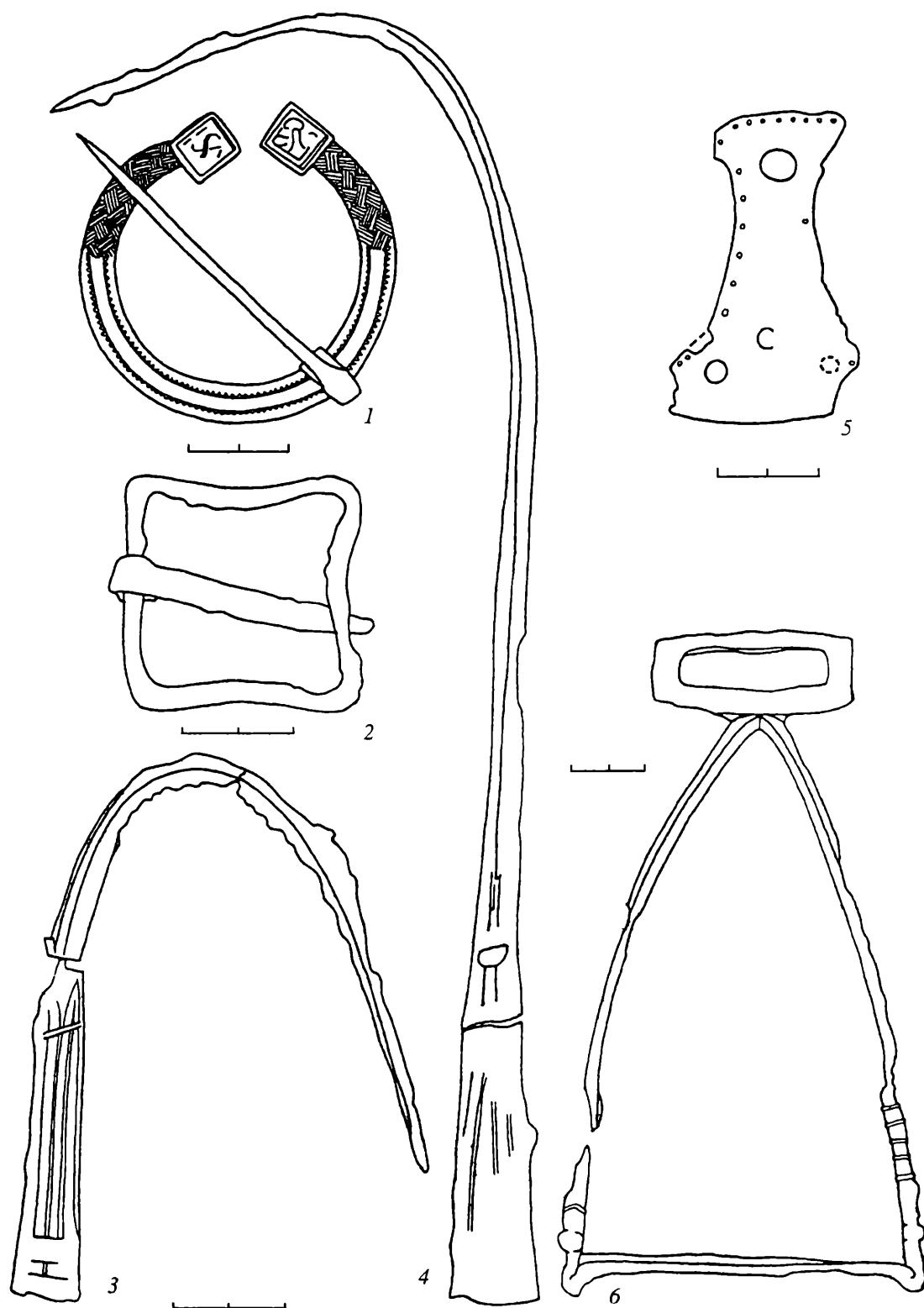


Рис. 3. Инвентарь кургана без №, Inv. Nr Pr. M. V.146.7746:12 могильника Кауп
 1 – бронзовая фибула; 2 – железная пряжка; 3, 4 – железные наконечники копий; 5 – железная накладка от ведра; 6 – стрема с бронзовой (?) инкрустацией (точнее – следами таушировки)

тиворечат предложенной датировке фибул из Каупа. Такое сходство тенденций в развитии материальной культуры в X в. для Самбии и Готланда (заодно – и для ареала куршей, в меньшей степени – для Бирки – *Thunmark-Nylen*, 2000. Р. 173) неудивительно: все они еще с финала эпохи великого переселения народов были объединены не только посредством торговых и культурных контактов, но и через матримониальные узы (*Kulakov*, 2000. Р. 290, 291). Для этих трех соседящих через балтийские волны регионов даже состав бронзовых сплавов, из которых изготавливались подковообразные фибулы группы RVFE, был аналогичным (*Nagevičius*, 1935. Р. 92). Поздние, уже сугубо скандинавские формы фибул группы RVFE появляются в X – начале XI в. в восточных районах балтского ареала, где, как и во всех упомянутых выше случаях, были одиночной застежкой мужской одежды в составе весьма престижного убора (*Радиньш*, 2001. С. 103). Войдя в набор балтского этнографического убора под именами *seges* (лит.) и *sakta* (латв.), эти артефакты являются вещественными свидетельствами интернациональной культуры дружин Балтии.

Каков археологический контекст этой находки?

Заметим, что само место находки фибулы, известное с точностью до нескольких десятков метров, весьма примечательно. В археологической литературе эта часть кремля Коломны носит название “городище Блюдечко”. Со времени первых крупномасштабных раскопок в Коломне, проведенных Н.П. Милоновым в 1935–1936 гг., именно эта территория, занимающая мыс р. Коломенки при ее впадении в р. Москву, считается древнейшим участком города (*Милонов*, 1948).

Регулярные исследования, проводимые в Коломне в течение последних тринадцати лет, позволяют со всей определенностью утверждать, что возникновение самого города может быть отнесено ко второй половине XII в., т.е. ко времени первого упоминания Коломны в Лаврентьевской летописи (*Мазуров*, 2001. С. 274). Таким образом, сама фибула примерно на два столетия древнее самого города. Поэтому более вероятна связь анализируемой находки с иным кругом древностей, представленным лепной неорнаментированной керамикой роменского или близкого ему типа.

Н.П. Милоновым в 1935 г. на “Блюдечке” были исследованы остатки жилища, отнесенного им к позднедьяковской культуре (*Милонов*, 1948). Годом позже М.В. Талицкий, проводя разведку на нижней Москве-реке и москворецком течении Оки, открыл немалое число памятников, также отнесенных им к позднедьяковским древностям. Однако оба исследователя интерпретировали результаты своих работ, следуя представлениям науки того времени, относя к позднедьяковской любую лепную гладкостенную керамику. За начало славянской колонизации при этом принималось появление культуры курганов. Мы уже обращали внимание на то, что ни в публикации Н.П. Милонова, ни в полевых дневниках М.В. Талицкого не содержится никаких фактов, указывающих на позднедьяковскую принадлежность всех открытых памятников, включая “Блюдечко” (*Сыроватко*, 2001а. С. 23). Напротив, описанный Н.П. Милоновым керамический комплекс “Блюдечка”, представленный в том числе профилированными горшками и сковородками, скорее соответствует раннеславянской культуре роменско-боршевского

типа (*Сыроватко*, 2001а. С. 16). Существование же поселения роменского типа на “Блюдечке” после раскопок 1990-х годов уже не вызывает сомнений (*Мазуров*, 2001. С. 254). Таким образом, фибулу следует, на наш взгляд, связывать именно с этим древнейшим слоем “Блюдечка”, дата которого до находки фибулы определялась в довольно широких пределах: концом I – началом II тыс. В данном случае сама фибула позволяет точнее определить время существования раннеславянского поселения в Коломне. Вышеизложенное позволяет сделать относительно фибулы, случайно найденной в Коломне, следующие выводы:

1. Данная подковообразная застёжка относится к группе фибул с кубическими/фасетированными навершиями (группа RVFE) и занимает промежуточное место между подтипами K. FAC:US и K. TRA:JRA.

2. Дата коломенской фибулы, в принципе несколько архаичной, нежели датированные находки на Каупе (рис. 2; 3), в любом случае не выходит за пределы их датировки и может соответствовать первой половине X в. Правда, учитывая 1250 км, пролегших между Коломной и Самбией, в Московском регионе анализируемая фибула могла появиться позже, может быть, даже после 950 г.

3. Коломенская фибула позволяет уточнить дату раннеславянского поселения на территории Коломенского кремля, являясь, по сути, первой находкой, имеющей столь определенную дату.

4. Находка в Коломне фибулы, происхождение которой связывается с Юго-Восточной Балтией (возможно, именно с полуостровом Самбия), дополнительно указывает на пока мало исследованные, но очевидно существовавшие связи между Балтийским и Московским регионами на раннем этапе существования Древнерусского государства, в сложении и укреплении которого весьма заметна лепта полиэтничных обитателей Янтарного берега эпохи викингов (*Кулаков, Иов*, 2001. С. 83; *Кулаков, Витязь*, 2001. С. 197).

ЛИТЕРАТУРА

- Кулаков В.И.*, 1989. Кауп // Становление европейского средневекового города. М.
- Кулаков В.И.*, 1999. Балтийский акцент в движении викингов (этнические диффузии и традиции искусства) // *Archaeologia Litwana. Vilnius. Vol. I.*
- Кулаков В.И., Иов О.В.*, 2001. Наконечники ножен меча из кургана 174 могильника Кауп и с городища Франополь // КСИА. Вып. 211.
- Кулаков В.И., Витязь С.П.*, 2001. Массовое погребение коней на могильнике Доллякайм // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Минск. № 3.
- Мальм В.А.*, 1967. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. (Труды ГИМ. Вып. 43).
- Мазуров А.Б.*, 2001. Средневековая Коломна в 14 – первой трети 16 в. М.
- Милонов Н.П.*, 1948. Историко-археологический очерк г. Коломны // Историко-археологический сборник Научно-исследовательского института музейной и краеведческой работы. М.
- Радиньш А.*, 2001. Погребальный обряд и инвентарь латгальских захоронений 10–13 веков // *Archaeologia Litwana. Vilnius. T. 2.*
- Сыроватко А.С.*, 2001а. О позднediaковских памятниках в устье р. Москвы // Краеведческие записки. Коломна.
- Сыроватко А.С.*, 2001б. Дьяковская культура юго-восточного Подмосковья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

- Bliujenė A.*, 1999. Vikingų epochos kuršių papuosalu ornamentika. Vilnius.
- Carlsson A.*, 1988. Vikingatida ringspnnen från Gotland: Text och katalog. Stockholm.
- Kulakov V.*, 2000. La terre prusse entre Scandinavie et Orient // Les centres protourbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Paris. (Realites Byzantines. T. 7).
- Miller-Wille M.*, 1988. Fremdgut und Import östlicher Provenienz in Schleswig-Holstein (9–12. Jahrhundert) // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Bd. 69.
- Nagevičius V.*, 1935. Mūsų pajurio medžiaginė kultūra VIII–XIII amž. // Senovė istorijos skyriaus darbai. Kaunas. T. I.
- Puzinas J.*, 1938. Naujausių proistorinių tyrinėjimų duomenis // Senovė istorijos skyriaus darbai. Kaunas. T. IV.
- Thunmark-Nylen L.*, 1995. Die Wikingerzeit Gotlands. Stockholm. T. I: Abbildungen der Grabfunde.
- Thunmark-Nylen L.*, 2000. Some Notes on the Contacts between Gotland and the East Baltic Area // Archaeologia Baltica. Vilnius. T. 4.
- Zulkus V.*, 1997. Baltische Funde an den westlihen Ostseeküsten // Archaeologia Baltica. Vilnius. T. 2.

В.Ю. Коваль

ГЛАЗУРОВАННАЯ КЕРАМИКА ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ УВЕКА*

Описанию глазурованной (поливной) посудной керамики золотоордынского Поволжья посвящено значительное количество работ, как специальных (Булатов, 1968; 1976; Скоробогатова, 1983; Федоров-Давыдов, Булатов, 1989), так и обобщающих материалы по истории культуры Золотой Орды (Федоров-Давыдов, 1976; 1994; *Fedorov-Davydov*, 1972; *Fyodorov-Davydov*, 1984). В этих хорошо иллюстрированных изданиях, а также в многочисленных публикациях результатов раскопок дана полная характеристика художественной керамики средневекового Поволжья. При этом огромный объем материала заставлял исследователей стремиться к его упорядочению и созданию обобщенной классификации глазурованной керамики, бытовавшей в золотоордынских городах на протяжении XIV в.

И все же современные знания о керамическом производстве Золотой Орды остаются далеко не полными. До сих пор мало известно о датировках отдельных типов глазурованной керамики, о динамике в масштабах их производства и, соответственно, об изменении статистического соотношения между ними в различные периоды. Недостаточно имеется данных об импортной керамике на территории Золотой Орды (т.е. привезенной из Ирана, Сирии, Египта, Средней Азии, Китая), а также о влиянии этих импортных образцов на золотоордынское керамическое производство. Между тем, глазурованная керамика способна выступать важным датирующим материалом при раскопках. Для решения этих проблем необходимо изучение отдельных комплексов с узкой хронологией. В настоящее время в этом направлении значительные успехи достигнуты исследователями неполивной посуды (Кокорина, 1999).

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 01-01-00018а).

В связи с изложенной здесь проблемой особый интерес представляют материалы, полученные Л.Ф. Недашковским при раскопках 1999 г. на Хмелевском I селище, расположенном на берегу Волги, в непосредственной близости от Увекского городища (остатков золотоордынского города Укека). Памятник датируется концом XIII–XIV в. (Недашковский, 2001а. С. 200), при этом на нем были вскрыты условно-закрытые комплексы (заключенные в заполнениях отдельных ям), датированные в узких пределах по монетным находкам. Наибольший интерес для нашей темы представляет яма 2, заполнение которой может быть датировано второй половиной 30-х – 50-ми годами XIV в. по данным стратиграфии и по находке в ней монеты 737 г.х. (1336/37 г.) (Недашковский, 2001а. С. 198, 199). Наряду с другими многочисленными находками, в этой яме были встречены обломки от 14 различных глазурованных сосудов. 11 из этих сосудов были изготовлены из белого рыхлого кашина, 3 – из глины.

КАШИННАЯ КЕРАМИКА

ФАЯНСЫ

К классу фаянсов относился единственный мелкий обломок стенки сосуда со светло-зеленой непрозрачной поливой, принадлежавший к так называемым “псевдоселадонам” – кашинным подражаниям китайским чашам и блюдам XIII–XIV вв. Китайские селадоны изготавливались из “серого фарфора” (называемого обычно “каменной массой”, химический состав которой практически не отличался от состава белого фарфора), и покрывались нежно-зеленой прозрачной глазурью. “Псевдоселадоны” производились на Ближнем Востоке в XIII–XV вв. и в Золотой Орде во второй половине XIV в. Вероятно, данный обломок попал в заполнение ямы случайно и связан с более поздней эпохой, нежели дата комплекса.

ПОЛУФАЯНСЫ

ЛЮСТРОВЫЕ ПОЛУФАЯНСЫ

К этому типу керамики относился один небольшой обломок чаши, обе поверхности которой были покрыты ультрамариновой (темно-синей, окрашенной кобальтом) глазурью с надглазурной росписью люстром, утратившим свой блеск и сохранившим только тусклый зеленоватый цвет (рис. 1: 1). Ультрамариновые люстровые полуфаянсы изготавливались в основном в Сирии, как полагают, в Дамаске, до 1401 г., когда этот город был взят войсками Тимура (Lane, 1957. Р. 16; 1958. Р. 38; Scanlon, 1971. Р. 233; Fehervary, 1973. Р. 50; Kuhnel, 1976. Р. 123; Porter, 1981. Р. 47; Искусство Ислама, 1990. № 53). Люстровые полуфаянсы этого типа известны в материалах из золотоордынских городов, но ранее они не публиковались. Несколько лучше они изучены в городах средневековой Руси (Коваль, 1996. С. 238, рис. 1: 4, 5, 7; 1997а. С. 190), где по-

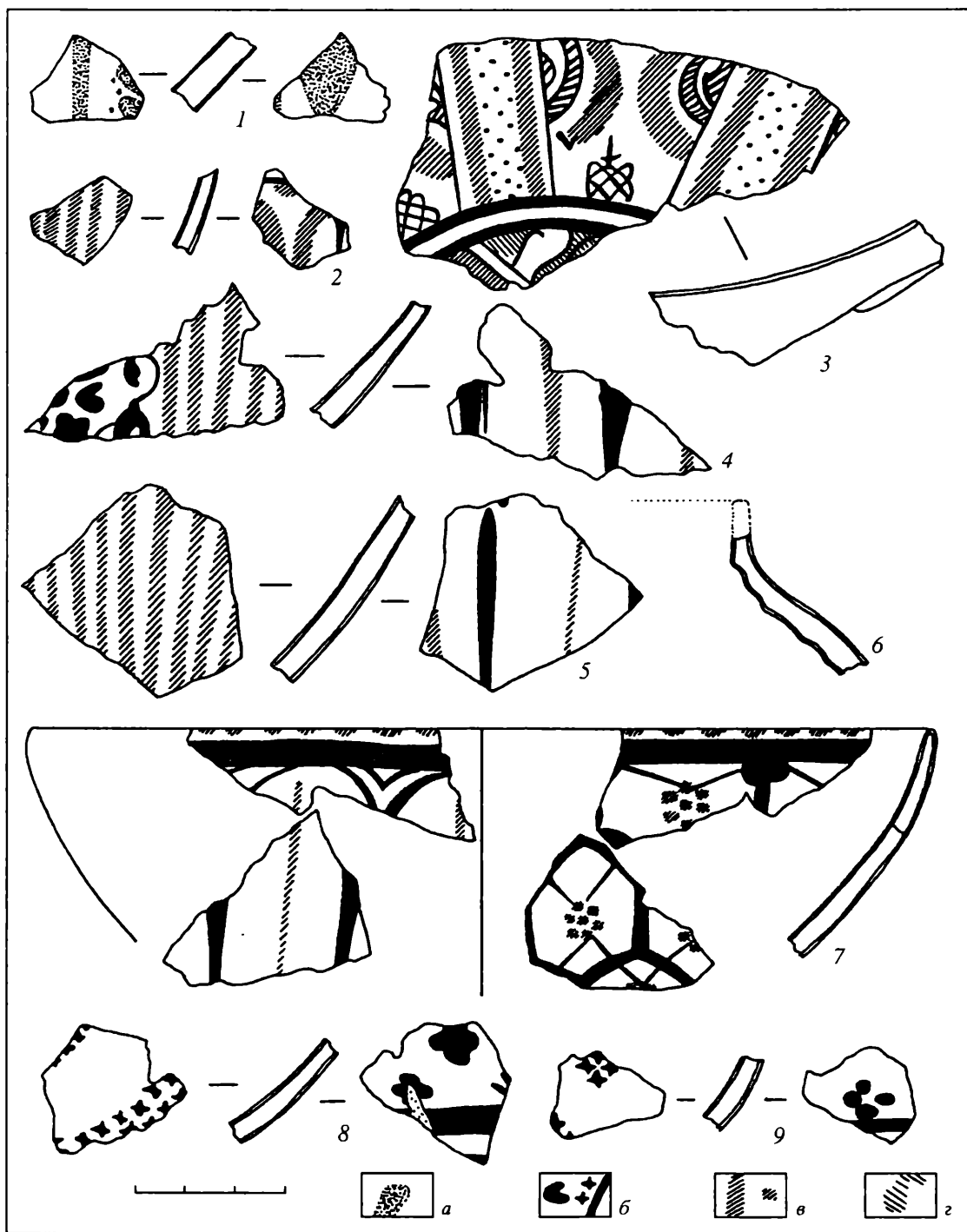


Рис. 1. Обломки полуфаянсовых (кашинных) сосудов
а – люстр; б – черная краска; в – синяя краска; г – бирюзовая краска

добная керамика встречена только в слоях XIV в. Находка из окрестностей Увека показывает, что на Русь подобная керамика могла попадать через золотоордынское Поволжье.

*ПОЛУФАЯНСЫ С УЛЬТРАМАРИНОВОЙ
И БИРЮЗОВОЙ ГЛАЗУРЯМИ*

Несколько мелких обломков принадлежали одному сосуду – вазе “гюльабдан”, внешняя поверхность которой была покрыта ультрамариновой, а внутренняя – бирюзовой глазурью (рис. 1: 6). Подобная керамика хорошо известна в золотоордынском Поволжье (Булатов, 1968. С. 105; Федоров-Давыдов, Булатов, 1989. С. 196), а также в городах Руси. В частности, в Великом Новгороде обломки похожего сосуда были встречены в слое середины – третьей четверти XIV в. (Коваль, 1998. С. 164, 165, рис. 2: 6).

На внешней поверхности обломков, принадлежавших нижней части сосуда, сохранились следы рельефной моделировки тулова в виде широких вертикальных каннелюр. На внутренней поверхности хорошо видно технологическое рифление, происходившее в результате формовки сосуда на гончарном круге. Нам уже приходилось писать о том, что в Золотой Орде кашинная керамика изготавливалась не всегда путем отливки в форму-калып, но зачастую формовалась на гончарном круге (Коваль, 2001. С. 84), чему способствовал рецепт приготовления кашина с применением в качестве связующего компонента клея животного происхождения (Малеванный, 2001. С. 235–240), который превращал сырой кашин в пластичную массу.

*БИРЮЗОВЫЕ ПОЛУФАЯНСЫ
БЕЗ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ДЕКОРА*

Сосуду закрытого типа (возможно, кувшину) принадлежали 14 мелких обломков с двусторонней бирюзовой глазурью. Следы дополнительного декора (рельеф, роспись) на них не прослеживались. На внутренней поверхности хорошо фиксировалось технологическое рифление – результат формовки сосуда на гончарном круге. Керамика этого типа хорошо известна в золотоордынском Поволжье по материалам раскопок на Царевском и Селитренном городищах, однако без точных хронологических привязок (Булатов, 1968. С. 104, 105).

*ПОЛУФАЯНСЫ С ПОЛИХРОМНОЙ ПОДГЛАЗУРНОЙ РОСПИСЬЮ
ПОД БЕСЦВЕТНОЙ ГЛАЗУРЬЮ*

К этому типу керамики относились обломки от двух различных чаш. Одной из них принадлежал крупный обломок придонной части (рис. 1: 3). Роспись черной и синей красками наносилась непосредственно по кашинной поверхности (без ее предварительного ангобирования и окраски), в росписи центрального медальона был применен дополнительно бирюзовый краситель. Декор внешней поверхности не сохранился. Роспись внутренней поверхности чаши построена по наиболее распространенному в золотоордынском керамическом искусстве принципу радиальной композиции вокруг центрального круглого медальона, занимающего дно чаши. Среди материалов из золотоордынских городов есть множество аналогий подобной компози-

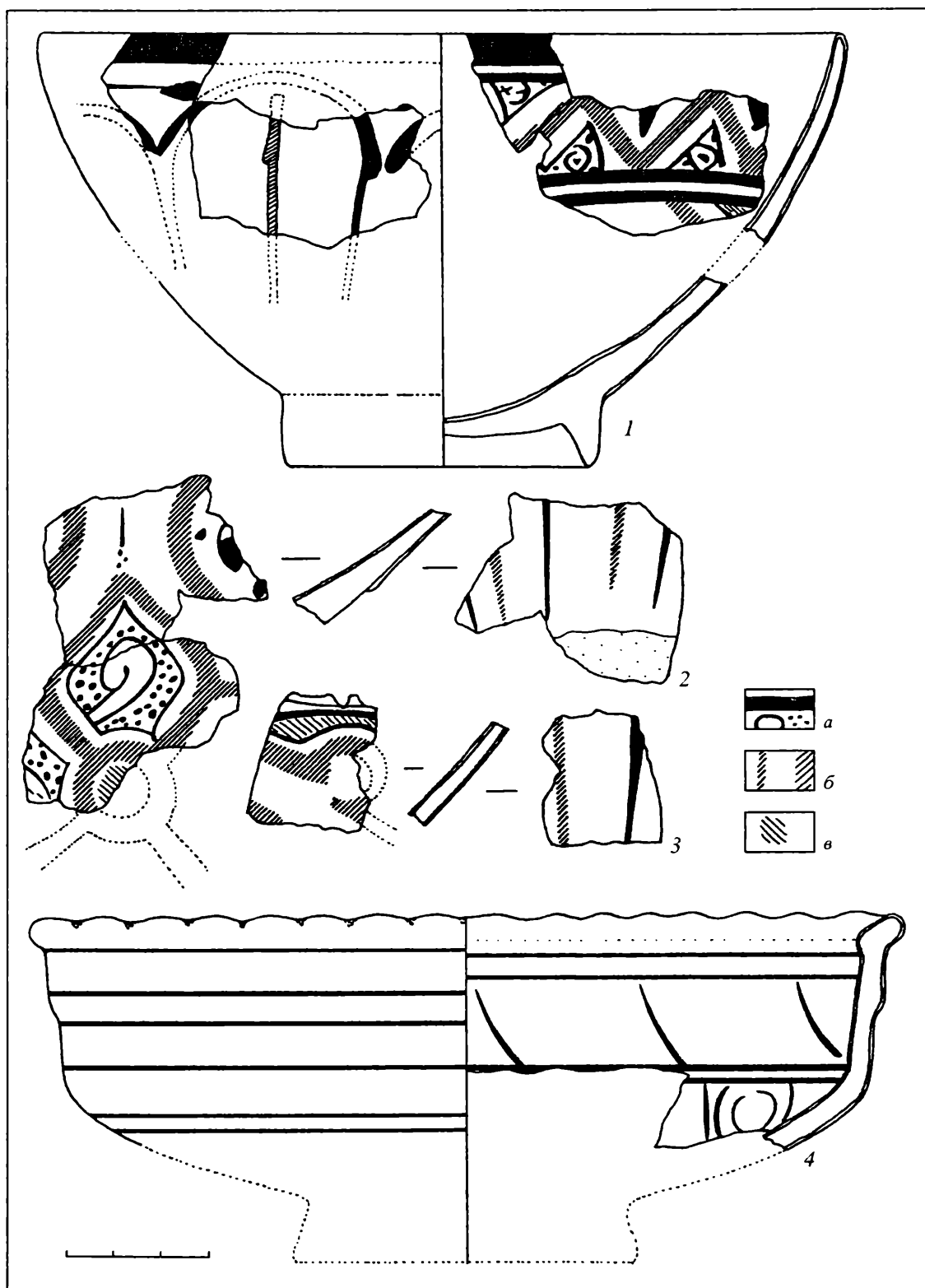


Рис. 2. Обломки полуфаянсовой (1–3) и полумайоликовой (4) чаш
а – черная краска (1–3) и орнамент “сграффито” (4); б – синяя краска; в – бирюзовая краска

ции (*Федоров-Давыдов*, 1994. Рис. 8: 2; 15, 22, 23), однако полностью тождественный рисунок нам не известен. Отличительной чертой декора данной чаши были повторяющиеся вокруг центрального медальона плетенки, мотив которых пришел в искусство Востока из Китая, где подобные фигуры назывались “узел счастья” или “бесконечный узел” (“чан”) и, являясь буддийским благопожелательным символом (*Ridley*, 1977. Pl. 136, 138: 7; 139: 7), широко использовались при украшении керамики и тканей (*Сычев Л.П., Сычев В.Л.*, 1975. Табл. 15). Аналогичные плетенки широко применялись в росписях иранской глазурованной керамики XIII в. (*Масленицына*, 1975. Рис. 18). Данную чашу можно рассматривать в качестве продукции золотоордынских мастерских, ориентировавшихся на иранские прототипы.

От второй чаши полусферической профилировки (диаметр 17 см, высота 9 см) сохранилось 5 обломков (рис. 2: 1–3). Внешняя поверхность украшена стилизованными изображениями лепестков лотоса, выполненными черной и синей краской (глазурь здесь доходила до поддона). Роспись внутренней поверхности состояла из широкого зубчатого орнаментального бордюра вдоль края чаши и розетки из 4 (или 5 ?) лепестков, размещенной в центре дна (рис. 2: 2). Между розеткой и бордюром размещались округлые фигуры, облик которых не может быть достоверно реконструирован. Бирюзовый краситель использован весьма скупно. Орнаментальная схема на внутренней поверхности чаши находит аналогии среди золотоордынской керамики (*Федоров-Давыдов*, 1994. Рис. 10: 2), однако для декора внешней поверхности большинства ордынских чаш этого типа характерен совершенно иной рисунок (*Скоробогатова*, 1983. Рис. 1: 3). Нельзя сказать, чтобы стилизации лепестков лотоса не встречались вовсе на чашах данного типа, но они известны все же в достаточно редких случаях (*Федоров-Давыдов*, 1994. Рис. 8: 2; 10: 4; 11: 2). Все это позволяет видеть в данной чаше образец импорта либо очень точную копию с такого образца. Чаши подобной профилировки и декора изготавливались во второй половине XIII–XIV в. в странах Ближнего и Среднего Востока. Ближайшие аналогии обнаруживаются, например, в Иране XIII в. (*Islamic Pottery*, 1956. Pl. 5: 55).

ПОЛУФАЯНСЫ С БИХРОМНОЙ
(ЧЕРНОЙ И СИНЕЙ ИЛИ ЗЕЛЕННОЙ И СИНЕЙ)
РОСПИСЬЮ ПОД БЕСЦВЕТНОЙ ГЛАЗУРЬЮ

Представлены обломками от трех различных чаш. Первой из них, с росписью черно-зеленоватой и синей красками, принадлежали три крупных обломка стенок (рис. 1: 4, 5). Роспись внешней поверхности чаши (стилизованные лепестки лотоса) была идентична декору предыдущего образца (см. рис. 2: 1–3). Внутренняя поверхность несла своеобразную роспись, состоявшую из серий вертикальных параллельных синих полос (не менее 9 в ряд), проведенных от края чаши до ее центра. Образцы с близким рисунком встречены как в золотоордынских центрах Восточной Европы и Хорезма (*Вишневская*, 1958. Рис. 7: 4), так и в городах Руси (*Коваль*, 1997а. Рис. 1: 10).

Вторая чаша, представленная одним небольшим обломком, несла на себе совершенно аналогичную роспись, однако ее гамма включала синюю и травянисто-зеленую краски (рис. 1: 2).

От третьей чаши этого типа сохранилось два крупных обломка (рис. 1: 7) и 7 мелких фрагментов. Роспись на внешней стороне чаши почти не отличалась от предыдущих сосудов, внутренняя поверхность была покрыта сплошной “сеткой” из шестигранников, выполненных черной краской, внутри которых размещались “розетки” из семи мелких синих точек. Более крупные синие пятна были нанесены на край чаши. Близкие орнаментальные схемы присутствуют на керамике Ирана и Средней Азии XIII–XIV вв.

Керамика этого типа могла быть предметом импорта из стран Среднего Востока, однако нельзя исключать и возможности ее изготовления в Поволжье под влиянием импортных образцов.

ПОЛУФАЯНСЫ С МОНОХРОМНОЙ ЧЕРНОЙ РОСПИСЬЮ ПОД БИРЮЗОВОЙ ГЛАЗУРЬЮ

К этому типу относились обломки двух различных чаш. Первой принадлежали 12 мелких обломков, по которым невозможно реконструировать ее профиль (рис. 1: 8, 9). Декор внутренней поверхности включал крупные ромбические фигуры, составленные из мелких черных крестиков, внешняя поверхность была украшена точками-пятнами, сгруппированными по четыре (в ряде случаев эти пятна слились друг с другом, образовав крестообразные “розетки”), размещенные по полю чаши в шахматном порядке.

Роспись из мелких черных крестиков была характерна для золотоордынской кашинной керамики с бирюзовой глазурью, производившейся в Поволжье во второй половине XIV в. (Булатов, 1968. С. 104; Федоров-Давыдов, Булатов, 1989. Рис. 23: 1; Федоров-Давыдов, 1994. С. 115, 116. Рис. 18: 2), однако сам этот мотив был разработан в сирийской керамике, где он известен с XII–XIII вв. на различных типах сосудов, в том числе на керамике с люстровой росписью (Riis, Vagn Poulsen, 1957. Fig. 476, 531, 532, 595, 675; Porter, 1981. Pl. 15III, XX), и на керамике XIII–XIV вв. с черной росписью под бирюзовой глазурью (Riis, Vagn Poulsen, 1957. Fig. 697).

От второй чаши этого типа сохранились 5 обломков (рис. 3: 1–3). Внешняя ее поверхность оформлена стилизованными лепестками лотоса, отличающимися от подобного мотива на чашах с полихромной росписью тем, что они не имели осевых линий. Поле внутренней поверхности чаши было украшено сложным, виртуозно исполненным растительным орнаментом. В центре дна, вероятно, располагалась розетка, окаймленная концентрическими окружностями, от которых отходили тонкие у основания и расширяющиеся к окончанию лепестки. Аналогии росписи внутренней поверхности этой чаши известны среди привозных сосудов, найденных в Поволжье (Федоров-Давыдов, 1994. Рис. 9: 1), а также в Сирии (Riis, Vagn Poulsen, 1957. Fig. 498, 527, 549, 571, 650).

Керамику этого типа можно рассматривать в качестве образцов импорта из Сирии либо точных копий таких импортов.

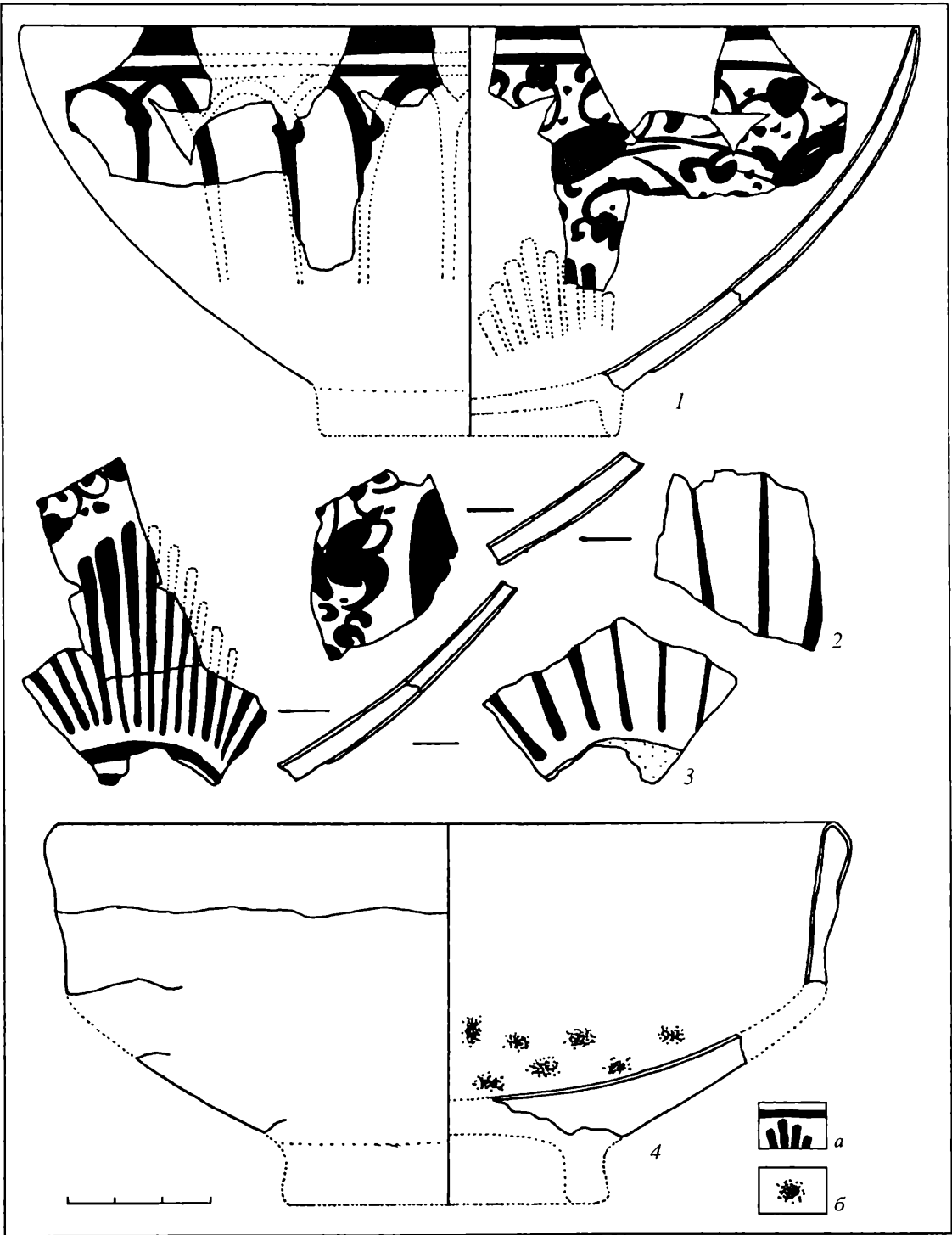


Рис. 3. Обломки полуфаянсовой (1–3) и полумайоликовой (4) чаш
а – черная краска; б – пурпурно-коричневые пятна

ПОЛУМАЙОЛИКА

В комплексе встречены обломки трех чаш, относившихся к различным типам этого класса глазурованной керамики.

1) Крупный обломок края чаши (или миски), изготовленной из светло-красной глины без визуально фиксируемых примесей, но насыщенной большим количеством мелких щелевидных пустот. Обе поверхности сосуда ангобированы и украшены орнаментом “сграффито” (гравировка по ангобу до основы), без подцветки рисунка. При этом внутренняя поверхность была покрыта бледно-зеленой глазурью, а внешняя – ярко-зеленой. По краю миски выполнены декоративные вмятины (рис. 2: 4). Нанесение глазури на внешнюю поверхность полумайоликовых чаш характерно в XIII–XIV вв. лишь для византийской керамики и не практиковалось в золотоордынском Поволжье и Причерноморье.

2) Четыре обломка принадлежали чаше (миске), изготовленной из плотной красной глины без визуально фиксируемых примесей, причем на обе ее поверхности был нанесен белый ангоб. Бледно-желтая глазурь покрывала внутреннюю поверхность чаши и заходила на внешнюю поверхность вдоль края. Декор состоял из расплывчатых подглазурных пятен пурпурно-коричневого красителя (марганца), беспорядочно размещавшихся на дне чаши (рис. 3: 4). На поверхности глазури сохранился след от ножки подставки–“сепая”. Чаши с аналогичным декором по материалам из Азова датируются не позднее середины XIV в. и рассматриваются в качестве образцов дальнего импорта (*Белинский, Масловский, 1998. С. 229, рис. 18: 12*), однако место их производства остается неизвестным.

3) К третьей чаше относились два обломка из плотной жирной бледно-розовой глины. Внутренняя поверхность сосуда была покрыта слоем белого ангоба и бледно-зеленоватой глазурью очень плохой сохранности. И ангоб, и глазурь заходили на внешнюю поверхность только узкой полосой вдоль края (рис. 4: 1). Чаша имела монолитный поддон с незначительным углублением в центре, причем на нем сохранился след от подставки–“сепая” в виде трех пятен глазури. На внутренней поверхности дна чаши также имелся отпечаток от “сепая” в виде трех пятен утраченной при отделении этой подставки глазури. Монолитные поддоны не характерны для керамического производства Северного Причерноморья, Византии и Золотой Орды. Редко применялась тут в золотоордынскую эпоху и слабоожеженная глина. Зато они были широко распространены в гончарстве Средней Азии, с производством которой и следует связывать этот сосуд.

Представленный здесь комплекс глазурованной керамики характеризуется следующими яркими чертами, отличающими его от золотоордынской поливной посуды, известной по материалам хорошо исследованных городских центров Поволжья (в том числе и Увекского городища, где существовало собственное производство кашинной керамики) (*Недашковский, 2000. С. 104, 105; Матюхина, Моржерин, 1998. С. 153–156*):

а) в нем полностью отсутствуют полуфаянсы с полихромной подглазурной росписью красками и кашином (так называемая керамика “с росписью и рельефом”), которые, несомненно, производились в Поволжье на протяжении второй половины XIV в. в самых широких масштабах;

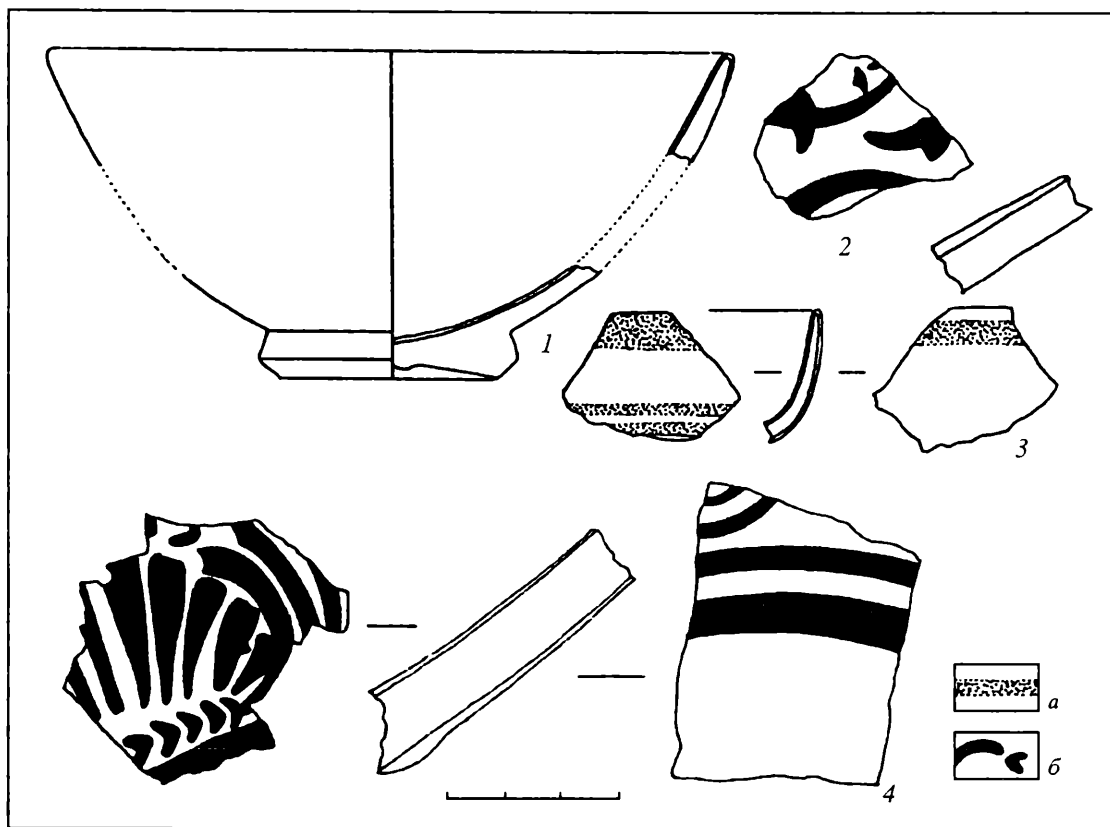


Рис. 4. Обломки полумайоликовой (1) и полуфаянсовых (2–4) чаш
а – люстр; б – черная краска

б) полуфаянсы с полихромной росписью под бесцветной глазурью и с черной росписью под бирюзовой глазурью характеризуются высоким мастерством исполнения и заметно отличаются от основной массы продукции поволжских мастерских второй половины XIV в., причем ближайшие аналогии изученным образцам отыскиваются в керамике Сирии и Ирана; встречены и несомненные образцы сирийского импорта, например, полуфаянсы с люстровой росписью;

в) орнаментация расписных полуфаянсов (без росписи кашинном) отличается здесь целым рядом особенностей, не встречающихся на поволжской керамике второй половины XIV в. (внешняя поверхность большинства чаш была украшена стилизованными лепестками лотоса);

г) присутствующая в комплексе полумайолика резко отличается от красноглиняной керамики поволжского и причерноморского производства того же периода и представляет собой импорт из Византии и Средней Азии.

Указанные отличия свидетельствуют о том, что исследованный комплекс глазурованной керамики состоит в значительной степени из импортных образцов. Разумеется, часть кашинных сосудов могла быть произведена уже в Поволжье, однако мастера, изготовившие эти сосуды, являлись носителями ближневосточных традиций гончарного производства. В этой связи датировка комплекса началом второй трети XIV в. (в основном 1340-ми годами) представляется заслуживающей доверия, поскольку в тот

период массовое производство глазурованной керамики в Золотой Орде еще только начинало налаживаться, вероятно, при участии приезжих мастеров. На сходство золотоордынской глазурованной посуды с сиро-египетской керамикой обращал внимание еще А. Лэйн (*Lane*, 1957. Р. 15), объяснявший его политическими и культурными связями между державами Джучидов и Мамлюков во второй половине XIII – первой половине XIV в.

Отметим, что рядом с описанным комплексом, в яме 4, датированной монетами 1330–1350-х годов (*Недашковский*, 2001б. С. 174, 175), были найдены еще несколько обломков сосудов из твердого белого кашина с бирюзовой полупрозрачной, светло-голубой и темно-бирюзовой прозрачной глазурями (последний – с черной подглазурной росписью – рис. 4: 2), которая могла происходить из Сирии или Ирана. В перекрывающих исследованные комплексы слоях, датированных по монетным находкам не позднее 1350-х годов, были встречены отдельные обломки полуфаянсов с подглазурной полихромной росписью и росписью кашинном (так называемая керамика “с полихромной росписью и рельефом”). По-видимому, именно серединой XIV в. следует датировать начало широкого распространения керамики такого типа. В тех же слоях обнаружены обломки сирийского полуфаянса с черной росписью под темно-бирюзовой глазурью (рис. 4: 4) и иранской люстровой чаши, изготовленной из белого мягкого кашина, с полупрозрачной белой поливой (рис. 4: 3), а также обломки сероглиняной “штампованной” керамики, характерной для золотоордынских комплексов XIV в.

Находки сирийской, византийской, иранской и среднеазиатской глазурованной керамики (или точных копий с сирийских и иранских образцов) в пригороде Укека свидетельствуют о тесных культурных и торговых связях Золотой Орды с Ираном, Египтом и византийским Причерноморьем в середине XIV в., под влиянием культуры и искусства которых в Поволжье происходило формирование собственного керамического производства, орнаментики и эстетических канонов.

ЛИТЕРАТУРА

Белинский И.В., Масловский А.Н., 1998. Типологическая характеристика материалов раскопок участка золотоордынского Азака (г. Азов, ул. Московская, 7) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. Азов. Вып. 15.

Булатов Н.М., 1968. Классификация поливной кашинной керамики золотоордынских городов // СА. № 4.

Булатов Н.М., 1976. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья. М.

Вишневская О.А., 1958. Раскопки караван-сараев Ак-яйла и Талайхан-Ата // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М. Т. 2.

Искусство Ислама, 1990. Л.

Коваль В.Ю., 1996. Иранская люстровая керамика в средневековой Руси // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 1.

Коваль В.Ю., 1997а. Восточная поливная керамика в средневековой Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 2.

Коваль В.Ю., 1997б. Керамика Востока в средневековой Москве (опыт систематизации): Фаянсы и полуфаянсы // РА. № 2.

Коваль В.Ю., 1998. Восточная поливная керамика Ильинского раскопа // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород. Вып. 12.

Коваль В.Ю., 2001. Кашинная керамика Золотой Орды: происхождение, технология, терминология // Поволжье в средние века. Нижний Новгород.

Кокорина Н.А., 1999. Керамика усадьбы гончара из Иски Казани // Татарская археология. Казань. № 1/2 (4/5).

Малеванный В.А., 2001. Химико-технологическое исследование архитектурной кашинной керамики // Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. М.

Масленицына С.П., 1975. Искусство Ирана в собрании Государственного музея искусства народов Востока. Л.

Матюхина Ю.А., Моржерин К.Ю., 1998. Поливная кашинная керамика с Укека // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики. Симферополь.

Недашковский Л.Ф., 2000. Золотоордынский город Укек и его округа. М.

Недашковский Л.Ф., 2001а. Раскопки Хмелевского I селища // АО 1999 года. М.

Недашковский Л.Ф., 2001б. Исследование Хмелевского I селища // АО 2000 года. М.

Скоробогатова Т.В., 1983. Одна из групп золотоордынской поливной керамики // СА. № 4.

Сычев Л.П., Сычев В.Л., 1975. Китайский костюм. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1976. Искусство кочевников и Золотой Орды. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.

Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., 1989. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.

Fedorov-Davydov G.A., 1972. Die Golden Horde und ihre Vorgänger. Leipzig.

Fehervary G., 1973. Islamic Pottery. London.

Fyodorov-Davydov G.A., 1984. The Culture of the Golden Horde Cities // British archaeological reports. Oxford. № 198.

Islamic Pottery, 1956. Islamic Pottery from the IX to the 14 centuries in the Collection of Sir Eldred Hitchcock. London.

Kuhnel E., 1976. Islamic Arts. London.

Lane A., 1957. Later Islamic Pottery. London.

Lane A., 1958. Early Islamic Pottery. London.

Porter V., 1981. Medieval Syrian Pottery. Oxford.

Ridly M., 1977. Style Motif and Design in Chinese Art. Roole–Dorset.

Riis P.J., Vagn Poulsen, 1957. Les verreries et poteries medievales // Hama: Fouilles et recherches. Copenhagen. Vol. IV, [Fasc.] 2.

Scanlon G.T., 1971. The Fustat Mounds: A Shard Count: 1968 // Archaeology. New York. Vol. 24, № 3.

РЕЦЕНЗИИ

Соловьев Б.С. БРОНЗОВЫЙ ВЕК МАРИЙСКОГО ПОВОЛЖЬЯ. Йошкар-Ола, 2000. 264 с. (Труды Марийской археологической экспедиции. Т. VI)

Рецензируемая монография, как и недавний труд В.В. Никитина (1996) о каменном веке Марийского края, без преувеличения, являются прорывом в изучении первобытных древностей Среднего Поволжья. Первый такой прорыв совершил в 50–70-е годы XX в. А.Х. Халиков. Созданная им целостная концепция древней истории северной лесостепи и южнотаежной зоны Среднего Поволжья (Халиков, 1966б; 1967; 1969; 1970; 1985; 1991) покоилась на огромной и надежной – с позиции той эпохи – источниковедческой базе (Халиков, 1960; 1961; 1962; 1966а; 1969; 1973; 1977; 1980; 1987а; 1987б; Калинин, Халиков, 1954; Халиков, Халикова, 1963; Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966; Бадер, Халиков, 1976; 1987; Патрушев, Халиков, 1982; Пряхин, Халиков, 1987). Этим она качественно отличалась от широких исторических полотен, характерных для археологических исследований 30–50-х годов (Шмидт, 1934; Худяков, 1935; Калинин, 1948; Смирнов, 1949; и др.). Проблемы бронзового века являлись в данной концепции, пожалуй, стержневыми. Ряд ее звеньев – и в особенности оценка приказанской и балановской культур – вызвали в свое время острую полемику. В то же время, несмотря на порой резкую и справедливую критику, она в своих основных частях выдержала испытание временем (Кузьминых, 1999а).

В последней трети XX в. развернулись активные полевые разыскания Марийской и Чебоксарской археологических экспедиций, которые позволили качественно обновить источники для целого ряда культур и обратиться к изучению нерешенных проблем эпохи бронзы Волго-Камья. Примечательно, что их разработку еще в 70-е годы инициировал А.Х. Халиков, который отчетливо осознавал потребность нового осмысления проблем бронзового века, в задуманном им коллективном труде “Бронзовый век Среднего Поволжья и Приуралья”. И хотя сам проект не был осуществлен в первоначальном замысле, на его выполнение были ориентированы усилия учеников А.Х. Халикова.

Мне представляется, что Б.С. Соловьев в полной мере оправдал ожидания своего учителя. Рецензируемая книга является итогом более чем двадцатилетнего изучения автором древностей бронзового века Марийского края. Созданная в развитие халиковской концепции древней истории Среднего Поволжья, она совершенно по-иному раскрывает процессы культурогенеза, протекавшие в крае в эпоху бронзы. Большинство из дискуссионных проблем Б.С. Соловьевым рассматриваются не в русле, а вопреки представлениям А.Х. Халикова. Упомяну только некоторые из них: генезис, периодиза-

ция и хронология поздневолосовских и чирковских древностей, место этих древностей в системе культур эпохи раннего металла (ЭРМ) Волго-Уралья и сопредельных территорий, связь поселений чирковского типа с сейминско-турбинскими (СТ) могильниками, исторические судьбы носителей чирковской и абашевской культур, роль населения культуры “текстильной” керамики (КТК) в процессах культурогенеза позднего бронзового века (ПБВ), соотношение приказанских и “текстильных” древностей и другие.

Основные разделы книги Б.С. Соловьева представляют собой очерки, посвященные характеристике финала волосовской культуры в Среднем Поволжье (памятники выжумского типа), чирковской и средневолжской абашевской культур и эпохи поздней бронзы в Марийском крае (приказанская культура и КТК). Анализ чирковских и позднебронзовых древностей является в настоящем исследовании стержневым. В предложенной структуре, к сожалению, имеются “бреши”: отсутствует, в частности, характеристика балановской и поздняяковской культур, а соответственно, не в полной мере раскрывается вся панорама культур эпохи раннего металла данного региона. Можно согласиться с тем, что корректный анализ памятников восточной периферии поздняяковского ареала пока что невозможен из-за отсутствия полноценной источниковедческой базы (с. 11). Этого, однако, не скажешь о балановских древностях: и старые, и новые источники автору хорошо знакомы. Соловьев, по всей видимости, пока что не решился на коренной пересмотр концепции развития балановской культуры, предложенной более 40 лет тому назад О.Н. Бадером (1963) и А.Х. Халиковым (1960), хотя несоответствие их схемы с разработками 70–90-х годов для волосовской, фатьяновской, чирковской и абашевской культур (Кузьминых, 1999б. С. 13) явно требовало в настоящей книге специального очерка о балановской культуре. Его не могут заменить ни характеристика новых балановских материалов, ни те критические комментарии Бадера–Халикова, к которым автор прибегает в связи с рассмотрением проблемы формирования и развития чирковской культуры. Монографическое исследование древностей балановской культуры продолжает оставаться насущной задачей археологии бронзового века Среднего Поволжья.

Вторая часть работы – серия Приложений – имеет, прежде всего, справочный и вспомогательный характер. В Приложении 1 подробно рассматриваются новые источники, привлекаемые Б.С. Соловьевым при анализе балановских, чирковских, приказанских и “текстильных” древностей. Значительная часть материалов, ставшая базой для настоящего исследования, введена в научный оборот в серии “Археология и этнография Марийского края” (см. статьи автора, Г.А. Архипова, С.В. Большова, В.В. и Т.Б. Никитиных, В.С. Патрушева, А.И. Шадрина); в данной книге публикуются основные опорные поселенческие памятники (Выжумское 2, Галанкина Гора, Нижняя Стрелка 4, Удельный Шумец 7, Юринское, Сомовские 1–2, Васильсурское 5, Ошутьяльское 3, Ясачное 3, Мольбище и др.). Богатый иллюстративный материал с отчетливостью показывает, какая огромная и кропотливая камеральная работа проведена автором с керамическими коллекциями. Примечательно, что она позволила не только выявить весь спектр самих форм, но в ряде случаев коренным образом изменила представление о посуде той или иной культуры, в особенности чирковской и “текстильной”. Наи-

более информативными в этом отношении оказались материалы поселений Галанкина Гора и Ясачное 3 (рис. 19–44, 70–71). В Приложение 2 вынесены сводные статистические данные о памятниках чирковской и позднебронзовых культур. Многие археологи к публикации такого рода данных относятся с пренебрежением, хотя они, будучи важнейшим источником для создания компьютерных баз данных, в настоящее время оказываются наиболее востребованными. Несомненно, ценными являются и краткие результаты остеологического и палинологического исследований, выполненных А.Г. Петренко и Е.А. Спиридоновой (Приложения 3 и 4).

Во введении Б.С. Соловьев дает лаконичное описание современной физико-географической картины региона, а также, опираясь, прежде всего, на исследование Е.А. Спиридоновой (2000), реконструирует палеогеографическую ситуацию в Марийском Поволжье в бронзовом веке (с. 5–8). Вне всякого сомнения, ландшафтное разнообразие региона способствовало тому, что здесь в эпоху бронзы “уживались” коллективы с различными культурно-хозяйственными укладами, а легко проходима волжская пойма являлась не только транзитным коридором для древних групп населения, но и контактной зоной их активного взаимодействия. Археологическая составляющая этого взаимодействия автором в последующих главах выявлена и проанализирована, однако корреляция данных процессов с изменениями природно-ландшафтной среды обитания популяций бронзового века требует обеспечения более углубленными естественнонаучными исследованиями. Это, кстати, касается и решения проблем хронологии: для памятников Марийского края, причем не только бронзового века, получены лишь единичные радиоуглеродные даты, что оставляет в арсенале Б.С. Соловьева только типолого-морфологические сопоставления и сужает возможности его хронологических построений.

Столь же лаконично во введении излагается история изучения эпохи бронзы региона, вернее, обозначены ее основные вехи (с. 8–10). В дальнейшем, в очерках культур, автор специально обращается к истории изучения конкретных археологических образований и выявлению тех проблем, которые требуют решения. В этом же разделе автор намечает культурно-хронологическую стратиграфию исследуемых им древностей (с. 10–11), причем в виде некоего гибрида между периодизациями ЭРМ Северной Евразии, предложенными Е.Н. Черных (1978) и редакторами тома “Эпоха бронзы лесной полосы СССР” (Косарев, Крайнов, 1987. С. 8). Попытку компромисса – выделения Б.С. Соловьевым ранне- и позднебронзовой стадий ЭРМ Марийского Поволжья (с. 11, 97) – нельзя признать удачной. Корректнее было бы следовать какой-то одной из этих периодизаций.

В главах 1–2 даны очерки поселений выжумского типа и чирковской культуры. Археологическая канва этих глав направлена на решение главной проблемы, которую автору предстояло решить, а именно: реконструкция процессов взаимодействия пришельцев-скотоводов (в лице самых восточных – балановско-атликасинских – групп носителей общности культур шнуровой керамики и боевых топоров) с племенами охотников и рыболовов лесного Поволжья, а также проследить исторические судьбы обеих групп населения.

Как известно, процессы взаимодействия скотоводов-”шнуровиков” с постнеолитическими группами охотников и рыболовов охватили зону широколиственных лесов и южную кромку тайги Восточной Европы. Археологическое выражение этого процесса документируется древностями типа Kiukaiskulturi в Южной Финляндии, древней штрихованной керамики в Северной Белоруссии и в странах Балтии, фатьяноидных в центре Русской равнины и чирковских в Волго-Камье (Кузьминых, 1999б. С. 12; 2001. С. 14–15). Формирование, развитие и исторические судьбы этих симбиозных этнокультурных образований были различными и определялись спецификой этно- и культурогенеза в том или ином регионе Европы. На западе это привело в конечном итоге к формированию балтских по своей этнической принадлежности культур (Моора, 1958. С. 23–26; Третьяков, 1966. С. 156–189; Седов, 1985. С. 92–95; Васкс, 1991. С. 129).

Роль фатьяноидных и чирковских древностей в дальнейших этногенетических процессах бронзового и раннего железного веков (РЖВ), по всей видимости, прояснится в ходе будущих исследований. В настоящем труде Б.С. Соловьеву на примере чирковских древностей представилась редкая возможность проследить сложные процессы трансформации различных культурных компонентов в новое археологическое образование. Если ранее основу его формирования А.Х. Халиков (1987а. С. 136–137) и В.В. Никитин (1996. С. 151) видели в поздневолосовских древностях, то в исследовании Б.С. Соловьева автохтонный пласт чирковской культуры представлен поселениями выжумского типа, оставленными локальной группой реликтового постволосовского населения, занимавшего небольшой ареал южнотаежных лесов Волжского левобережья близ устья Ветлуги и сохранившегося в окружении балановских племен (с. 24, 173). Именно активное освоение последними заволжских и глубинных районов Вятско-Ветлужского междуречья на рубеже III–II тыс. до н.э. (в рамках традиционной хронологии) стало катализатором активного взаимодействия скотоводов-мигрантов и аборигенных охотничье-рыболовческих групп населения. Однако свое завершение этот процесс, по мнению Б.С. Соловьева (с. 37–41, 98), получил лишь в результате новой волны мигрантов из Зауралья и Западной Сибири, которые внесли в балановско-волосовский культурный комплекс своеобразную пористую посуду с гребенчато-валиковой орнаментацией и придали самобытный облик собственно чирковскому керамическому комплексу. Само появление на Средней Волге “валикового” пласта древностей автор не без основания связывает с историей СТ-феномена.

На примере соединения и сочетания балановско-атликасинских, выжумских и “валиковых” традиций домостроительства, форм и декора керамики, производящих и присваивающих отраслей хозяйства Б.С. Соловьеву в результате тщательного и полноценного источниковедческого анализа удалось выявить конкретные пути культурогенеза, которые в конечном итоге привели к формированию своеобразной группы населения с синкретичным обликом материальной культуры. Показательны в этом отношении материалы Галанкиной Горы со сложным этническим и структурным составом общины, проживавшей в поселке (с. 57). Сами процессы культурогенеза в различных частях региона были неоднозначными. Автор отмечает, что в за-

волжском Полесье превалировал местный, постволосовский, компонент, тогда как в глубинных районах Вятско-Ветлужского междуречья – пришедший балановско-атликасинский. Завершение культурных трансформаций в органически единую культуру характеризуется появлением памятников типа Чирковской стоянки, однако исходные орнаментальные традиции – балановско-атликасинская и выжумская – продолжают ощущаться в их керамическом комплексе (с. 59).

Заслуживает внимания проведенная автором корреляция культурогенетических процессов на Средней Волге с теми, что протекали на северо-западе – на Оке и Верхней Волге (с. 98), где изучены поселенческие комплексы с так называемой фатьяноидной керамикой (Гурина, 1963. С. 195–199; Попова, 1969; Крайнов, 1972. С. 267–272; Гаврилова, 1983; Рогачев, 1984; Гадзяцкая, 1992; Сидоров, 1992. Рис. 7; Воронин, 2000), в культурном отношении близкие к чирковским. Еще в 60-е годы А.Х. Халиков (1960. С. 131–137) рассматривал их в рамках единой культуры (которую он называл чирковско-сейминской). В настоящее время эта идея реанимирована К.В. Ворониным (2000). Однако исследования Б.С. Соловьева и К.В. Воронина пока что только обозначили проблему соотношения фатьяноидных и чирковских древностей. Являются ли они локальными культурными образованиями в рамках культурно-исторической области или же единой культурой, еще предстоит выяснить.

Б.С. Соловьев отказался от жесткой связи периодизации и хронологии чирковской культуры с этапами развития балановской культуры (с. 49–55), намеченными О.Н. Бадером и А.Х. Халиковым. Эта жесткость была очевидна уже в 60-е годы, когда П.М. Кожин (1967) вычленил атликасинские комплексы Балановского могильника в самостоятельную, генетически не связанную с собственно балановской, культурную группу. Б.С. Соловьев также рассматривает эти группы как самостоятельные культурные образования (но отнюдь не хронологические) в рамках общности культур шнуровой керамики и боевых топоров: балановскую – с присущими для нее грунтовыми могильниками – как непосредственное продолжение собственно фатьяновской культуры, а атликасинскую – с характерным для нее подкупанным обрядом захоронения – как носителей традиций лесостепного “шнурового” мира юго-западных районов Восточной Европы (с. 50, 97). На Средней Волге идет процесс интеграции и смешения данных групп населения, что явственно проявилось в гибридных формах погребальной обрядности и керамики (последняя – наряду с балановской и атликасинской – отложилась и на ранних чирковских поселениях). Итогом данного процесса стало появление памятников типа Ош-Пандо и Хула-Сюч, которые, по мнению автора, наиболее ярко отражают своеобразие собственно балановской средневолжской культуры и совпадают по времени с формированием единой чирковской культуры – свидетельством тому керамические комплексы ее заключительного этапа (с. 50–51, 58–59).

Б.С. Соловьев, опираясь на целый ряд стратиграфических данных, совершенно справедливо усомнился в позднебронзовом статусе балановских (ошпандинского и хуласючского этапов) и чирковских памятников (с. 53–55), на котором настаивали О.Н. Бадер и А.Х. Халиков. Верхний хро-

нологический рубеж этих древностей – в пределах середины II тыс. до н.э. – определяется, по мнению Б.С. Соловьева, появлением на Оке, Суре и в нижегородско-марийско-чувашском течении Волги поселений с поздняяковской, “текстильной”, балымско-карташихинской и атабаевской керамикой. Столь же несостоятельной он считает попытку А.Х. Халикова (1960. С. 126; 1969. С. 205) – а вслед за ним В.С. Патрушева (1984. С. 188–190) и Г.А. Архипова (1985. С. 16–18) – сомкнуть финал чирковской культуры с РЖВ и тем самым продемонстрировать чирковский “след” в ананьинском культурогенезе. Объективных – стратиграфических и морфологических – данных для этого не было, впрочем, и 30–40 лет тому назад.

Исторические судьбы носителей чирковской культуры остались для Б.С. Соловьева не вполне ясными (с. 59). Обращается внимание на то, что в поздняяковских и “текстильных” древностях центра Русской равнины, Верхневолжья и Карелии все явственнее прослеживается фатьяноидный “след”, что чирковские и фатьяноидные керамические материалы появляются в бассейнах рек Европейского Севера, не имея здесь местных генетических корней. Автором не исключается, что отдельные чирковские коллективы под напором приказанских групп мигрировали в северном и северо-западном направлениях. Проблема наследия чирковской культуры в рецензируемой книге, по сути, только обозначена, но это более честный и корректный подход, нежели тот, что предлагался его предшественниками.

В очерке о средневолжской абашевской культуре (глава 3) отсутствует полноценная источниковедческая часть (в отличие от других глав) и явно доминирует полемическая. Большинство материалов, включая новые, полученные в ходе раскопок В.Ф. и Б.В. Каховских, С.В. Большова, О.В. Кузьминой, Б.С. Соловьева в 70–90-е годы прошлого века, введены в научный оборот (с. 61). Удачные опыты их систематизации были предприняты С.В. Большовым (1994) и О.В. Кузьминой (1992; 2000), поэтому автор ограничился весьма общим обзором погребальных древностей, материальной и духовной культуры, обратив основное внимание, прежде всего, на вопрос о роли и месте средневолжского абашева в системе культур эпохи бронзы лесного Поволжья.

Б.С. Соловьев проанализировал все случаи находок абашевских металлических изделий и керамики на поселениях волосовской и раннечирковской культур, и все они, на его взгляд, оказались не безупречными в стратиграфическом и морфологическом отношении (с. 67–68). Отсутствуют также данные о синхронизации балановско-атликасинских и абашевских древностей. Автор не исключает, что последние частично совпадают по времени с ошпандинско-хуласюцкими и позднечирковскими (с. 69). Основанием для этого послужили стратиграфические наблюдения на Юринской стоянке, а также присутствие на гибридной керамике этого поселка характерных абашевских мотивов. Основную массу средневолжских абашевских памятников он датирует временем существования могильников СТ-типа. Б.С. Соловьев – вслед за А.Х. Халиковым – настаивает на сравнительно коротком пребывании абашевцев на Средней Волге (с. 70, 99).

Идеи об активном участии абашевцев в формировании чирковской культуры (Большов, 1994; 1995) и о балановско-фатьяновской основе средне-

волжской абашевской культуры и ее первородстве среди других культур абашевской культурно-исторической общности (Кузьмина, 1992. С. 74; 2001. С. 155–157; Кузьмина, Шарафутдинова, 1995. С. 218–219; Горбунов, 1990. С. 10–11, 15; 1992. С. 152–153) уже подвергались критике (Беседин, 1993. С. 14; 1996. С. 24–27; Кузьминых, 1999б. С. 13–14; 2001. С. 17). Не вызвали они поддержки и у Б.С. Соловьева (с. 67–72), который показал, что балановско-атликасинские древности демонстрируют определенную линию развития, направленную на взаимодействие с местными постволосовскими группами населения. Автор отмечает также отсутствие археологических данных, свидетельствующих о сложении абашевской культуры на Средней Волге (с. 72). Замечу в этой связи, что давняя идея А.Д. Пряхина о формировании абашевского культурного комплекса в северной лесостепи в центре Русской равнины – в результате взаимодействия пострепинских и “шнуровых” групп населения – является более обоснованной. Подтверждением тому новые интереснейшие протоабашевские материалы в верховьях Дона (Екимов, 2001).

Исторические судьбы средневолжского варианта абашевской культуры остаются не совсем ясными. Б.С. Соловьев указывает на отсутствие достоверных данных об активном участии абашевцев в культурогенетических процессах, происходивших в Волго-Камье в начале ПБВ. С еще большим сомнением (с. 71) он относится к поискам абашевских проявлений в культурах РЖВ. В то же время Б.С. Соловьев совершенно справедливо предполагает, что этнокультурная ситуация в регионе в период бытования чирковской и абашевской культур в значительной степени определялась влиянием СТ-феномена (с. 99–100). В особенности это касается судеб средневолжской абашевской культуры. Связь ее с историей СТ-феномена несомненна (Черных, Кузьминых, 1989. С. 273–277), что нашло свое подтверждение в материалах нового – Усть-Ветлужского – могильника, исследованного автором уже после выхода рецензируемой книги (Соловьев, 2001). Абашевский компонент в этом новом СТ-могильнике проявляется не менее ощутимо, нежели в Сейме и Решном.

Появление памятников СТ-типа в регионе, насыщенном абашевскими могильниками, было вполне ожидаемо. Дисперсное распространение абашевских древностей в лесной полосе Восточной Европы – от Калужской и Московской областей на северо-западе до Вычегды на северо-востоке (Пряхин, Халиков, 1987, карта 23) – по всей вероятности, спровоцировано давлением СТ-групп, которые отрезали пути движения правобережной абашевской группировки на юг, в лесостепь. Часть абашевцев включается в СТ-отряды не только в Приуралье (Турбино, Усть-Гайва, Коршуново и др.), но и на Средней Волге, как свидетельствуют о том волжские могильники Соколовка и Усть-Ветлуга, окские – Сейма и Решное, а также Галичский “клад” – в лесном Заволжье. Оторвавшиеся от основного массива абашевские группировки (вятско-ветлужская, верхневолжская, вычегодская и др.), скорее всего, растворились в среде местных лесных народов.

В главе 4 Б.С. Соловьев обращается к решению наиболее сложных и нерешенных проблем эпохи поздней бронзы Марийского края, связанных с изучением приказанской и “текстильной” культур. По сравнению с трудами

А.Х. Халикова (1969, 1980) и В.С. Патрушева (1989; 1990), его исследование опирается на полноценные и хорошо проработанные источники. В частности, автор справедливо упрекает Патрушева (с. 84) за выделение в сравнительно небольшой выборке “текстильной” керамики Марийского Поволжья – причем по мелким фрагментам и при отсутствии минимального количества полностью или хотя бы частично реконструированных форм – девяти конечных типологических формообразующих разрядов и до 50 орнаментальных композиций. Скрупулезная реставрация Соловьевым керамики Ясачного 3 и Мольбища с очевидностью выявила ошибочность такого рода типологических построений. Анализ новых поселенческих материалов (Ошутьяльское 3, Ясачное 3, Кокшамарское 2, Ахмыловское 1, Мольбище и др.; см. с. 134–149) привел автора, в отличие от А.Х. Халикова и В.С. Патрушева, к совершенно иной реконструкции хода культурогенетических процессов в регионе в конце ПБВ.

Главное расхождение этих схем – в оценке роли и места “текстильного” культурного комплекса, который А.Х. Халиковым рассматривался в качестве фракции приказанской культуры, прежде всего ее финального, маклашеевского, этапа, а В.С. Патрушевым – как составная часть (наряду с маклашеевскими древностями) раннего, кокшайского, этапа органически единой, по его мнению, ахмыловской культуры. Еще в 70-е годы я попытался обосновать гипотезу о сосуществовании в конце II – начале I тыс. до н.э. в Среднем Поволжье двух групп населения: маклашеевской/ананьинской и “текстильной” (*Кузьминых*, 1977. С. 4). Данная гипотеза нашла поддержку и развитие в работах В.Н. Маркова и Б.С. Соловьева и в то же время вызвала резкую критику со стороны В.С. Патрушева (см. обзор дискуссии: *Кузьминых, Марков, Соловьев*, 1993). В настоящем очерке Б.С. Соловьев подкрепил ее новыми аргументами и фактами. На территории края ныне известны не только смешанные – приказанско-”текстильные” – поселенческие комплексы, но и “чистые” – приказанские и “текстильные” (*Большов, Кузьминых, Соловьев*, 1995).

На примере чирковских древностей автор убедился в том, что формирование нового археологического образования является сложным и длительным процессом, предполагающим в конечном итоге появление оригинального, чаще всего симбиозного, комплекса единой материальной культуры. Но когда столь же длительное взаимодействие и совместное проживание в ряде поселков носителей приказанской и “текстильной” культур не привело к формированию археологически “читаемых” гибридных форм материальной культуры, то, вероятно, содержание и направленность этого взаимодействия не были направлены на разрушение этнокультурных и этнопсихологических стереотипов популяций данных культур. В таком случае вправе ли мы смешанные керамические комплексы выдавать за отдельную археологическую культуру?

Оценка Б.С. Соловьевым этнокультурной ситуации в северных районах Среднего Поволжья в позднебронзовую эпоху (с. 93–96) представляется мне более строгой и взвешенной, нежели предлагаемое В.С. Патрушевым объединение приказанско-”текстильных” комплексов в рамках раннего этапа ахмыловской культуры. Эти комплексы в действительности являются приме-

ром симбиозного сосуществования на контактной территории коллективов, имевших устойчивые и разнообразные отношения, но при этом стремящихся сохранить свое этнокультурное “лицо”. По всей вероятности, генетическая связь средневожских “текстильных” популяций с ядром КТК в Волго-Окском междуречье, а приказанских – с ядром древностей этого типа в Нижнем Прикамье была более значима, нежели их взаимосвязи в ареале чересполосного сосуществования в казанско-марийском течении Волги.

Важно также отметить, что Б.С. Соловьев развенчал представление о сравнительно позднем проникновении КТК в Среднее Поволжье на маклашеевском этапе приказанской культуры (как это ранее представлялось А.Х. Халикову и В.С. Патрушеву). На поселениях Марийского края “текстильная” керамика сопровождается, прежде всего, балымско-карташихинской и атабаевской. Кроме того, им установлено, что интенсивность взаимодействия приказанских и “текстильных” коллективов на протяжении ПБВ не была постоянной; причем, это не связано с хронологическим или территориальными факторами (с. 96). В этой связи Б.С. Соловьев привлёк внимание к еще одной нерешенной проблеме – истокам маклашеевского культурного комплекса в Марийском крае (с. 100), с которым связана переходная эпоха от ПБВ к РЖВ в большинстве регионов Волго-Камья.

В настоящем обзоре я обратился к обсуждению лишь некоторых вопросов, к которым привлечено внимание в книге Б.С. Соловьева. Настоящий труд, несмотря на ряд критических нот, несомненно, заслуживает высокой оценки. Автору удалось решить часть уже весьма застарелых проблем археологии бронзового века Среднего Поволжья, но в ходе работы возникли новые, причем многие из них в книге только обозначены. Наиболее насущные проблемы связаны сейчас с изучением балановской и позднебронзовых культур. Хотелось бы надеяться, что Б.С. Соловьев продолжит их разработку.

ЛИТЕРАТУРА

- Архипов Г.А., 1985. Основные этапы этногенеза марийцев // АЭМК. Вып. 9.
- Бадер О.Н., 1963. Балановский могильник: (Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы). М.
- Бадер О.Н., Халиков А.Х., 1976. Памятники балановской культуры // САИ. Вып. В1-25.
- Бадер О. Н., Халиков А.Х., 1987. Балановская культура // Археология СССР: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.
- Беседин В.И., 1993. К вопросу о соотношении абашевских древностей Подонья и Среднего Поволжья // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зон Восточно-Европейского региона в эпоху бронзы и раннем железном веке. Тула.
- Беседин В.И., 1996. Об одном “новом” подходе к оценке абашевских древностей // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. Воронеж.
- Большов С.В., 1994. Абашевская культура севера Среднего Поволжья: (Некоторые проблемы культурогенеза Среднего Поволжья в эпоху бронзы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск.
- Большов С.В., 1995. Проблемы культурогенеза в лесной полосе Среднего Поволжья в абашевское время: (К вопросу о соотношении абашевских и балановских памятников) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара.
- Большов С.В., Кузьминых С.В., Соловьев Б.С., 1995. К вопросу о поселениях культуры “текстильной” керамики в Среднем Поволжье // АЭМК. Вып. 24.
- Васкс А.В., 1991. Керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа Латвии. Рига.

- Воронин К.В., 2000. Стоянка Липовка 3 – однослойный памятник чирковской культуры в центральной части Волго-Окского междуречья // ТАС. Вып. 4-1.
- Гаврилова И.В., 1983. Фатьяноидная керамика Костромского Поволжья // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л.
- Гадзяцкая О.С., 1992. Фатьяновский компонент в культуре поздней бронзы (Волго-Клязьминское междуречье) // СА. № 1.
- Горбунов В.С., 1990. Некоторые проблемы культуруогенетических процессов эпохи бронзы Волго-Уралья. Свердловск. Препринт.
- Горбунов В.С., 1992. Бронзовый век волго-уральской лесостепи. Уфа.
- Гурина Н.Н., 1963. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье (по материалам Горьковской экспедиции) // МИА. № 110.
- Екимов Ю.Г., 2001. Абашевские памятники на северной периферии донской лесостепи // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация. Самара.
- Калинин Н.Ф., 1948. Древнейшее население на территории Татарии // МПИТ. Вып. 1.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х., 1954. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951–1952 гг. // МИА. № 42.
- Кожин П.М., 1967. Происхождение фатьяновской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Косарев М.Ф., Крайнов Д.А., 1987. Введение // Археология СССР: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.
- Крайнов Д.А., 1972. Древнейшая история Волго-Окского междуречья: Фатьяновская культура (II тысячелетие до н.э.). М.
- Кузьмина О.В., 1992. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье: (Учебн. пособие к спецкурсу). Самара.
- Кузьмина О.В., 2000. Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры // АИ. Вып. 63.
- Кузьмина О.В., 2001. Абашевская культура в системе культур бронзового века Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация. Самара.
- Кузьмина О.В., Шарафутдинова Э.С., 1995. Хроника семинара “Проблемы перехода от эпохи средней бронзы к эпохе поздней бронзы в Волго-Уралье” // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара.
- Кузьминых С.В., 1977. Бронзовые орудия и оружие в Среднем Поволжье и Приуралье (I тысячелетие до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Кузьминых С.В., 1999а. А.Х. Халиков как исследователь эпохи раннего металла Волго-Камья // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань.
- Кузьминых С.В., 1999б. О некоторых дискуссионных проблемах эпохи бронзы Среднего Поволжья (в связи с работами 70–90-х гг.) // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк.
- Кузьминых С.В., 2001. О некоторых дискуссионных проблемах бронзового века Среднего Поволжья (в связи с работами 70–90-х гг. XX в.) // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань.
- Кузьминых С.В., Марков В.Н., Соловьев Б.С., 1993. Некоторые дискуссионные проблемы археологии позднего бронзового и раннего железного веков Среднего Поволжья // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зон Восточно-Европейского региона в эпоху бронзы и раннем железном веке. Тула.
- Моора Х.А., 1958. О древней территории расселения балтийских племен // СА. № 3.
- Никитин В.В., 1996. Каменный век Марийского края // ТМАЭ. Т. IV.
- Патрушев В.С., 1984. Марийский край в VII–VI вв. до н.э.: (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола.
- Патрушев В.С., 1989. У истоков волжских финнов. Йошкар-Ола.
- Патрушев В.С., 1990. Лесное Поволжье на рубеже эпохи бронзы и раннего железа (X–VI вв. до н.э.): Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Л.
- Патрушев В.С., Халиков А.Х., 1982. Волжские ананьинцы: (Старший Ахмыловский могильник). М.

- Попова Т.Б.*, 1969. Допоздняяковские памятники в Окском бассейне // Экспедиции Государственного Исторического музея. М.
- Пряхин А.Д., Халиков А.Х.*, 1987. Абашевская культура // Археология СССР: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.
- Розачев А.Ю.*, 1986. Раскопки поселения Костино 2 // АО, 1984. М.
- Седов В.В.*, 1985. Ранняя этническая история балтов // Проблемы этнической истории балтов. Рига.
- Сидоров В.В.*, 1992. Многослойные стоянки Верхневолжского бассейна Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М.
- Смирнов А.П.*, 1949. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28.
- Соловьев Б.С.*, 2001. Находки сейминско-турбинского времени в Марийском Поволжье // АЭМК. Вып. 25.
- Спиридонова Е.А.*, 2000. Результаты палинологических исследований памятников эпохи бронзы на территории республики Марий Эл // Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья. Йошкар-Ола. (ТМАЭ. Т. 6).
- Третьяков П.Н.*, 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.
- Халиков А.Х.*, 1960. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы // ТМАЭ. Т. 1.
- Халиков А.Х.*, 1961. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР // МИА. № 97.
- Халиков А.Х.*, 1962. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // ТМАЭ. Т. 2.
- Халиков А.Х.*, 1966а. Мезолит Среднего Поволжья // МИА. № 126.
- Халиков А.Х.*, 1966б. Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань.
- Халиков А.Х.*, 1967. У истоков финно-угорских народов // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.
- Халиков А.Х.*, 1969. Древняя история Среднего Поволжья. М.
- Халиков А.Х.*, 1970. Этническая принадлежность племен ананьинской общности // ВФУ. Вып. 5.
- Халиков А.Х.*, 1973. Неолитические племена Среднего Поволжья // МИА. № 172.
- Халиков А.Х.*, 1977. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М.
- Халиков А.Х.*, 1980. Приказанская культура // САИ. Вып. В1-24.
- Халиков А.Х.*, 1985. Проблемы этногенеза пермских финнов: Препринт к VI МКФУ. Казань.
- Халиков А.Х.*, 1987а. Чирковская культура // Археология СССР: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.
- Халиков А.Х.*, 1987б. Приказанская культура // Археология СССР: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.
- Халиков А.Х.*, 1991. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Казань. Ч. I: Происхождение финноязычных народов.
- Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М.*, 1966. Пепкинский курган: (Абашевский человек) // ТМАЭ. Т. 3.
- Халиков А.Х., Халикова Е.А.*, 1963. Васильсурское поселение эпохи бронзы // МИА. № 110.
- Худяков М.Г.*, 1935. Очерк истории первобытного общества на территории Марийской области: (Введение в историю народа мари) // ИГАИМК. Вып. 141.
- Черных Е.Н.*, 1978. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. № 4.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В.*, 1989. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.
- Шмидт А.В.*, 1934. Очерк по истории северо-востока Европы в эпоху родового общества // ИГАИМК. Вып. 106.

С.В. Кузьминых

Янин В.Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. 151 с.

В отличие от других государственных образований Древней Руси, которые имели княжеско-монархическое управление, Великий Новгород с подчиненными ему обширными землями был боярской республикой. Во главе Новгородского государства стояли избираемый на вече посадник и приглашаемый со стороны князь, права и обязанности которого регламентировались договорами со ссылкой на “грамоты Ярославли”. Подобная форма управления была еще только во Пскове, но там она во многом просто копировала новгородскую.

Летописные сведения и актовые материалы не представляли возможностей для обстоятельного решения вопросов становления и развития республиканского строя в Новгороде. В исторической литературе сложилось мнение, что до середины 30-х годов XII в. в государственной жизни Новгорода, как и в других древнерусских землях, важнейшая роль принадлежала князю. И только после событий 1136 г., когда новгородское вече обвинило князя Всеволода в проводимой им внутренней и внешней политике, неугодной и разорительной для Новгорода, и выслало его из города, оформилась вечевая структура государственного управления. Однако многое при этом оставалось неясным, целый ряд вопросов оставались без ответов. Так, не объяснены были причины, не выяснены конкретные условия становления новгородского государственного строя, крайне туманной оставалась историческая ситуация трансформации монархического правления в княжеско-республиканское.

Решение этой проблемы стало возможным на основе комплексного подхода к данным истории и археологии. В результате систематического археологического изучения Великого Новгорода, ведущегося в течение последних десятилетий под руководством В.Л. Янина, заметно пополнился не только собственно археологический, но и исторический источниковый фонд. Становится все более и более очевидным, что раскопочные изыскания в Новгороде имеют первостепенное значение не только для изучения быта, культуры и экономики города и его земли, но и для решения крупных исторических тем. Думается, что в настоящее время история Древней Руси уже не может быть понята в полном объеме только на основе анализов и толкований текстов летописей, грамот, актовых и иных письменных документов. Полноценное освещение коренных и многих частных вопросов древнерусской истории на современном уровне стало невозможным без широкого привлечения данных археологии.

Это отчетливо и ярко продемонстрировал В.Л. Янин в рецензируемой книге, в которой процесс становления новгородской государственности приобретает вполне реалистический характер. Оказывается, что 1136 г. в Новгороде не был началом республиканского правления, истоки этого процесса уходят в глубокую древность.

Как известно, с 1973 г. археологические работы Новгородской экспедиции были сосредоточены в Людином конце средневекового города, где на

Троицких раскопах исследована площадь свыше 7000 кв. м. Раскопками выявлены и изучены мостовые трех древних улиц – Пробойной, Черницыной и Ярышевой, открыто несколько усадеб, существовавших здесь на протяжении нескольких столетий.

Среди них заметно выделяется усадьба “Е”. Если средние размеры усадеб рассматриваемого региона Великого Новгорода составляли 400–600 кв. м, то ее площадь приближалась к 1400 кв. м. Обнаруженные на усадьбе находки достаточно определенно указывают на ее административный характер. На усадьбе открыт настил из шестиметровых сосновых плах, занимавший площадь около 126 кв. м. Выявленные в плахах отверстия свидетельствуют о том, что постройка имела перекрытие. Следовательно, собиравшиеся здесь для обсуждения и решения каких-то дел люди могли работать в любую погоду. На одном из элементов этого строения имелась вырезанная княжеская эмблема, что указывает на какую-то связь с княжеской администрацией. Дендрохронологическое изучение остатков настила показало, что он был сооружен в 1126 г. и позднее неоднократно обновлялся. В напластованиях усадьбы “Е”, датируемых 20–70-ми годами XII в., обнаружено свыше сотни берестяных грамот – “рекордное число за все время раскопок”, подчеркивает В.Л. Янин. Исследователь обращает внимание на то, что большинство из них (92) оказалось порванными еще в древности. Очевидно, содержания грамот составляли какие-то тайны, они разрывались, поскольку суть написанного не должна была стать достоянием посторонних.

Изучение текстов берестяных грамот свидетельствует, что на усадьбе “Е” решались судебные дела. Более того, определяется, что она была местопребыванием сместного суда (суда князя и посадника). Такой суд вел все дела Новгородского государства – гражданские, уголовные, торговые, имущественные, включая утверждение землевладельцев в правах собственности на вотчины. Известно, что резиденцией князя было Городище. Сам князь не участвовал в судебных процессах, от его имени действовал полномочный представитель из числа знатных новгородцев. На усадьбе “Е” эти княжеские чиновники совместно с посадниками и вершили верховное судопроизводство Великого Новгорода.

Более того, анализ берестяных грамот этой усадьбы позволил В.Л. Янину выявить информацию о ряде конкретных судебных дел и даже функционеров новгородского сместного суда середины XII в. Таковыми были Петрок (Петр) и Якша. Имя первого встречено в 17 грамотах, и исследователь убеждает читателей, что это был известный по летописям боярин Петр Михалкович, принадлежавший к новгородской элите. Оказывается, что он был отцом Олисея Гречина – известного художника и священника высокого ранга, усадьба которого была исследована раскопками ранее по соседству в слоях рубежа XII и XIII вв. и монографически опубликована*. Известно, что Юрий Долгорукий, имея целью прекратить вражду Ростово-Суздальской Ру-

* Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.

си с Новгородом, женил своего сына Мстислава на дочери Петра Михалковича. Жена последнего – Морена также называется в текстах берестяных грамот, обнаруженных на усадьбе “Е”, из них следует, что это была весьма влиятельная женщина – в отсутствие Петра Михалковича в Новгороде к ней за советом обращался новгородский князь.

Якша, определяет В.Л. Янин, это – известный по летописям новгородский посадник Якун Мирославич. Он был представителем прусского боярства и избирался посадником трижды – на периоды 1137–1141, 1156–1160 и 1167–1170 годов. В 1170 г., когда Новгород был осажден суздальцами, Якун Мирославич выносил на крепостные стены города икону “Знамение”. Осаждавшие вынуждены были отступить, и икона стала главной чудотворной святыней средневекового Новгорода.

Далее на основе берестяных грамот В.Л. Янин определяет, что в конце XII в. вершителями сместного суда Новгорода были Олисей Гречин в качестве представителя князя и посадник Мирошка (Мирослав) Несдинич, управлявший городом и его землей, согласно данным летописей, в 1189–1204 гг. и много сделавший для упрочнения вечевого строя.

Становление сместного суда в Новгороде, решения которого не могли быть приняты без посадника, таким образом, датируется 1126 г. Это был определенный этап развития новгородской государственности. В 1125 г. умер могущественный Владимир Мономах, отмечает В.Л. Янин, и новгородцы воспользовались этим.

Вместе с тем, В.Л. Янин устанавливает, что усадьба “Е” имела административно-общественный характер и в более раннее время – в XI и в начале XII в. Об этом достаточно определенно говорят обнаруженные при ее раскопочных исследованиях 15 берестяных грамот и особенно 40 деревянных цилиндров. Несомненный интерес представляют последние находки. Они имеют по два взаимно перпендикулярных отверстия, в которые вводились концы веревок или кожаных шнуров, стягивавших горловины мешков с ценностями. Концы завязывались и прятались внутрь цилиндров, после чего поперечный канал забивался деревянной пробкой, противоположный конец которой еще и расклинивался. Таким образом, цилиндры надежно гарантировали сохранность и неприкосновенность мешков с ценностями.

Расшифровка назначения цилиндров принадлежит В.Л. Янину. На многих из них имелись краткие надписи, знаки или зарубки. Анализ их дал возможность утверждать, что цилиндрами маркировались мешки с долей доходов, предназначенных князьям или сборщикам даней. Княжеская доля скреплялась цилиндрами с надписями КЪНЯЖ(Е) или с изображениями княжеского знака. Таких цилиндров на усадьбе “Е” найдено семь. В отдельных случаях исследователю удалось определить принадлежность последних конкретному князю. Другая группа цилиндров имела надписи “емец”, “мечник” или изображение меча – символа мечника. Мечник – княжеское должностное лицо, которое осуществляло сборы податей в пользу князя или церкви и которому полагалась при этом определенная доля. Таких находок на усадьбе “Е” обнаружено 14, на четырех поименованы сами мечники – Нежата, Хотень (дважды) и Лазарь. На основе анализа статей Краткой и Пространной Правды В.Л. Янин определяет соотношение между княжескими, цер-

ковными долями и долей сборщика налогов – 100 к 20 и 28. В Новгороде найдены и цилиндры с обозначением стоимостей (в гривнах) ценностей в мешках. Стоимости содержимого в мешках обозначали и зарубки на цилиндрах. В надписях на четырех цилиндрах указаны местности, где мечниками осуществлялись сборы доходов: 1) районы рек Ваги и Пинеги – притоков Северной Двины; 2) область реки Тихменги, впадающей в озеро Лаче. Оба региона находятся в Заволочье.

Становится вполне очевидным, что на усадьбу “Е” в XI – начале XII в. поступали опечатанные мешки с государственными податями. И то, что находки цилиндров связаны не с Городищем или Ярославовым дворищем, где находились резиденции новгородских князей, – надежное свидетельство активного участия в фискальных мероприятиях сначала племенной, а потом боярской верхушки. Следовательно, в Новгородской земле, по крайней мере, с начала XI в. (этим временем датируются в Новгороде ранние находки цилиндров) князь и княжеские люди не имели права самостоятельно собирать государственные подати, этим ведала новгородская знать. Князю в виде дара или жалованья выделялась фиксируемая часть доходов, которая доставлялась мечниками в мешках, запломбированных цилиндрами, в пункты сборов, одним из которых и была усадьба “Е”.

Такой порядок взимания государственных податей, как определяет В.Л. Янин, был закреплён за Новгородом ещё в 1019 г. Ярославом Мудрым (“грамоты Ярославли”, на которые делаются отсылки в последующих актах, регламентирующих эту систему). Однако и тогда это не было нововведением – Ярослав только подтвердил ранее установившиеся нормы взаимоотношений новгородцев с приглашаемыми князьями. Уже на заре становления новгородской государственности княжеская власть регламентировалась договором между местной верхушкой и приглашенным князем. В Новгороде он был как бы приглашенным на службу “крупным чиновником”. Князь и его дружинники не имели права владеть землей на территории, подвластной Новгороду, и собирать государственные подати. Находки деревянных цилиндров, подобных новгородским, сделанные в польско-поморском городе Волине и ирландском Дублине в культурных напластованиях X в., дают основание говорить о бытовании их в Балтийском регионе уже в эпоху викингов. В этой связи, заключает автор рецензируемой книги, становится понятным летописное известие под 862 годом о призвании князя из-за моря с целью прекращения возникшей межплеменной распри. Так в Новгороде (на Новгородском городище) обосновался Рюрик. Его власть, утверждает исследователь, сразу же была регламентирована рядом – договором, определившим нормы взаимоотношений между приглашенным князем и местной знатью. Эти древние нормы и были подтверждены Ярославом Мудрым.

В.Л. Янин отмечает, что местопребывание сместного суда в Новгороде определялось расположением усадьбы очередного посадника. В этой связи было бы интересно проследить историю судебной постройки усадьбы “Е”. Ее возведение в 1126 г. в Людином конце Новгорода оправдано – в это время посадничество получил людинский боярин Мирослав Гюрятинич. Обновление настила в 1132 г., документированное дендрохронологическими анализами, следует связывать с деятельностью опять-таки людинского боярина

Петрилы Микульчича, бывшего посадником в 1131–1134 гг., а замена настала в 1146 г. – с посадничеством Нежаты Твердытича (1144–1146 и 1160–1161 гг.), которого также можно причислить к людинской знати. Возникает вопрос: что было с постройкой сместного суда усадьбы “Е” в те годы, когда посадниками были представители неревского и славенского боярства? Пустовала ли она в эти периоды? Было ли местонахождение сместного суда постоянным или перемещалось в зависимости от управления городом боярством того или иного конца?

К людинскому боярству В.Л. Янин относит также посадников Мирошку Несдинича и его сына Дмитра, что надежно аргументировать не представляется возможным. Обнаруженные на Троицком раскопе две берестяные грамоты (№ 502 и 603), связываемые с Мирошкой Несдиничем, не свидетельствуют о его местожительстве в Людином конце. Первая из этих грамот написана им самим и адресована Олисею Гречину, проживавшему, как отмечено выше, по соседству с усадьбой “Е”. Находка грамоты 603 на Троицком раскопе также вполне объяснима – она адресована тому же Гречину (и Мирославу). Известно, что Мирошка Несдинич получил посадничество в борьбе с представителем боярства Прусской улицы Михалкой Степановичем, а его сын Твердислав Михалкович, достоверно связанный с Прусской улицей и опиравшийся на Людин и Загордный концы Новгорода, стал посадником в 1207 г. в борьбе с Мирошкинчиками. Сместной суд в период посадничества Мирошки Несдинича (1189–1204 гг.) вряд ли мог оставаться в Людином конце (на усадьбе “Е”), или же его местопребывание в это время определялось местом усадьбы полномочного представителя князя?

Весьма интересным представляется наблюдение В.Л. Янина, что до середины X в. податная территория Новгорода ограничивалась Приильменьем с низовьями Шелони и Ловати. В этой связи нельзя не обратить внимания на то, что это – коренная область расселения словен ильменских, как она очерчивается по распространению новгородских сопков. В других местностях, в том числе в Помостье и Полужье, эти памятники наслаиваются на земли, ранее освоенные кривичами – носителями культуры псковских длинных курганов. Эти области вошли в состав государственной податной территории Новгорода после 947 г. в результате установления погостной системы на Мсте и Луге княгиней Ольгой. К этому же событию, по всей вероятности, относятся два погоста особого характера. Это – Важанский и Имоволожский, весь доход с которых поступал в личную казну новгородских князей. Местонахождение Имоволожского погоста до сих пор оставалось неопределенным. Теперь В.Л. Янину удалось надежно локализовать его в верховьях р. Мсты (регион озера Имоволожье), т.е. в области установления погостов и даней княгиней Ольгой. Важанский погост помещается исследователем на реке Свирь, соединяющей Ладожское озеро с Онежским. Возникает вопрос, каким образом он там оказался? Более оправданной была его локализация на реке Луге, в зоне регламентации податей Ольги. Свое название он мог получить от этнонима води – вожан, проживавших в X в. в среднем и нижнем течении этой реки. Тогда было бы понятным особое положение этих двух погостов.

В.В. Седов

М.Б. Медникова

ГРУППА ФИЗИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ: ИТОГИ ДЕСЯТИЛЕТНЕЙ РАБОТЫ

Палеоантропологические исследования в России на протяжении XX в. были сосредоточены главным образом на решении вопросов происхождения народов, чему способствовали обширные работы по краниологическому изучению представителей археологических культур.

В последней четверти столетия в зарубежной антропологии сформировался другой подход, вызванный растущим интересом к рассмотрению различных аспектов образа жизни древнего населения. В основу таких исследований легли представления о физиологическом стрессе, оказывавшем кумулятивное и специфическое влияние на представителей древнего населения, что проявлялось на индивидуальном и популяционном уровне в снижении продолжительности жизни, замедлении темпов роста в детстве, присутствии определенных заболеваний. Новые методические подходы оформились в рамках отдельных научных направлений – палеодемографии и палеопатологии. Параллельно в отечественной антропологии, изучающей современные этнотерриториальные группы, завоевало место под солнцем и стало приоритетным экологическое направление, использовавшее достижения географического метода и поставившее своей целью выявление механизмов и закономерностей процессов биологической адаптации в различных природных условиях. Т.И. Алексеевой была выдвинута гипотеза о существовании адаптивных типов современного человечества, определяемых как норма биологической реакции на комплекс условий окружающей среды. Настоятельной потребностью стало изучение исторической динамики адаптивных процессов.

У истоков исторической экологии человека в нашей стране стоял выдающийся отечественный антрополог академик В.П. Алексеев. Он оценил перспективность палеоэкологического изучения антропологических материалов и в своих работах конца восьмидесятых годов наметил тенденции развития этой области знания, подчеркивая необходимость междисциплинарного подхода, включающего детальное использование археологических и этнографических источников.

В 1990 г. с целью развития экологического направления в археологических и палеоантропологических исследованиях в Институте археологии РАН была создана группа физической антропологии. С 1992 г. работу группы возглавляет академик РАН Т.И. Алексеева. Специалисты, объединенные в этом коллективе, развивают комплексный подход к анализу палеоантропологических материалов. Помимо традиционных краниологических и

osteологических программ исследования, они применяют и разрабатывают новые методики, позволяющие регистрировать уровень воздействия стрессовых факторов биосоциальной природы, диагностировать заболевания, исследовать особенности питания в различных палеопопуляциях. Результаты методических и теоретических разработок сотрудников группы физической антропологии были обобщены в коллективной монографии “Историческая экология человека: Методика биологических исследований” (Бужилова, Козловская, Лебединская, Медникова, 1998). Кроме характеристик способов изучения скелетных материалов (палеодемография, остеометрия, палеопатология, исследование кремнированных останков, рентгенография, гистология, химический анализ диеты, реконструкция двигательной активности и др.) и описания методических сложностей, в этой публикации впервые было сформулировано представление о биоархеологических реконструкциях как о комплексном описании скелетных материалов, происходящих из одного археологического памятника, максимально учитывающем археологический контекст. Биоархеологические реконструкции применялись и по отношению к индивидуальным находкам. Примерами такого подхода могут служить исследование предположительно жертвенной декапитации из археологического комплекса античного времени “Бакланья Скала” в Крымском Приазовье (Бужилова, Масленников, 1999); антропологическая характеристика скифов Подонья (Козловская, 1999); реконструкция особенностей захоронения погребенных в Пепкинском кургане эпохи средней бронзы (Медникова, Лебединская, 1999; Медникова, 2001).

Новый концептуальный подход к антропологическому источнику позволил реконструировать образ жизни, особенности среды обитания, хозяйственной деятельности и специфичность поведения человека в разные исторические эпохи.

А.П. Бужилова (1995), разработав и применив методику палеопатологического анализа, реконструировала особенности “стиля жизни” в средневековых древнерусских группах, в группах населения, входивших в Хазарский каганат, у представителей джетыясарской культуры Восточного Приаралья.

М.Б. Медникова (1995), основываясь на данных остеометрического анализа, предприняла попытку палеоэкологической реконструкции условий жизни древних скотоводов Южной Сибири в эпохи бронзы и раннего железа. Автором были прослежены закономерности морфологической изменчивости древних жителей этого региона, свидетельствующие об усиленном стрессовом давлении на палеопопуляции некоторых экзогенных факторов.

М.В. Козловская (1996) посвятила отдельное монографическое исследование экологии древних племен лесной полосы Восточной Европы. Данные палеогеографии, археологии, физической антропологии, этнографии были использованы ею для воссоздания образа жизни мезо-неолитического населения.

Изучение неолита лесной полосы на примере Сахтышских стоянок было продолжено публикацией коллективной монографии (Неолит..., 1997), в которой коллектив авторов рассмотрел вопросы происхождения и сложения антропологических типов, а также особенности биологической адаптации у обитателей лесного ландшафта эпох мезолита и неолита.

Сотрудники группы физической антропологии принимали участие и в написании фундаментального коллективного труда “Восточные славяне: Антропологическая и этническая история” (1999). Так, А.П. Бужилова исследовала географию русских фамилий и дала характеристику болезней в средневековой Руси.

Комплексное биоархеологическое исследование средневекового населения было продолжено в исследовании обитателей Русского Севера (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001).

Важное место в работе группы физической антропологии занимает разработка палеолитических материалов. В монографии “*Homo sungirensis*: Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования” (2000), в подготовке и написании которой принимали активное участие сотрудники группы физической антропологии, обобщены итоги многолетнего изучения антропологических материалов верхнепалеолитического памятника Сунгирь. В ней приводятся как опубликованные ранее труды, так и результаты новейших исследований с привлечением методов многомерной статистики, палеодемографии, морфологии, палеопатологии, рентгенологии, гистологии, микроэлементного и молекулярно-генетического анализов; впервые представлен иллюстрированный каталог скелетных материалов. Монография получила высокую оценку: ее ответственные редакторы Т.И. Алексеева и Н.О. Бадер были удостоены академической премии им. Н.Н. Миклухо-Маклая (2002 г.).

Как можно заметить, диапазон материалов, изученных сотрудниками группы, очень широк – он охватывает эпохи от палеолита до средневековья. Публикация коллективной монографии “Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды” (2002), подготовленной в сотрудничестве с Воронежским государственным университетом, вводит в научный оборот материалы археологических раскопок позднесредневекового грунтового могильника, локализованного в Донском пограничье степи и лесостепи. Комплексное исследование определяет место данного памятника в кругу золотоордынских древностей, его хронологию, описывает особенности этнических и адаптивных процессов, вскрывает детали образа жизни местного населения.

Сфера деятельности группы физической антропологии расширяется благодаря работам, посвященным социальной адаптации и некоторым аспектам ритуальной жизни древнего населения. Например, монография М.Б. Медниковой (2001) обобщает многочисленные палеоантропологические источники с территории Евразии, свидетельствующие о практике самых древних операций в истории человечества – трепанаций черепа. Эта работа сочетает фактические сведения из области физической и культурной антропологии, палеопатологии, археологии, истории медицины. При оценке лечебных и ритуальных аспектов трепанирования рассмотрены различные составляющие духовной жизни древних обществ.

Взросший интерес к междисциплинарному изучению антропологического источника должен подкрепляться систематическим освещением работ по этой тематике. Вот почему в планах группы физической антропологии – периодическое издание “Биоархеология”, на страницах которого будут пуб-

ликоваться статьи отечественных и зарубежных специалистов. Уже сформирован первый выпуск (редактор выпуска А.П. Бужилова). Подводя итоги десятилетней работы группы физической антропологии, можно констатировать, что возникла и утвердилась динамично развивающаяся область междисциплинарных исследований, представленная биоархеологическими реконструкциями.

ЛИТЕРАТУРА

- Бужилова А.П., 1995. Древнее население: Палеопатологические аспекты исследования. М.
- Бужилова А.П., Козловская М.В., Лебединская Г.В., Медникова М.Б., 1998. Историческая экология человека: Методика биологических исследований. М.
- Бужилова А.П., Масленников А.А., 1999. Военные травмы античного времени: О двух примечательных антропологических находках из Крымского Приазовья // Проблемы истории, филологии, культуры. М. Вып. VII.
- Восточные славяне: Антропологическая и этническая история / Отв. ред. Т.И. Алексеева. М., 1999.
- Козловская М.В., 1996. Экология древних племен лесной полосы Восточной Европы. М.
- Козловская М.В., 1999. Опыт индивидуального описания скелетных материалов на примере погребений из курганного могильника скифского времени Терновое-Колбино на Среднем Дону // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений / Под ред. В.И. Гуляева, И.С. Каменецкого, В.С. Ольховского. М.
- Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П., 2001. Средневековое расселение на Белом озере. М.
- Медникова М.Б., 1995. Древние скотоводы Южной Сибири: палеоэкологическая реконструкция по данным антропологии. М.
- Медникова М.Б., 2001. Трепанации у древних народов Евразии. М.
- Медникова М.Б., Лебединская Г.В., 1999. Пепкинский курган: данные антропологии к реконструкции погребений // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений / Под ред. В.И. Гуляева, И.С. Каменецкого, В.С. Ольховского. М.
- Неолит лесной полосы Восточной Европы (антропология Сахтышских стоянок) / Отв. ред. Т.И. Алексеева. М., 1997.
- Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды / Алексеева Т.И., Бужилова А.П., Винников А.З., Волков И.В., Козловская М.В., Лебединская Г.В., Медникова М.Б., Цыбин М.В. Воронеж, 2002.
- Homo sungirensis*. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования / Отв. ред. Т.И. Алексеева, Н.О. Бадер. М., 2000.

В.Ю. Коваль

КОНФЕРЕНЦИЯ “РУСЬ В IX–XIV веках: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЕВЕРА И ЮГА” (Москва–Ростов, 2002)

Конференция “Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга”, организованная Институтом археологии РАН, проводилась с 19 по 22 ноября. Заседания проводились в Москве (19 и 20 ноября – в помещении Института археологии) и Ростове Великом (21 ноября – в музее-заповеднике “Ростовский кремль”). В конференции приняли участие ученые из России, Украины

и Белоруссии – специалисты в различных областях средневековой археологии. Проведение этого международного форума оказалось возможным благодаря финансовой поддержке РГНФ (проект № 02-01-14045г). Необходимость коллективного обсуждения проблемы взаимоотношений северной и южной частей древнерусского государства была продиктована накоплением нового фактического материала в результате масштабных работ последнего десятилетия и разработкой различных, зачастую трудновосприимчивых, гипотез о путях формирования общедревнерусского единства. “Киевоцентрическая” модель развития средневековой русской государственности и культуры совмещается сегодня со “скандинавской” моделью, возрождающей отчасти старую историографическую традицию. Противоречивые тенденции торгово-экономического взаимодействия и политической конкуренции городских центров обеих областей, противостояния и глубокого взаимопроникновения северных и южных культурных традиций – одно из важнейших явлений, характеризующих развитие Древней Руси в IX–XIV вв. За время работы конференции были заслушаны и обсуждены 30 докладов. Тезисы 25 докладов, представленные авторами, были опубликованы к началу конференции.

Конференцию открыл член-кор. РАН *Н.А. Макаров* докладом “Север и Юг Древней Руси в X – первой половине XIII в.: факторы консолидации и обособления”, в котором было подчеркнуто исключительное значение данной проблемы для понимания общего хода культурной истории в Восточной Европе в средневековье. Указав на основные черты различия в материальной культуре северных и южных областей (в конструкции жилищ, типах пахотных орудий, денежно-весовых системах), докладчик обратил внимание на ряд различий, которые обычно остаются незамеченными: относительную редкость на Севере укрепленных поселений и значительно более высокую плотность населения на Юге, более высокую покупательную способность средневекового населения на Севере и тенденцию к накоплению сокровищ среди элиты на Юге. Все эти различия, однако, не мешали процессу интеграции восточного славянства, проходившему в значительной мере под влиянием материальной культуры Среднего Приднепровья. Не случайно именно вещи “южных типов” воспринимались северянами в качестве значимых маркеров общерусской идентичности. Важным фактором, обеспечивавшим как единство северной и южной зон Руси, так и их размежевание, была названа торговля с Византией и Западной Европой. Докладчиком была особо отмечена сложность региональной атрибуции целого ряда восточнославянских древностей для решения поставленной проблемы.

В докладе *А.В. Чернецова*, заведующего отделом славяно-русской археологии ИА РАН, “Взаимодействие Севера и Юга Древней Руси: к постановке проблемы” отмечалось, что противопоставление Севера и Юга Руси во многом обязано историографической традиции, связанной с идеологической борьбой в России в XIX–XX вв. (“норманизм” и последующий его “разгром”, “украинофильство” и близкие ему взгляды Б.А. Рыбакова). Современные исследования позволяют стирать многие грани между северными и южными областями Руси, которые ранее рассматривались в качестве их коренных отличий (распространение вечевого строя, практики полюдьи). Кон-

статирована неубедительность разграничения Руси по экономическим и этнографическим признакам. Очевидными историко-географическими факторами различия названы при этом разница в плодородии почв и близость Южной Руси к Византийской империи.

М.А. Сагайдак (Киев), выступивший с докладом “О некоторых признаках раннего города: сравнительный анализ (Север–Юг)”, указал на то, что утвердившаяся в исследованиях второй половины XX в. схема развития древнерусского города как центра сельскохозяйственной округи, со стандартным трехчастным делением (детинец – окольный город – посад), оказывается далеко не обязательной и приложимой не ко всем (прежде всего, ранним) городским образованиям. Как показали исследования в Киеве, этот город также не вписывается в данную схему, поскольку средоточием его экономической жизни с конца IX в. был неукрепленный Подол, тогда как на Старокиевской горе в это и последующее время существовало лишь небольшое по площади укрепление и обширный курганный могильник.

В докладе *Г.Ю. Ивакина* (Киев) “Погребения X–XI вв. из раскопок Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве (1996–1997 гг.)” на основании вновь полученных данных был охарактеризован курганный могильник, размещавшийся на Старокиевской горе (на территории будущих “города Владимира” и “города Ярослава”, площадь которого достигала 60 га. Отмечено, что этот могильник мог быть оставлен только населением многолюдного Подола, а никак не ограниченного по площади укрепления на Замковой горе. Были представлены интересные материалы комплексов из камерных погребений второй половины X в.

В.Н. Зоценко (Киев) в докладе “Скандинавские древности Киева IX–XI вв.” отметил, что курганный могильник на Старокиевской горе возник на месте заброшенного более раннего поселения. Материалы этого могильника включают заметное количество скандинавских изделий, в том числе этноопределяющих женских украшений, свидетельствующих об участии выходцев из Скандинавии в формировании населения раннего Киева.

Доклад *Л.В. Колединского* (Минск) “Городская культура Белоруссии X–XIV вв.: традиции и инновации” был посвящен характеристике и периодизации материальной культуры западнорусских городов. Отмечен вклад мигрантов из Скандинавии и Польши в производство вооружения, украшений и бытовых предметов. В отличие от северных и западных традиций, византийское влияние коснулось в основном сферы элитарной культуры. По мнению докладчика, с XIV в. наиболее значимым фактором культурных инноваций становится западноевропейское влияние.

С большим интересом был встречен доклад *Н.В. Ениосовой и Т.Г. Сарачевой* (Москва) “Пути поступления ювелирного сырья на Север и Юг Древней Руси в IX–XI вв.”, основывавшийся на серии химических анализов образцов цветного металла с территории Восточной Европы. Изучение этого корпуса материалов позволило докладчикам прийти к выводу о различных источниках поступления сырья для ювелирного производства в Северную и Южную Русь. Северная Русь использовала латуни (сплавы с цинком), поступавшие сюда из Центральной Европы, тогда как в Южной Руси применялись многокомпонентные сплавы из лома цветных металлов. Сюда могли вво-

зяться также бронзы из Великоморавского региона. Анализы подтвердили давнюю гипотезу об арабских дирхемах как основном источнике серебра для ювелирного производства Восточной Европы VIII–X вв.

В.Ю. Коваль (Москва) в докладе “Византийская керамика в средневековой Руси” представил сводку находок около 100 образцов поливной византийской керамики, известных сегодня на территории Руси. Было отмечено, что на протяжении всей истории русско-византийских связей поливная посуда составляла предмет роскоши, доступный лишь представителям привилегированных сословий (аристократии, купечеству) и церкви. В X–XI вв. эта керамика проникала на Русь по Днепровско-Балтийскому пути, в XII–XIII вв. она поступала в крупнейшие города – центры земель и княжеств, независимо от их географического размещения.

В докладе *В.П. Коваленко* (Чернигов) “Чернигов и Шестовицы” были освещены результаты новейших исследований на комплексе памятников у села Шестовицы, являвшегося военно-дружинным поселением, осуществлявшим в X в. контроль со стороны великокняжеской администрации за Черниговом, выступавшим в качестве торгового и политического конкурента Киева. Неоднократные пожары на этом поселении свидетельствуют о напряженной обстановке, в которой проходило его функционирование.

М.И. Гоняный (Москва) в докладе “Тюркские элементы в материальной культуре древнерусского населения конца XII – третьей четверти XIV в. района Куликова поля на Верхнем Дону (на примере украшений ременной гарнитуры)” дал сводку находок ременных украшений из верхнедонского региона. Среди изделий домонгольского периода были встречены несколько накладок, которые, по мнению докладчика, имеют аналогии в аскизской культуре средневековой Хакасии. Большинство находок “аскизского” облика относилось к золотоордынской эпохе, что связывается с усилением связей Руси с Поволжьем и, прежде всего, с Волжской Болгарией, где подобные накладки изготавливались массовыми сериями.

Доклад *Б.А. Звиздецкого* (Киев) “Курганы с каменными обкладками на Овручском кряже” был посвящен итогам раскопок курганов с кольцевыми каменными обкладками на Житомирщине. По мысли докладчика, такие курганы могли принадлежать потомкам славянизированных ятвягов из Берестейского Побужья, переселенных в бывшую древлянскую землю после похода Владимира Святославича на ятвягов в 983 г.

С докладом “К изучению южнорусских “змиевых валов” выступил *Ю.Ю. Моргунов* (Москва), пришедший к выводу об участии в строительстве этих фортификационных сооружений западнославянских контингентов, появление которых связывается с походом Владимира Святославича на Червенские города в 981 г. Свидетельством западного влияния расценивается использование при сооружении части стен (остатками которых и являются нынешние валы) перекладной техники, широко применявшейся, например, в Польше.

Из совместного доклада *В.М. Буланкина* и *В.В. Судакова* (Рязань) “К вопросу о начальном этапе славянского расселения в Среднем Поочье” стали видны результаты масштабных исследований в Рязанском Поочье, где удалось обнаружить ряд поселений с лепной керамикой, родственной керамике

роменской и боршевской культур, а также керамике типа Луки-Райковецкой, датированных IX–X вв. Раскопки на Дураковском III селище подтвердили выводы о хронологии этих памятников. Новые данные позволяют лучше понять процесс славянского расселения на юго-восточной окраине восточнославянского ареала.

В.В. Седов (Москва) в докладе “Предыстория северновеликорусов” соотнес начало диалектного деления великорусов на северную и южную ветви с известными по археологическим данным вариантами пшеворской культуры, связываемой докладчиком с венетами и склавинами ранневизантийских хроник. Для восточнославянского региона была предложена граница между северным и южным регионами, базирующаяся на известных диалектных различиях и разнице в материальной культуре (в том числе, прослеживаемой по ареалам наземных жилищ и полуземлянок, подковообразных фибул и коньковых подвесок).

Выступление *В.Я. Петрухина* (Москва) “Варяги и хазары в начальной истории Руси” было посвящено краткому обзору истории Восточной Европы в IX–X вв. на фоне взаимоотношений северной части восточнославянских племен со скандинавами, а южной их ветви – с хазарами. Кризис поступления восточного серебра в Восточную и Северную Европу в конце IX в. докладчик связал с захватом Киева Олегом и установлением Хазарией торговой блокады новообразовавшейся Руси.

Доклад *И.В. Ислановой* (Москва), *Е.Ю. Крымова* (Тверь) и *В.В. Романова* (Дубна) “Варяги на Верхней Волге (новые находки)” имел целью ввести в научный оборот ряд малоизвестных находок скандинавских древностей X в., происходящих из сборов подъемного материала на памятниках Верхневолжья (район Ржева – Рыбинска) и хранящихся в музее города Дубны.

В докладе *В.В. Мурашовой* (Москва) “Супрутский клад 1969 года (к вопросу о хазарско-скандинавском взаимодействии на территории Древней Руси)” исследовался уникальный комплекс снаряжения всадника, найденный на городище Супруты в Тульской области, включавший как предметы скандинавского происхождения, так и вещи хазарского круга древностей.

Доклад *И.И. Мовчана* и *М.М. Иевлева* (Киев) “Новые данные о дружинном некрополе древнего Киева” обрисовал современную ситуацию в изучении курганного могильника IX–XI вв. на Старокиевской горе. Одной из последних находок стало дружинное погребение, датированное по имевшимся в нем херсоно-византийским монетам 30-ми годами X в. Установлено, что “город Владимира” возник на месте, занятом прежде курганным могильником. Впоследствии могильник размещался на территории будущего “города Ярослава”.

К.А. Михайлов (Санкт-Петербург) в докладе “Развитие древнерусской поясной гарнитуры в XI в. (по материалам поясов “новгородского” типа)” выдвинул гипотезу о южнорусском (киевском?) происхождении ряда накладок, входивших в состав поясов XI в., известных по материалам Готланда, Швеции и Финляндии. Проникновение в Скандинавию русской поясной гарнитуры связывается со шведами, служившими наемниками на Руси.

В докладе *Н.В. Жилиной* (Москва) “Региональные различия в русской филигрании” был сделан вывод о продолжении традиций киевской школы

филиграни в столичных центрах Северо-Восточной Руси XII–XIII вв. (Рязань, Владимир). Особенностью новых центров, возвысившихся в XIV в. (Москва, Тверь), была консервация достижений ювелирного искусства предмонгольской эпохи.

Основываясь на ряде новых находок, Б.А. Мазуров (Коломна) в докладе “Древнерусские кресты-энколпионы XII–XIII вв. из Коломны” высказал предположение о передвижении в это время части южнорусского населения на Северо-Восток и, в том числе, в рязанские земли. С этим движением связываются находки крестов киевского происхождения и их местные копии.

Доклад А.В. Энговатовой, О.В. Орфинской и В.П. Голикова (Москва) был посвящен находке в 2001 г. в подмосковном городе Дмитрове нескольких погребений домонгольского времени с сохранившимися фрагментами тканей византийского и китайского происхождения и золототканой тесьмы средиземноморского производства (Византия или Испания).

И.Е. Зайцева (Москва) в докладе “Традиции Северной и Южной Руси в ювелирном деле Серенска” пришла к выводу о применении мастерами провинциальных центров литейных форм, изготовленных в Киеве профессионалами высокого класса. Отмечено присутствие в Серенске мастеров из северных районов Руси, что связывается с княжением Михаила Всеволодовича Черниговского в Новгороде.

С докладом “Кузнечное ремесло столицы и периферии (Рязань и Ростиславль Рязанский)” выступил В.И. Завьялов (Москва). Металлографический анализ изделий из железа и стали, найденных в Старой Рязани и окраинном городе Рязанской земли Ростиславле, позволил исследователю заключить, что при общей близости технологических приемов, уровень мастерства у ремесленников столицы был несколько выше.

В докладе В.Я. Конецкого (Великий Новгород) “Укрепления Малышевского городища в контексте культурных связей Севера и Юга Руси” рассматривалась фортификация городища X в. в бассейне средней Мсты. Раскопки вала городища показали, что он являлся остатками стены, состоявшей из полых клеток, не засыпанных грунтом. Такие укрепления, известные в Южной Руси, на территории Новгородской земли встречены впервые. Появление их здесь связывается докладчиком с возникновением системы погостов, организованных администрацией киевских князей (поход княгини Ольги 967 г.).

С.З. Чернов (Москва) в докладе “Сфрагистический комплекс из Могутова и его значение для предыстории Московской земли в первой половине XII века” рассказал об уникальном комплексе из 16 вислых свинцовых печатей и 12 свинцовых пломб XI–XII вв., найденных коллекционером на селище-посаде у Могутовского городища, идентифицируемого с волостным центром Шерна. Присутствие среди них печатей новгородских князей, по версии докладчика, может свидетельствовать о принадлежности Шерны Новгороду до середины XII в.

А.Е. Леонтьев и Л.С. Розанова (Москва) в докладе “Ножи из Ростова Великого: к вопросу о различии производственных традиций в железообрабатывающем производстве городов на Севере и Юге Руси в домонгольский период” пришли к выводу о развитии железообрабатывающего ремесла Ростова в русле традиции, характерной для северного региона Руси (доминиро-

вание ножей, изготовленных по технологии 3–5-слойного пакета). При этом, в XIII в. отмечено развитие наварных технологий, т.е. общерусского направления в эволюции кузнечного ремесла.

В докладе *П.Д. Малыгина* (Тверь) «“Ярославовы грамоты”: грамоты южных или северных князей?» была предпринята попытка критического разбора устоявшейся интерпретации “Ярославовых грамот”, фигурировавших в договорах Новгорода с великими князьями Владимирскими золотоордынской эпохи, как документов времен Ярослава Мудрого.

Н.А. Тропин (Елец) в докладе “Южные земли чернигово-рязанского порубежья в XI–XV вв.: формирование региона” высказал предположение о прохождении границы между Рязанским и Черниговским княжествами по Дону. Исследованный регион на правом берегу Верхнего Дона (Елецкая земля) формировался, по мнению докладчика, в составе Черниговского княжества, о чем свидетельствуют ярко выраженные южнорусские традиции в материальной культуре.

А.В. Петраускас (Киев), выступивший с докладом “Охота в структуре хозяйствования Киевской Руси”, привел статистические данные, свидетельствующие о том, что наивысший показатель остеологических останков диких животных фиксируется в детинцах древнерусских городов, а самый низкий – на селищах. Отсутствие в остеологических комплексах костей белки, соболя и некоторых других объясняется докладчиком особенностями ареалов их обитания и религиозными запретами на употребление в пищу мяса отдельных видов животных.

В ходе работы конференции возникали дискуссии по вопросам, на которые у исследователей имелись различные точки зрения. Так, *В.В. Седов* высказал предположение о том, что в VIII – первой половине IX в. торговля славян с Востоком осуществлялась без участия скандинавов, т.е. напрямую с караванами восточных купцов. Внедрение же варягов в эту торговлю началось лишь с 860-х годов. В противовес этому мнению, *В.Я. Петрухин* отметил, что арабские монеты из кладов на Руси и Скандинавии представлены одинаковыми типами, что свидетельствует о продвижении этих монет в Скандинавию с самого начала восточной торговли. *К.А. Михайлов* обратил внимание собравшихся на то, что решение этой и других подобных проблем затруднено дефицитом надежно датированных комплексов IX в. при наличии большого числа комплексов X в., причем для последних единственным датирующим материалом остаются скандинавские древности. В дискуссиях принимали также участие Г.Ю. Ивакин, Б.А. Звиздецкий и Ю.Ю. Моргунов.

При подведении итогов конференции *В.П. Коваленко* высказал благодарность от лица зарубежных участников конференции в адрес Российского гуманитарного научного фонда, благодаря финансовой поддержке которого удалось провести столь представительный форум исследователей.

В заключительном слове *Н.А. Макаров* подчеркнул, что в результате работы конференции начала складываться глобальная картина взаимодействия Севера и Юга Руси, при том, что не были обойдены вниманием и черты различия, разъединявшие эти регионы в их историческом развитии. На конкретном археологическом материале было показано, как происходил

механизм взаимодействия Севера и Юга, проникновение южных вещей в северные районы и северных культурных явлений – в южные.

Доклады, прозвучавшие на конференции, показали, что исследователи России, Украины и Белоруссии способны преодолеть все политические преграды при работе над проблемами, вызывающими всеобщий интерес и отвечающими на важнейшие вопросы как древней, так и современной истории. Прошедший форум сделал весомый вклад в разработку одного из самых сложных вопросов истории Руси, показав, что именно археологии принадлежит ведущая роль в изучении данной темы.

В настоящее время по материалам конференции к печати готовится сборник статей.

С.В. Кузьминых

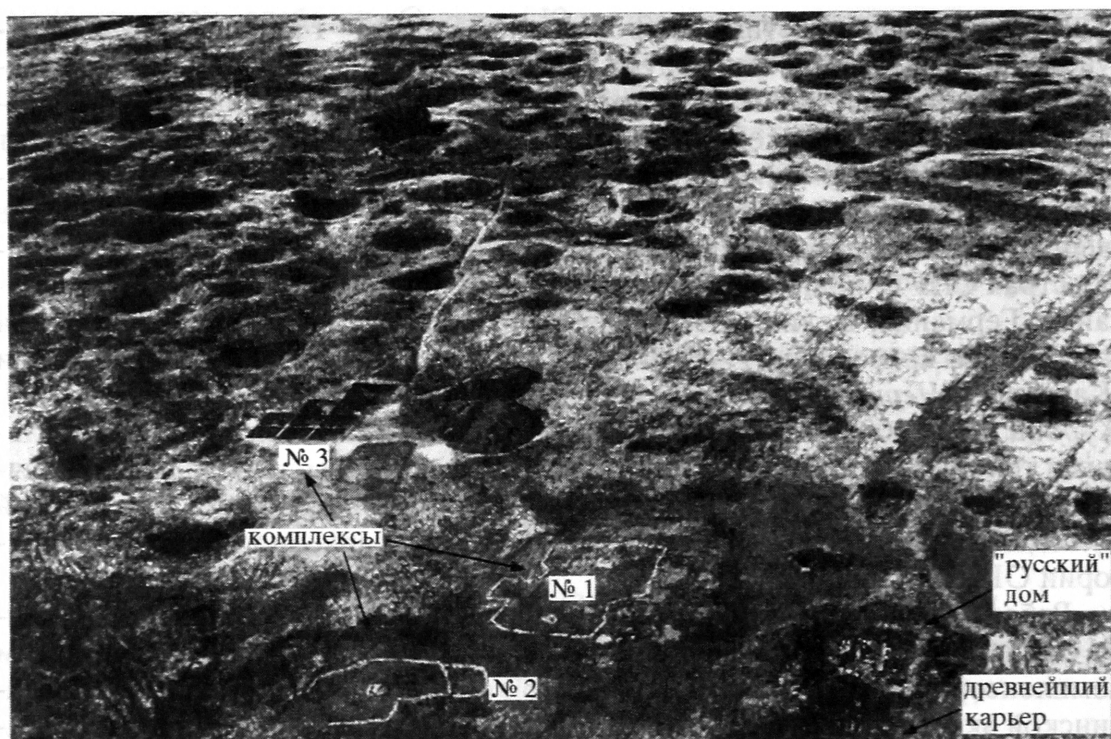
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОЛЕВОЙ СИМПОЗИУМ “ДРЕВНЕЙШИЕ ЭТАПЫ ГОРНОГО ДЕЛА И МЕТАЛЛУРГИИ В СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ: КАРГАЛИНСКИЙ КОМПЛЕКС” (КАРГАЛЫ–ОРЕНБУРГ)

Изучение древнейшего горно-металлургического производства принадлежит к тем сферам научной деятельности, которые издавна обращали на себя внимание специалистов самого широкого профиля. Активные полевые изыскания трех последних десятилетий привели к выявлению выдающихся памятников древнего и старинного горного дела на Балканах (Аи-Бунар, Странжа и др.), в Леванте (Тимна и Фенан), на Иранском нагорье (Вешнове), в Средней Азии и Казахстане (Карнаб, Кенказган, Коунрад, Саяк и др.) и в других регионах Евразии. Особый резонанс у российской и международной научной общественности вызвало открытие Каргалинского меднорудного и горно-металлургического комплекса (Каргалы) в Южном Приуралье, на котором с 1990 г. развернулись и более десятилетия продолжались интенсивные полевые разыскания Каргалинской комплексной археологической экспедиции Института археологии РАН под руководством Е.Н. Черных. Уже предварительные публикации результатов данных исследований (см. их обзор: *Черных, Лебедева, Кузьминых и др.*, 2002. С. 14–17) не просто стимулировали неподдельный интерес к Каргалам, но стали катализатором активного обсуждения проблематики, связанной с древнейшим горно-металлургическим производством, на ряде конференций и симпозиумов, а также на страницах российских и зарубежных журналов. На этих форумах и в печати, кроме того, настойчиво звучала мысль о необходимости осмысления основных аспектов и проблем горного дела и металлургии бронзового века Северной Евразии; при этом высказывалось пожелание, чтобы научным полигоном для встречи и обмена опытом специалистов различных стран и направлений стали именно Каргалы.

Все это сделало насущным проведение 25 июня – 1 августа 2002 г. Международного полевого симпозиума, организаторами которого явились Институт археологии РАН и Администрация Оренбургской области. Финансовая поддержка Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 02-06-85066) и Администрации Оренбургской области во многом способствовали успешному проведению симпозиума. В его работе приняли участие специалисты из научных центров России (Москва, Оренбург, Ижевск, Самара), стран СНГ (Украина, Казахстан, Узбекистан) и дальнего зарубежья (Испания, Германия, Великобритания, США). К началу полевого симпозиума Институтом археологии РАН были изданы два тома из пятитомной серии “Каргалы” (Черных, Лебедева, Кузьминых и др., 2002; Черных, Лебедева, Журбин и др., 2002) и сборник материалов самого симпозиума с параллельными текстами на русском и английском языках (Материалы..., 2002). Научно-организационной базой симпозиума стали коллективы Каргалинской экспедиции ИА РАН и кафедры истории России и археологической лаборатории ОГПУ.

Работа симпозиума проходила в два этапа. Основной из них – собственно сам полевой симпозиум – был связан непосредственно с Каргалинским комплексом. Центром притяжения этого этапа стали базовый лагерь Каргалинской экспедиции и раскоп на позднебронзовом поселении Горный. Организаторам удалось полностью выполнить намеченную программу. В небольшой степени этому благоприятствовала погода, позволившая осуществить наиболее сложные пункты данной программы. В ходе экскурсий участники симпозиума получили максимально полное представление о главных участках и пространственной протяженности Каргалинского меднорудного поля. Кроме того, они воочию познакомились с основными типами и следами поверхностных и подземных горных выработок, причем в последних их внимание привлекли не только сами штольни и залы, но и зримые следы горнопроходческих инструментов, в изобилии сохранившиеся на песчаниковых стенах и сводах. Особенно сильное впечатление о Каргалах оставила вертолетная экскурсия, состоявшаяся благодаря содействию Администрации области, – масштабы древних и старинных работ по увалам Общего Сырта с высоты птичьего полета действительно впечатляют (фото).

Живой интерес был проявлен к археологическим памятникам Каргалинского комплекса и его окружи (микрорайон Буланово). Вся их панорама – поселения и могильники бронзового века, курганы сарматской эпохи, сооружения XVIII–XIX вв. – предстала перед участниками полевого симпозиума во время экскурсий. Наибольшее внимание, естественно, привлекли к себе памятники, на которых в тот момент проводились раскопки, – это селища позднего бронзового века Горный 1 и Буланово 2, а также могильник у горы Березовой. Причем экскурсия на Горном для участников Каргалинского исследовательского проекта (с российской стороны – Е.Н. Черных, Е.Е. Антипина, А.П. Бужилова, И.В. Журбин, М.В. Козловская, С.В. Кузьминых, Е.Е. Куликов, Е.Ю. Лебедева, В.Ю. Луньков, М.Б. Медникова, А.Б. Полтараус; с испанской – Х.М. Висент Гарсия, И. де Завала Моренсос, П. Лопес Гарсия, Х.А. Лопес Саец, М.И. Мартинес Наваретте, С. Ровира, А.Л. Родригес Алькальде) стала, по сути, началом череды их докладов, которые ка-



Каргалы, поселок позднего бронзового века Горный. Вид с вертолета, съемка 2002 г.

В окружении следов древних шахт виден раскоп сезона 2002 г. (комплекс 3), а также обозначены места расположения раскопанных в предшествующие годы комплексов 1 и 2, древнейшего поискового карьера раннебронзового века и "русского дома" XVIII в.

сались различных аспектов, связанных с изучением данного горно-металлургического комплекса.

Е.Н. Черных (Москва) сделал обзор вскрытых на Горном объектов. Раскоп 2002 г. позволил в реальности ознакомиться с литологией основных наслоений, характером культурного слоя, производственно-бытовыми и са-кральными сооружениями, а также с их стратиграфическим и хронологическим соотношением. Жилищно-производственные комплексы, изученные в 1992–1999 гг., были "воспроизведены" на поверхности поселения в виде натурального макета, выложенного из песчаниковых плит по периметру выявленных сооружений. Внимание участников симпозиума было привлечено, кроме того, к древнейшему – раннебронзовому – поисковому карьеру, а также к объекту уже нового времени – так называемому "русскому дому" XVIII в. *И.В. Журбин* и *В.П. Зверев* (Ижевск), продемонстрировав электрометрические исследования, остановились на реконструкции планировки позднебронзового поселка. Здесь же, на Горном, состоялся и первый обмен мнениями и впечатлениями об увиденном.

Разговор о характере, масштабах и организации горно-металлургического производства в Великом степном поясе Евразийского континента – и, прежде всего, при обсуждении докладов остальных участников Каргалинского исследовательского проекта – был продолжен в экспедиционном лагере. При этом лишь малую часть выступлений можно отнести к сугубо ака-

демическим по своей форме. Участники симпозиума получили реальную возможность подержать в руках частицу того богатства археологических материалов, что добыта при раскопках Горного, и вместе с *Е.Е. Антипиной*, *Д.В. Вальковым*, *С.В. Кузьминых* и *В.Ю. Луньковым* (Москва), представлявшими в своих выступлениях костяные, каменные и медные орудия и заготовки, литейные формы, шлаки и керамику, могли составить о них собственное представление. Визуальное впечатление о металлических изделиях и шлаках Горного *С. Ровира* (Испания) дополнил яркой картиной металлургических и кузнечных приемов и операций, выявленных им с использованием методов электронной и оптической микроскопии, металлографии и рентгеноструктурной спектроскопии.

Продолжая разговор о необозримой археозоологической коллекции поселения Горный, *Е.Е. Антипина* наглядно охарактеризовала видовую структуру костных остатков и особенности морфологии животных, степень искусственной раздробленности костей и характер следов искусственного воздействия на костях. Оценка остеологической коллекции Горного вкупе с карпологическими исследованиями позволила ей вместе с *Е.Ю. Лебедевой* и *Е.Н. Черных* обратиться к реконструкции системы жизнеобеспечения горняков и металлургов срубной общности на Каргалах, которая базировалась, судя по всему, на обменных операциях медной руды на скот. Оценке практики жизнеобеспечения был посвящен и коллективный доклад испанских участников Каргалинского исследовательского проекта. *Х.М. Висент Гарсия*, *И. де Завала Моренсос*, *П. Лопес-Гарсия*, *Х.А. Лопес-Саец*, *М.И. Мартинес-Наваретте*, *А.Л. Родригес Алькальде*, опираясь на палинологические исследования и методы ландшафтной археологии, предложили теоретическую модель взаимодействия человека и окружающей среды на Каргалах в бронзовом веке. В докладах *А.П. Бужиловой*, *М.Б. Медниковой*, *М.Б. Козловской*, *Е.Е. Куликова* и *А.Б. Полтарауса* (Москва) были представлены предварительные результаты палеоантропологического, палеодиетологического и молекулярно-генетического исследования населения эпохи бронзы и сарматского времени Каргалов, полученные при изучении сравнительно небольшой по численности антропологической выборки из поселения Горный 1, Першинского и Комиссаровского могильников.

Здесь же, на Каргалах, прозвучала серия докладов, посвященная историко-металлургическим исследованиям в странах ближнего зарубежья. *Ю.М. Бровендер* и *В.В. Отрощенко* (Украина), возобновившие в последние годы изучение древних рудников и поселений горняков в Бахмутской котловине в бассейне Северского Донца, познакомили коллег с результатами своих изысканий и раскопок на площади Картамышского рудопоявления. *В.Д. Рузанов* (Узбекистан) на основании геологических и археологических свидетельств попытался выделить на территории Узбекистана несколько горно-металлургических центров, существовавших в эпоху раннего металла, однако сделанный им обзор носил слишком общий характер. Более конкретным и доказательным был доклад *Я. Черны* (Германия), посвященный характеристике оловянных рудников бронзового века (Карнаб, Чангалли, Мушистон и др.), изученных в долине Зеравшана в Узбекистане и Таджикистане. *С.А. Берденов* (Казахстан), собравший сведения о многочисленных

следах древних горных работ, выделил на территории Казахстана ряд горно-металлургических областей, служивших важнейшими рудными источниками для производящих центров Евразийской металлургической провинции. К этим докладам примыкало сообщение *Ф. Кола* (США), который ознакомил коллег с результатами новейших раскопок Дагестано-Американской экспедиции на известных поселениях и могильнике бронзового века у селения Великент близ Дербента. Эти материалы рассматриваются в контексте их местоположения в Каспийском прибрежном коридоре, который связывал степные культуры Предкавказья с ближневосточными.

Второй этап Каргалинского международного полевого симпозиума прошел в Оренбурге, в педагогическом университете. Сотрудники кафедры истории России и археологической лаборатории ОГПУ (руководитель – *Н.Л. Моргунова*), Института степи УрО РАН (*С.В. Богданов*) и краеведческого музея (*В.Е. Трегубов*) подготовили археологическую выставку, раскрывающую основные этапы древнейшего прошлого Оренбургского края. Участники симпозиума имели также возможность познакомиться с достопримечательностями Оренбурга и его окрестностей.

Во вступительном докладе *А.А. Чибилева* (Оренбург) речь пошла о природно-ландшафтном своеобразии степных экосистем на стыке Европы и Азии, о природно-охранной деятельности возглавляемого им Института степи, о выделении нескольких охранных природных зон на территории Каргалинского комплекса. Планируемые ограниченные рамки последних вступают в явное противоречие со статусом Каргалов как памятника федерального значения, что в дальнейшем может губительно сказаться на судьбе комплекса в целом. Каргалинскую тему продолжил *С.В. Богданов* (Оренбург), познакомивший участников симпозиума с материалами раскопанных в 2000 и 2001 гг. Першинского и Комиссаровского курганных могильников. Доклад *Н.Л. Моргуновой* о металлургии ямной культуры Приуралья стал хорошим комментарием той представительной серии медных и железных предметов – оружия, орудий труда и украшений, привлечших к себе внимание на выставке в ОГПУ.

В большинстве выступлений второго этапа доминировала евразийская историко-металлургическая проблематика. С большим интересом были восприняты доклады *И. Монтеро* (Испания) о доисторических медных рудниках на Иберийском полуострове, *Б.С. Оттауэй* и *Е.К. Уоджер* (Великобритания) – о памятниках горного дела и металлургии в Уэльсе, *Г. Вайсбергера* (Германия) – о древнем горном деле в Тимне и Фенане (древний Левант) и выплавке меди в Восточном Средиземноморье, *Т. Штёльнера* (Германия) – об исследованиях памятников горного дела на Иранском плато, в частности, разработок близ Вешнове, которые могут считаться наиболее ранними на Среднем Востоке. В итоговом докладе “Каргалы: феномен, парадоксы и модель функционирования” *Е.Н. Черных* привлек внимание участников симпозиума к еще слабо разработанным проблемам, связанным с изучением горного дела и металлургии на Евразийском континенте в древности.

Большинство докладов, прозвучавших на симпозиуме, так или иначе были посвящены проблемам, тесно связанным с древним горным делом и металлургией, даже если речь в них шла о данных археозоологических, пали-

нологических, карпологических, палеопатологических, палеодиетологических и молекулярно-генетических изысканий. Перед участниками симпозиума предстала панорама историко-металлургических исследований, которые ведутся в ряде узловых регионов Евразии. Состоявшийся обмен опытом, методическими приемами и информацией, несомненно, обогатил всех участников симпозиума, а знакомство с Каргалами, по словам многих коллег, придало им дополнительный импульс для собственных поисков. В адрес организаторов прозвучало немало слов благодарности за образцовое проведение симпозиума и, в особенности, за подарок судьбы – встречу с Каргалами. В резолюции Международного полевого симпозиума прозвучал призыв к правительственным органам РФ, к Администрации Оренбургской области и Российской Академии наук сделать все возможное для организации на базе Каргалов национального парка-заповедника горного дела и металлургии – первого на территории Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

Материалы..., 2002. Материалы Каргалинского Международного полевого симпозиума – 2002 “Древнейшие этапы горного дела и металлургии в Северной Евразии: Каргалинский комплекс”. М.

Черных Е.Н., Лебедева Е.Ю., Кузьминых С.В., Луньков В.Ю., Горожанин В.М., Горожанина Е.Н., Овчинников В.В., Пучков В.Н., 2002. Каргалы. М. Т. I: Геолого-географические характеристики. История открытий, эксплуатации и исследований. Археологические памятники.

Черных Е.Н., Лебедева Е.Ю., Журбин И.В., Лопес Гарсия П., Лопес Саец Х.А., Мартинес Наваретте М.И., 2002. Каргалы. М. Т. II: Горный – поселение эпохи поздней бронзы: Топография, литология, стратиграфия. Производственно-бытовые и сакральные сооружения. Относительная и абсолютная хронология.

SUMMARY

The article by I.L. Kyzlasov “Medieval Eurasia in the light of the recent discoveries” suggests a new view on the culture of Medieval Eurasia formed due to the works of L.R. Kyzlasov and the author. Northern Manichean religion is identified as the state religion of South Siberia in the 8th – the 16th cc. The temples were excavated, around 50 inscriptions from the Yenisey valley of Manichean character were deciphered, Manichean spelling of some runic texts was proved.

Seven or eight runic alphabets were identified used by two groups of population of different origin. This implies ancient cultural differentiation of the Turkic states and peoples. The investigations resulted in discovery of the evidences of trading stations of the ancient Khakases (identified with Askiz archaeological culture) in Eastern Europe – in the Volga Bulgaria, Rus, and the other lands, in the 11th – early 13th cc.

The subject of the paper by V.E. Rodinkova “The crescentic pendants from the Kozievka hoard (on the problem of the early medieval crescentic pendants)” are the pendants from the hoard Kozievka. The association belongs to the so-called “antiquities of the Antes” known in the Dnieper basin. The author presents the data that confirm that the ornaments in shape of three-point crescentic pendants existed not only in the Roman period, but also continued to function in some areas of Eastern Europe in the early Middle Ages. The cast and plate articles in question are divided into several groups that mirror first of all the local specifics in the attire within different territories. The most close analogies of the plate pendants from Kozievka have been mapped, this work permits to assume the existence of certain links between the population of the forest-steppe region on the Dnieper left bank and the inhabitants of the south-eastern part of the Baltic region. The contacts, probably, took place both as the movements of people and the objects of material culture along the riverway from the Baltic Sea to the Black Sea via the West Dvina, the Neman, and the Dnieper.

The article by D.V. Sereda is entitled “Classification of the pottery of Kolochin culture (on the materials from the sites on the Dnieper left bank)”. The author suggests the new typology of hand-made pottery of Kolochin culture. The materials from over 40 sites were drawn, both early ones and those of the classic period of the culture. The sites are disposed mainly in the territory on the Dnieper left bank. The pottery of Kolochin culture is divided into two categories of shapes, two groups, and 12 types of pottery, as well as 2 types of pottery discs. The suggested classification seems of significance for working out the chronology of the culture in question and singling out its local variants.

The work by M.G. Zhilin “Investigations of the Upper Volga expedition at peat bogs in 1992–2002” is devoted to the series of specific sites. Reliable stratification, good state of preservation of organic remains, and possibility for wide-scale application of scientific methods make peat bog sites the most important source for studies of the Mesolithic and Neolithic in the forest zone of Eurasia. During past decade field investigations of the Upper Volga expedition were concentrated at several large peat bogs of the Upper Volga region. 17 sites were discovered at Ozerki peat bog, situa-

ted 20 km southward from Tver, 4 of them underwent excavations, yielding a sequence of cultural deposits from the middle Mesolithic to the middle Neolithic. About 50 sites dated from the early Mesolithic to the Middle Ages were discovered at Dubna peat bog, situated 100 km northward from Moscow, 6 of them underwent excavations. They have revealed cultural deposits dated since the middle Mesolithic till the late Neolithic. The site Ivanovskoye 7 with 5 cultural layers dated from the early Mesolithic to the late Neolithic was excavated at Ivanovskoye peat bog 150 km north-east from Moscow. 5 sites were discovered at Podozerskoye peat bog disposed between Ivanovo and Yaroslavl. Two of them were excavated and produced a sequence of cultural layers from the very beginning of the Mesolithic to the early Iron Age. 4 more sites were discovered at the Sakhtysh peat bog, at one of them cultural layers dated to the early, middle, late and final Mesolithic were revealed. The other site at the same peat bog yielded a sequence of layers that cover the periods of the late and final Mesolithic and the entire Neolithic.

These investigations give grounds for a detailed study of human history and environmental development in the Mesolithic during the terminal stage of the Younger Dryas (a little earlier 10 300 BP – Stanovoye 4, layer IV), early Preboreal period (9700–9600 BP – Ivanovskoye 7; 9600 BP – Stanovoye 4, layer III), Preboreal optimum (9550–9300 BP – Sakhtysh 14, layer IV), terminal Preboreal period (9300–8900 BP – Stanovoye 4, section 3, layer III; Sakhtysh 14, layer III), early Boreal period (8900–8500 BP – Ozerki 16 and 17, bottom layers; Ivanovskoye 7, layer III; Stanovoye 4, section 2, layer III; Nushpoly 11, layer IV), second half of the Boreal period (8400–7800 BP – Sakhtysh 14, layer II; Stanovoye 4, section 1, layer III; Stanovoye 1, bottom layer; Okayomovo 5, bottom layer), early Atlantic period (7600–7000 BP – Ivanovskoye 7, layer II a; Nushpoly 11, layer III; Ozerki 5, layer IV; Okayomova 4 and 18, lower layers). Several of these sites have also produced the Neolithic cultural layers attributed to the middle and late Atlantic period (7000–5000 BP) and early Subboreal period (5000–4000 BP).

The paper by L.I. Avilova “Gold and copper from Troy” discusses the position occupied by this world-famous archaeological site against the background of the civilizations of the Near East in the Early and Middle Bronze Ages. The author’s main attention is concentrated on the statistical analysis of the unique computer database which includes all metal finds from Troy available in the publications (over 32 thousand artefacts). The finds are clustered according to the material used (copper and copper-based alloys, precious metals, lead), their function, and typology. Special stress is made on the composition of numerous hoards, some of them the author regards as the burials of the social elite. The treasures from Troy (levels II–III) determine the general appearance of the Anatolian Middle Bronze Age and, taken more broadly, the coeval urban civilizations of the Near East, whilst in the Early Bronze Age Troy (level I) was a small modest settlement, having nothing in common with its future splendour.

The publication by V.N. Chkhaidze “The inscribed medieval amphora from the Taman museum of viticulture and wine-making” concerns the amphora from the exposition of the Taman museum. The vessel is ascribed to the amphorae well-known in the Mediterranean and the Black Sea basin as “collar-necked”, “pear-shaped”, or “Trillian” and date back to the time since mid 10th till late 11th – early 12th cc. The centre of manufacturing the discussed amphorae now cannot be located

with certainty, though it is clear that the vessels were produced in the territory of Byzantine empire. The suppositions that Trillia was most probably their exporter cannot be confirmed archaeologically. Over 35 thousand fragments and four whole amphorae of the discussed type are known from the Taman hillfort. The supposition is put forward that in Tmutarakan the local imitations of these vessels could have been manufactured. The graffiti (dipinto) placed on the amphorae's neck gives grounds to assume that the discussed vessels were procured to Tmutarakan from the centre of their production instantly via Constantinople. The graffiti on the vessels exhibit their relations with the late classical symbols popular in Byzantium, from this territory they spread to Tavrica and Taman. The inscriptions could have served as the marks of the goods contained in the amphorae, or the companies responsible for goods' transportation, the owner's signs, or the measures of capacity. However, the dynamics of graffiti spreading reflects the process of import of amphorae used as containers.

The article by V.I. Kulakov and A.S. Syrovatko "Horse shoe-shaped brooch from Kolomna" discusses the problems related to the specific brooch found in Kolomna, which was occasionally found in this town in 1995 or 1996. In 2002 it was delivered to the Kolomna Archaeological service; the artefact represents a bronze horse shoe-shaped brooch with octahedral knobs on both ends (Fig. 1: 1). The fastening is attributed to the group RVFE which includes the brooches with cubic/faceted knobs and occupies the intermediate position between the sub-types K. FAC:US and K. TRA:JRA. The brooch looks more archaic than the dated finds from Kaupе (Fig. 2: 3), its chronology may be determined as the first half of the 10th c. Taking into account a distance of 1250 km separating Kolomna from Sambia, the brooch in question could have appeared in the Moscow region later, maybe after 950. The find gives grounds to suggest more precise date for the early Slavic settlement within the territory of the Kolomna kremlin; it should be pointed out that it is the first artefact dated that accurately. The discovery in Kolomna of the brooch closely connected by its origin with the South-Eastern Baltic zone (and possibly, with the Sambia Peninsula) is the testimony of obvious relations maintained between the Baltic and the Moscow regions on the early stage of existence of ancient Russian state. This aspect of the relations is little known so far; still, it confirms the participation of the multi-ethnic population of the Amber shore in formation and development of ancient Russian state in the Viking age.

The paper by V.Yu. Koval "Glazed pottery from Uvek vicinities" deals with specific groups of medieval pottery. In the course of archaeological investigations at Khmelevskoe settlement dated to the Golden Horde period and located near the fortified settlement Uvek in the Volga basin the association dated to the 1340-s was discovered. It should be conditionally termed as a closed complex. The association comprised the set of glazed pottery, which included the pieces of imported vessels procured to the Golden Horde from Syria, Byzantium, Iran, and Central Asia. The discussed vessels served as the models for the local craftsmen who produced imitations of the imported pottery. Syrian and Iranian ornamentations were the most influential. In the investigated association semi-faïences with underglazed polychrome decoration and kashi ornamentation (the latter decorative element was formerly incorrectly termed "relief") were not represented. This fact permits to suppose mass spread of the pottery type in question as late as mid 14th c.

In the issue there is published the review by S.V. Kuzminykh of the book by B.S. Solovyev “The Bronze Age of the Mari region of the Volga basin”. Yoshkar-Ola, 2000. 264 pages. (The proceedings of the Mari archaeological expedition. Vol. VI).

The review of the book by V.L. Yanin “The beginnings of the Novgorod state system”. Veliky Novgorod, 2001, by V.V. Sedov is also published in the issue.

The issue also includes the information by M.B. Mednikova “The group of physical anthropology: The results of decade-long activities”.

The chronicle is represented by the information by V.Yu. Koval on the conference “Rus in the 9th – the 14th cc.: interrelation between the North and the South”, Moscow – Rostov, 2002, and the information by S.V. Kuzminykh on International field seminar “The earliest stages of mining and metallurgy in North Eurasia: the Kargaly complex”, Kargaly – Orenburg.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АИ	– Археологические изыскания. СПб.
АНБ	– Академия Наук Белоруссии
АО	– Археологические открытия. М.
АЭМК	– Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола
ВДИ	– Вестник древней истории
ВФУ	– Вопросы финно-угроведения. Йошкар-Ола
ГИМ	– Государственный Исторический музей
ГМИИ	– Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
ЗОРСА	– Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества
ИА	– Институт археологии
ИА РАН	– Институт археологии Российской Академии наук
ИГАИМК	– Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Л.
ИИМК	– Институт истории материальной культуры
ИИ АНБ	– Институт Истории Академии Наук Беларуси
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии. М.
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МАР	– Материалы по археологии России. СПб.
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МКФУ	– Международный конгресс финно-угроведов.
МПИТ	– Материалы по истории Татарии. Казань.
НАНУ	– Национальная Академия Наук Украины
ОГПУ	– Оренбургский государственный педагогический университет
РА	– Российская археология. М.
РАН	– Российская академия наук
РВД	– Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.
РГНФ	– Российский гуманитарный научный фонд
РФФИ	– Российский фонд фундаментальных исследований
СА	– Советская археология. М.
САИ	– Свод археологических источников. М.; Л.
ТАС	– Тверской археологический сборник. Тверь
ТМАЭ	– Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>И.Л. Кызласов. Средневековая Евразия в свете новых открытий</i>	3
<i>В.Е. Родинкова. Подвески-лунницы Козиевского клада (к постановке проблемы ранне-средневековых лунниц)</i>	6
<i>Д.В. Серeda. Классификация керамики колочинской культуры (по материалам памятников Днепровского Левобережья)</i>	20

ПУБЛИКАЦИИ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>М.Г. Жилин. Работы Верхневолжской экспедиции на торфяниках в 1992–2002 годах</i>	30
<i>Л.И. Авилова. Золото и медь Трои</i>	39
<i>В.Н. Чхаидзе. Средневековая амфора с граффити из Таманского музея виноградарства и виноделия</i>	45
<i>В.И. Кулаков, А.С. Сыроватко. Подковообразная фибула из Коломны</i>	51
<i>В.Ю. Коваль. Глазурованная керамика из окрестностей Увека</i>	58

РЕЦЕНЗИИ

<i>С.В. Кузьминых. Б.С. Соловьев. Бронзовый век Марийского Поволжья. Труды Марийской археологической экспедиции. Т. VI. Йошкар-Ола, 2000. 264 с.</i>	70
<i>В.В. Седов. В.Л. Янин. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001.</i>	81

ХРОНИКА

<i>М.Б. Медникова. Группа физической антропологии: итоги десятилетней работы</i>	86
<i>В.Ю. Коваль. Конференция “Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга” (Москва–Ростов, 2002)</i>	89
<i>С.В. Кузьминых. Международный полевой симпозиум “Древнейшие этапы горного дела и металлургии в Северной Евразии: Каргалинский комплекс” (Каргалы–Оренбург)</i>	96

SUMMARY	102
---------------	-----

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	106
---------------------------	-----

Научное издание

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Выпуск 215

*Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук*

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *М.М. Леренман*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *О.В. Аредова*
Корректор *З.Д. Алексеева*

Подписано к печати 02.06.2003
Формат 70 × 100 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 9,1. Усл.кр.-отт. 9,5. Уч.-изд.л. 8,8
Тираж 450 экз. Тип. зак. 947

Издательство “Наука”
117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Санкт-Петербургская типография “Наука”
199034 Санкт-Петербург, 9-я линия, 12